

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

12
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal
Periodical publication.
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

e-mail: dep_ktpl@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Периодическое печатное издание.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Электронный адрес: dep_ktpl@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polozinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/ Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

L.L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Купцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация

- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шатино*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Л.Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

О вкладе С.И. Гиндина в гуманитарные науки: К 80-летию со дня рождения

- Людмила Л. Федорова*
Краткий очерк научной биографии С.И. Гиндина 14
- Татьяна Ю. Кобзарева*
Роль С.И. Гиндина в сохранении научного наследия 23

Посвящение С.И. Гиндину

- Илья Б. Иткин*
Семантически обусловленные нарушения
формальной организации поэтического текста 35

- Виолетта М. Хаимова*
Значимость композиции в постижении семантики
лирических стихотворений М. Цветаевой
(на примере стихотворений «Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя») 50

- Лейли Г. Лахути*
Семантика плача в поэме Фирдоуси «Шах-наме» 59

- Валерия М. Грызлина, Людмила Л. Федорова*
Речевое воздействие в диалогах судебного заседания
(на примере речей адвоката Перри Мейсона
в романах Э.С. Гарднера) 72

- Наталья Ю. Муравьева*
Лексема *колокольчик*: контекстные особенности употреблений
и иерархия значений 90

Сферы лингвистических исследований: история и современный взгляд

- Яков Г. Тестелец*
Н. Хомский и советское языкознание 1970–1980-х гг. 108

- Валентина Г. Кульпина*
О предметных областях когнитивной этнолингвистики
и лингвокультурологии на фоне современных
лингвистических исследований в России и Польше 135

<i>Наталья И. Рейнгольд</i> Современные тенденции в российском переводоведении	150
---	-----

<i>Любовь Г. Силантьева</i> Инструментальное изучение ларингальных характеристик гласных слогоносителей в иранских языках: вызовы, преимущества и результаты	163
---	-----

In Memoriam

<i>Светлана И. Переверзева, Лидия А. Хесед</i> Памяти Григория Ефимовича Крейдлина	187
---	-----

<i>Александра В. Чага</i> Памяти Леонида Лейбовича Иомдина	206
---	-----

CONTENTS

On S.I. Gindin's Contribution to the Humanities. On the 80th Anniversary of His Birth

- Liudmila L Fedorova*
A brief outline of S.I. Gindin's scientific biography 14
- Tatiana Yu. Kobzareva*
The role of S.I. Gindin in preservation of scientific heritage 23

Dedication to S.I. Gindin

- Ilya B. Itkin*
Semantically conditioned deviations of the formal organization
of a poetic text 35
- Violetta M. Khaimova*
The significance of composition in comprehending
the semantics of Marina Tsvetaeva's lyric poems
(as applied to the poems "Neither Here nor There" and "Three Kisses") 50
- Leili G. Lahuty*
The semantics of weeping in Ferdowsi's "Shahnameh" 59
- Valeria M. Gryzlina, Liudmila L. Fedorova*
Speech impact in judicial dialogues (based on the lawyer
Perry Mason's speeches in the novels of E.S. Gardner) 72
- Natalia Yu. Muravyova*
Lexeme *kolokol'chik* (a bluebell). The contextual use
and hierarchy of meanings 90

Areas of Linguistic Research: History and Modern Perspective

- Yakov G. Testelets*
Noam Chomsky and the Soviet linguistics in the 1970s – 1980s 108
- Valentina G. Kulpina*
On the subject areas of cognitive ethnolinguistics
and linguoculturology against the background
of modern linguistic research in Russia and in Poland 135

<i>Natalya I. Reinhold</i>	
Current trends in Russian Translation Studies	150

<i>Liubov' G. Silanteva</i>	
Instrumental study of laryngeal characteristics of vowel syllable nuclei in Iranian languages. Challenges, advantages, and results	163

In Memoriam

<i>Svetlana I. Pereverzeva, Lidia A. Khesed</i>	
In memory of Grigory Efimovich Kreydlin	187

<i>Aleksandra V. Chaga</i>	
In memory of Leonid Iomdin	206

О вкладе С.И. Гиндина в гуманитарные науки: К 80-летию со дня рождения

УДК 001.32

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-14-22

Краткий очерк научной биографии С.И. Гиндина

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfroix@yandex.ru*

Аннотация. Мемориальная статья памяти Сергея Иосифовича Гиндина к его 80-летнему юбилею. В статье дается краткий обзор конференции Института лингвистики «Сферы и границы лингвистических исследований. Памяти С.И. Гиндина», состоявшейся в марте 2024 г. в РГГУ. Приводится биографическая справка об основных этапах творческого пути Сергея Иосифовича, его достижениях как ученого-теоретика, сочетавшего филологический и лингвистический подходы в создании лингвистики текста, как практика, составившего систематический указатель отечественных трудов по стиховедению с 1958 г., разработавшего информационную базу по творчеству В.Я. Брюсова, как лектора и заведующего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, подготовившего ряд университетских курсов по лингвистике и филологии, как издателя и просветителя, выпустившего множество изданий и статей, способствующих популяризации отечественной гуманитарной науки.

Ключевые слова: in memoriam, С.И. Гиндин, лингвистика текста, брусосведение, конференция «Сферы и границы лингвистических исследований»

Для цитирования: Федорова Л.Л. Краткий очерк научной биографии С.И. Гиндина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 14–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-14-22

© Федорова Л.Л., 2025

A brief outline of S.I. Gindin's scientific biography

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, lfvox@yandex.ru*

Abstract. The article commemorates the 80th birthday anniversary of Sergei Gindin. It provides a brief overview of the conference “Spheres and boundaries of linguistic research. In memory of S.I. Gindin”, held by the Institute of Linguistics in March 2024 at the RSUH. It also presents a biographical information about the main stages of Sergei Iosifovich's creative career, his achievements as a theoretical scientist who combined philological and linguistic approaches in creating ‘text linguistics’, as a practical scientist, who compiled a systematic index of Russian works on poetry since 1958, developed an information base on the works of V. Bryusov, as a lecturer and head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, who has prepared a number of university courses in linguistics and philology, as an editor and educator, who prepared many publications and articles contributing to the popularization of Russian humanities.

Keywords: in memoriam, S.I. Gindin, text linguistics, V. Bryusov studies, conference “Spheres and boundaries of linguistic research”

For citation: Fedorova, L.L. (2025), “A brief outline of S.I. Gindin's scientific biography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 14–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-14-22

10 сентября 2024 г. ушел из жизни Сергей Иосифович Гиндин, замечательный филолог, лингвист, просветитель, один из создателей Института лингвистики РГГУ. Но в этой статье хочется говорить о Сергее Иосифовиче как о юбиляре, которому 11 сентября 2025 г. исполнилось 80 лет.

В марте 2025 г. в Институте лингвистики РГГУ в рамках общей темы «Язык и методы его описания» состоялась научная конференция «Сферы и границы лингвистических исследований», посвященная памяти С.И. Гиндина, руководителя Центра теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации РГГУ, многие годы заведовавшего кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, бывшего главным редактором Московского лингвистического журнала и научно-методического журнала «Русский язык».

В конференции приняли участие преподаватели российских и зарубежных вузов (РГГУ, НИУ ВШЭ, Саратовского научно-иссле-

довательского университета им. Н.Г. Чернышевского, университетов Беларуси, Италии, Китая), а также ученые институтов РАН (Института русского языка им. В.В. Виноградова, Института языкознания, Института востоковедения, Института перевода Библии, Института научной информации по общественным наукам).

В докладах была отмечена выдающаяся роль С.И. Гиндина как исследователя, преподавателя, просветителя, чья научная деятельность охватывала как традиционные филологические сферы поэтики и текстологии, так и лингвистику текста и информационные технологии. Главная тема конференции – о сферах и границах лингвистических исследований – была ориентирована на приоритеты научного творчества С.И. Гиндина, который связывал лингвистическую проблематику и точные математические методы, филологию и корпусные исследования, теорию перевода и методы математической оценки точности поэтического перевода; при этом для него всегда были важны четкость определений, строгость формулировок и неприятие избыточных «новомодных» терминов, в которых терялась однозначность терминологии и ее непротиворечивость.

Важной особенностью деятельности Сергея Иосифовича являлась ее практическая значимость, возможность использовать лингвистические достижения для прикладных разработок, выполненных под его руководством. Е.А. Иванова рассказала о практической деятельности Центра теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации под руководством С.И. Гиндина, О.М. Аншаков – о «Брюсовском проекте» С.И. Гиндина – информационной системе, работающей на всем массиве текстов В. Брюсова.

Особый интерес вызвали доклад Л.Л. Шестаковой о лексикографических изысканиях С.И. Гиндина, восстановившего историю идеи Словаря языка А.С. Пушкина, сообщение Р.И. Розиной – об истории переводов сонетов Шекспира Маршаком в трактовке С.И. Гиндина, определившей новый взгляд на их прочтение.

Близкие интересам С.И. Гиндина темы прозвучали в теоретических докладах: так, Л.П. Крысин представил доклад о типологии речевых жанров, Е.П. Буторина – о видах деловой коммуникации, Е.В. Урысон – о текстовых показателях смысла «обманутого ожидания», Г.Е. Крейдлин и Г.Б. Шабат – о схождениях лингвистики и логики, В.Г. Кульпина – о когнитивной этнолингвистике в России и Польше, Н.Б. Мечковская – о параметрических характеристиках корпусов и частотных словарей.

Выступавшие поделились результатами собственных исследований в области поэтики и стиховедения (И.Б. Иткин,

В.М. Хаимова, А.С. Красникова, Т.В. Скулачева и др.), текстологии (Л.Г. Лахути, К.Т. Гадилия, О.А. Казакевич), диалектной речи (О.Ю. Крючкова, Ю.М. Кувшинская). Методические проблемы преподавания лингвистики обсуждались в выступлениях С.Ю. Семеновой, О.А. Волошиной, Т.В. Базжиной.

Биографическим этапам творческого пути С.И. Гиндина были посвящены доклады Л.Л. Федоровой, Т.Ю. Кобзаревой, сообщение Н.Н. Леонтьевой. Многие поделились воспоминаниями о своих личных встречах с Сергеем Иосифовичем, о той помощи и поддержке, которую он всегда оказывал коллегам, о его скромности и достоинстве, чуткости к слову и замечательной эрудиции.

Прошедшая конференция, как и встреча коллег в Доме Лосева в честь 80-летия С.И. Гиндина 11 сентября 2025 г., дали возможность обменяться научными размышлениями, связанными с широким кругом интересов Сергея Иосифовича, вспомнить яркие моменты из жизни, запечатленные в архивных видеоматериалах.

Коротко остановимся на фактах научной биографии С.И. Гиндина.

Научные интересы Сергея Иосифовича сформировались в студенческие годы, в период всеобщего увлечения идеями машинного перевода. В 1962 г. он поступил в Институт иностранных языков им. Мориса Тореза (тогда Первый Московский Государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, сейчас – Московский государственный лингвистический университет) на Отделение машинного перевода (затем переименованное в Отделение прикладной лингвистики) переводческого факультета. И уже в студенческие, а затем и в аспирантские годы он многократно выступал на научных конференциях – в Тбилиси и в Тарту, в Кишиневе и Ереване, в Риге и в Алма-Ате. Его увлекали вопросы формальной связности текста и творчество Валерия Брюсова – два, казалось бы, совершенно независимых предмета исследований, что и определило своеобразие его научного облика: поиск точных методов в текстологии и любовь к поэтическому слову, глубокое видение перспективы в схождении лингвистики как науки о языке и филологии как науки о тексте.

В 1971 г. в Предварительных публикациях проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике издана основополагающая работа С.И. Гиндина «Связный текст: формальное определение и элементы типологии» [Гиндин 1971]. В 1973 г. он защищает кандидатскую диссертацию на тему «Внутренняя организация текста: элементы теории и семантический анализ». В 1970-е гг. он публикует ряд работ по организации текста в сборни-

ках «Машинный перевод и прикладная лингвистика», «Семиотика и информатика». В 1978 г. выходит совместная с Н.Н. Леонтьевой работа «Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, диалоговых и информационных системах» [Гиндин, Леонтьева 1978].

Первая статья о Брюсове [Гиндин 1968] и статьи о поэтике (в том числе «Брюсовское описание метрики русского стиха с точки зрения современной типологии лингвистических описаний» в сборнике «Slavic poetics» [Гиндин 1973], подготовленном Романом Якобсоном), дали начало и многолетнему сотрудничеству с Ереванским Брюсовским научным центром. В 2005 и в 2013 гг. С.И. Гиндин был удостоен медали Ереванского лингвистического университета им. В. Брюсова за вклад в изучение творчества почитаемого в Армении русского поэта. По отзывам ереванских коллег, Сергей Иосифович «был выдающимся лингвистом и историком русской литературы, внес значительный вклад в изучение творчества В.Я. Брюсова». С 1980 г. С.И. Гиндин участвует в международном проекте «Славянская сравнительная метрика», организованном Польской Академией наук, печатается в ряде польских, немецких, чешских изданий. По словам польской коллеги Терезы Добжиньской, Сергей Иосифович открывал для них роль филологии как «медицины текста».

Деятельность С.И. Гиндина удивительно многогранна. Все его творчество посвящено преданному служению филологии, русско-му языку, лингвистике.

Как ученый-теоретик он является одним из основателей лингвистики текста, в сфере его интересов лингвистическая поэтика, стилистика, теория жанров, теория коммуникации, семиотика текста. Как литературовед он выступает прежде всего как исследователь творчества Брюсова, поэтов Серебряного века. Как историк науки и ее биограф – он создатель научных портретов многих выдающихся лингвистов, публикатор архивных материалов, сохраняющий и возвращающий в научный обиход идеи и имена деятелей отечественной науки.

Как практик Гиндин является разработчиком лингвистической технологии создания филологических корпусов текстов, программ сжатия текста, автоматической обработки текста. Для них характерно внедрение математических методов обработки информации, использование статистических методов анализа текста, оценка количественных методик точности перевода стихотворного текста.

Результатом многолетней работы в области стиховедения явился Систематический указатель отечественной теоретической

литературы 1958–1980 гг. «Структура стихотворной речи...»¹ – всеобъемлющая база данных для стиховедов. А итогом исследования творчества Брюсова стал «Брюсовский проект» – филологическая информационная система по творчеству Брюсова (см. [Гиндин 2003]), а также замечательно богатая антология «Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова», включающая и неизвестные дотолле переводы².

С 1977 г. С.И. Гиндин начинает работать в МГУ на кафедре структурной и прикладной лингвистики, возглавляемой В.А. Звегинцевым, ведет лекции и семинары со студентами и аспирантами по вопросам организации текста. В 1991 г. Сергей Иосифович и некоторые другие сотрудники кафедры, в том числе и автор этих строк, переходят в РГГУ на создаваемую кафедру теоретической и прикладной лингвистики. Тогда уже В.А. Звегинцева не было в живых, и мы рассчитывали на энтузиазм А.Н. Барулина, основателя кафедры, продолжившего традиции МГУ в РГГУ. Нас с Сергеем Иосифовичем связывал интерес к проблемам диалога, его построения, диалогической связности, а также к семиотике и теории коммуникации. В дальнейшем Сергей Иосифович всегда поддерживал мои исследования, обсуждая их результаты и перспективы.

С 2000 г. С.И. Гиндин возглавил кафедру теоретической и прикладной лингвистики. Здесь он совмещает руководство кафедрой с исследовательской работой и преподаванием. Сергей Иосифович открыл в рамках Института лингвистики отделение «Язык и межкультурная коммуникация», в преподавании курсов которого значительное место было отдано теории коммуникации. Для чтения курсов он приглашал академических ученых: В.М. Алпатова, Л.Л. Иомдина, Н.Н. Леонтьеву, С.Е. Никитину, Н.Н. Розанову, И.А. Сedaкову, А.Я. Шайкевича и др.

С.И. Гиндиным были подготовлены и прочитаны авторские курсы, в их числе фундаментальные университетские курсы «Лингвистика текста» и «Введение в общую филологию», а также «Лингвистика текста и дискурс», «Типология и стратификация речи», «Поэтическая речь», «Эволюция русской поэтической речи», «Филологическое обеспечение коммуникации», «Информационная эвристика», «Основы прикладной лингвистики». Исход-

¹ Гиндин С.И. Структура стихотворной речи: Систематический указатель литературы по общему и русскому стиховедению, изданной в СССР на русском языке с 1958 по 1980 г.: В 3 ч. Ч. 3: 1976–1982 гг. 3-е изд., доп. М., 2019.

² Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / сост., науч. подгот. текста, предисл., коммент. С.И. Гиндина. М.: Радуга, 1994. 894 с.

ное понятие текста, рассматриваемого как речевое произведение, лежит в основе его исследовательского подхода, воплотившегося в триаде «Текст – коммуникация – поэтика»; намеченная линия нашла выражение в работе научного семинара, который многие годы возглавлял Сергей Иосифович. Важные идеи этого подхода содержатся в работе «Речевые действия и речевые произведения» [Гиндин 1994]. В 2012 г. С.И. Гиндину было присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования России». В 2014 г. в РГГУ ему была вручена Премия А.Л. Шанявского за выдающийся вклад в развитие фундаментальных гуманитарных исследований.

В 2000–2011 гг. С.И. Гиндин также сотрудничает с Отделом корпусной лингвистики и лингвистической поэтики академического Института русского языка им. В. Виноградова, участвует в подготовке и проведении Шмелевских чтений, издании сборников статей.

Большое место в творческой жизни Сергея Иосифовича занимала издательская и редакционная работа. С 2001 по 2018 г. С.И. Гиндин является главным редактором Московского лингвистического журнала (с 2007 г. в составе «Вестника РГГУ»), на страницах которого печатаются как современные исследования, так и архивные неизданные материалы (в частности, воспоминания П.С. Кузнецова (2003), публикации И. Мельчука (к 50-летию модели Смысл ⇔ Текст, 2015), статьи о научном творчестве М.В. Панова, А.Я. Шайкевича, А.Н. Барулина и др.).

Большой заслугой С.И. Гиндина является подготовка к изданию трудов Н.И. Жинкина, Г.О. Винокура, сборников в честь Р. Якобсона, Г.О. Винокура. А на страницах научно-методического журнала «Русский язык», созданного на базе газеты «Первое сентября», Сергей Иосифович опубликовал серию заметок, посвященных юбилеям-лингвистам, классикам научной русистики: Р.И. Аванесову, В.Н. Сидорову, Б.А. Ларину, А.А. Реформатскому, А.М. Финкелю, И.И. Срезневскому, А.М. Пешковскому, А.М. Селищеву, Д.Н. Ушакову и др. Здесь он выступает как популяризатор научных идей и историк гуманитарного знания, связующий отечественную традицию 20–30-х годов XX в. с современной научной парадигмой.

С 2018 г. С.И. Гиндин возглавил Центр теории текста и лингвистического обеспечения коммуникации РГГУ, в котором руководил коллективом лингвистов до конца жизни. Замечательной особенностью Сергея Иосифовича была его способность ставить острые вопросы, вести полемику, увлекать аудиторию. Как блестящий оратор и лектор он остался в памяти тех, кому довелось слушать его устные выступления на конференциях и в аудиториях.

По Биобиблиографическому указателю³, составленному только до 2015 г., С.И. Гиндин участвовал как автор, редактор, публикатор в издании 622 работ, и много других заметок и набросков остались неопубликованными. Это богатое наследие еще должно изучаться и комментироваться.

Из докладов, прозвучавших на конференции и обсуждавших близкие С.И. Гиндину темы (стихovedение, текстологию, историю науки), несколько вошли в этот выпуск; другие статьи дополнили его обсуждением некоторых сфер современных лингвистических исследований, а также историческими экскурсами к их истокам.

Литература

- Гиндин 1968 – *Гиндин С.И.* В.Я. Брюсов о речевой природе стиха и стихотворного ритма и о русских эквивалентах античных стихотворных размеров // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 124–126.
- Гиндин 1971 – *Гиндин С.И.* Связный текст: формальное определение и элементы типологии. М., 1971. 41 с. (Предварительные публикации Института русского языка АН СССР; вып. 24)
- Гиндин 1973 – *Гиндин С.И.* Брюсовское описание метрики русского стиха с точки зрения современной типологии лингвистических описаний // *Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovsky / ed. by R. Jakobson, S.H. van Schoneveld, D.S. Worth.* Hague: the Hague Mouton, 1973. P. 151–160.
- Гиндин, Леонтьева 1978 – *Гиндин С.И., Леонтьева Н.Н.* Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, диалоговых и информационных системах. М.: Всесоюзный центр переводов, 1978. 83 с. (Перевод научно-технической литературы и документации; вып. 2)
- Гиндин 1994 – *Гиндин С.И.* Речевые действия и речевые произведения // *Логический анализ языка: Язык речевых действий: сб. статей.* М.: Наука, 1994. С. 59–63.
- Гиндин 2003 – *Гиндин С.И.* Гипертекстовая филологическая система по творчеству В. Брюсова // *Московский лингвистический журнал.* 2003. Т. 6. № 2. С. 219–226 (см. также: Валерий Яковлевич Брюсов. URL: <http://bryusov.rggu>).

References

- Gindin, S.I. (1968), “V. Ya. Briusov on the speech nature of the verse and the Russian equivalents of antique versification-metres”, *Voprosy yazykoznanija*, no. 6, pp. 124–126.

³ Сергей Иосифович Гиндин: Предварительные материалы к биобиблиографическому указателю. М.: РГГУ, 2015.

- Gindin, S.I. (1971), *Svyaznyi tekst: formal'noe opredelenie i elementy tipologii* [Coherent text. Formal definition and elements of typology], Moscow, USSR. (*Predvaritel'nye publikatsii Instituta russkogo yazyka AN SSSR*; iss. 24)
- Gindin, S.I. (1973), "Bryusov's description of the metrics of Russian verse from the viewpoint of the modern typology in linguistic descriptions", in Jacobson, R., van Schoneveld, S.H. and Worth, D.S., eds., *Slavic poetics: Essays in honor of Kiril Taranovski*, The Hague Mouton, Hague, Netherlands, pp. 151–160.
- Gindin, S.I. and Leontieva, N.N. (1978), *Problemy analiza i sinteza tselogo teksta v sistemakh mashinnogo perevoda, dialogovykh i informatsionnykh sistemakh* [Issues of whole text analysis and synthesis in machine translation systems, dialog and information systems], Vsesoyuznyi tsentr perevodov, Moscow, USSR. (*Perevod nauchno-tekhniceskoi literatury i dokumentatsii*; iss. 2)
- Gindin, S.I. (2003), "Hypertext philological system on the works of V. Bryusov", in *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, vol. 6, no. 2, pp. 219–226.
- Gindin, S.I. (1994), "Speech actions and speech works", in *Logicheskii analiz yazyka: Yazyk rechevykh deistvii: sbornik statei* [Logical analysis of language. The language of speech actions. Collected articles], Nauka, Moscow, Russia, pp. 59–63.

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

УДК 001.32

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-23-34

Роль С.И. Гиндина
в сохранении научного наследия

Татьяна Ю. Кобзарева
*Независимый исследователь, Москва, Россия,
t.kobzareva@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена роли С.И. Гиндина и его неопределимому вкладу в решение задач сохранения научного наследия в российской науке. Обсуждаются некоторые выступления и печатные работы С.И. Гиндина, в которых он определяет задачи филологии, раскрывает смысл и важность идей и достижений таких филологов XX в., как Г.О. Винокур, Н.И. Жинкин, М.В. Панов, Ю.С. Мартемьянов, В.Я. Брюсов. Освещается также его труд по сохранению научного наследия его отца, крупного российского историка-экономиста И.Ф. Гиндина.

Показана огромная работа С.И. Гиндина с их личными архивами, в результате которой их труды были опубликованы, прокомментированы и вошли в общедоступный фонд достижений российской науки.

Ключевые слова: филология, задачи филологии, история Российских гуманитарных наук XX в., сохранение научного наследия, С.И. Гиндин

Для цитирования: Кобзарева Т.Ю. Роль С.И. Гиндина в сохранении научного наследия // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 23–34. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-23-34

The role of S.I. Gindin
in preservation of scientific heritage

Tatiana Yu. Kobzareva
*Independent researcher, Moscow, Russia,
t.kobzareva@gmail.com*

Abstract. The article studies the role and invaluable contribution of S.I. Gindin to preserving the scientific heritage in Russian science. Some of S.I. Gindin's speeches and published works, in which he defines the tasks of philology, reveals the meaning and significance of the ideas and achievements

© Кобзарева Т.Ю., 2025

of such 20th century philologists, as G.O. Vinokur, N.I. Zhinkin, M.V. Panov, Yu.S. Martemyanov, and V.Ya. Bryusov, are discussed. His work on preserving the scientific heritage of his father, I.F. Gindin, a leading Russian historian and economist, is considered as well.

The article also illuminates S.I. Gindin's extensive work with their personal archives, due to which their works were published, commented on and entered the publicly available fund of achievements of Russian science.

Keywords: philology; objectives of philology, history of the Russian humanities of the 20th century, preservation of scientific heritage, S.I. Gindin

For citation: Kobzareva, T.Yu. (2025), "The role of S.I. Gindin in preservation of scientific heritage", *RSUH/RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 23–34, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-23-34

Введение

Знание истории идей и в науке, и в культуре в целом – одно из самых важных условий успешного развития и науки, и культуры. Поэтому для возможности поступательного движения необыкновенно важно сохранять и изучать уже полученные результаты научных исследований.

С.И. Гиндин был одним из тех, кто не просто это понимал, но всю свою жизнь активно этим занимался.

Сохранение текстов и идей как важнейшие задачи филологии

Тексты научных работ, появившись на свет, начинают свое отдельное от авторов существование. В успешном развитии науки огромную роль играет сохранение и развитие идей. Поэтому в истории фундаментальных наук так важно сохранение и правильная интерпретация написанного.

На конференции 2013 г. «Стиховедение, лингвистика, текстология. Наследие М. Червенки и актуальные задачи науки о стихе» в своей работе «К теории филологических систем» С.И. Гиндин (далее – С.И.) говорит о проблемах филологии, а именно о главной задаче – обеспечении возможности коммуникации с сохраненным текстом.

Объект филологического исследования – текст. При этом перед филологией встают три вида задач:

1. Разыскание и сохранение текстов: филолог собирает источники текстов.

2. Установление подлинного вида текста – задачи *текстологии*: текст в процессе его передачи, переписывания может измениться, необходимо обеспечить тождественность текста.

3. Обеспечение понятности текста – задачи *герменевтики*. Меняется язык, меняется мир, жизненная ситуация восприятия текста: требуется создание вспомогательного аппарата – комментария или/и научного перевода, словаря языка, описание биографической канвы, хроники исторических событий...

С.И. говорит о том, что первично филология – это практическая деятельность, теоретическая же филология рождается как результат решения практических задач.

Именно решению этих практических задач и посвящал С.И. массу сил и времени. Здесь я попытаюсь, не претендуя на полноту описания, рассказать о некоторых наиболее важных, как мне кажется, работах С.И. в этих направлениях. Рассмотрим некоторые примеры работы С.И., которые не только являются замечательными образцами такой деятельности, требовавшей от С.И. огромного многолетнего кропотливого труда и фантастической эрудиции, но ввели в научный обиход интереснейшие и продуктивные идеи, которые без участия С.И. канули бы в Лету.

Сохранение научного наследия И.Ф. Гиндина (1900–1980) – отца С.И. Гиндина

Огромную роль в формировании отношения С.И. к рассматриваемой проблеме сыграла судьба его отца.

Его отец, Иосиф Фролович Гиндин (1900–1980), был историком-экономистом. Дипломная работа Иосифа Фроловича (далее – И.Ф.) «Банки и промышленность в России до 1917 г.» была издана уже в 1927 г. [Гиндин 1927] и благодаря усилиям С.И. неоднократно переиздавалась в конце XX и в XXI в. Он работал в Госбанке и в 1930 г. был арестован по делу о «меньшевистской контрреволюционной организации в Госбанке». В 1931 г. он получил срок 5 лет, который отбывал в Печорлаге. Был досрочно освобожден в 1933 г. без снятия судимости. В 1934–1937 гг. работал на стройках канала Москва-Волга, Архангельска, Куйбышева, Инты, Челябинска. С 1944 по 1947 г. – в Москве в Гидропроекте. В 1947–1949 гг. он преподавал в Московском финансовом институте. В 1950–1956 гг. работал в НИИ Министерства нефтяной промышленности.

С 1956 г. – сотрудник Института истории АН СССР (с 1968 г. – Институт истории СССР).

В 1972 г. «Новое направление» в советской исторической науке, к которому принадлежал И.Ф., было осуждено. Это направление сложилось в 1960-е – начале 1970-х гг., в нем оспаривалась официальная версия причин Октябрьской революции 1917 г. Его многочисленные сторонники: П.В. Волобуев (директор Института истории СССР), К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, В.П. Данилов, А.М. Анфимов, Л.М. Иванов, А.Я. Аврех, Ю.И. Кирьянов и др. Эти историки доказывали, что нельзя выводить Октябрьскую революцию напрямую из зрелости русского капитализма, необходимо учитывать многоукладность российской экономики и признать роль стихийности в развитии революционных событий.

В 1972–1973 гг. труды отца С.И. Гиндина были ошельмованы, и он был уволен из Института истории СССР. Его работы были запрещены к публикации до конца его жизни. Это было тяжелым испытанием для Иосифа Фроловича, сыгравшим, как мне кажется, важную роль при формировании отношения Сергея Иосифовича к истории научного прогресса.

После смерти отца в 1980 г. С.И. работает с его архивами. Ему удается издать монографию «Государственный банк и экономическая политика царского правительства» [Гиндин 1997]. Центральное место в этой книге отведено монографии 1927 г. «Банки и промышленность в России до 1917 г.», в нее включены также избранные статьи И.Ф. Гиндина 20–60-х годов.

С.И. Гиндин готовит и вторую монографию отца – «Государство и экономика в России в годы управления С.Ю. Витте», которая силами С.И. была опубликована со вступительной статьей С.И. и его комментариями в 12 номерах «Вопросов истории» [Гиндин 2006–2007]. Вторая монография охватывает экономическую политику России в целом, общую картину ее экономического развития. В центре внимания – второй и, по оценке И.Ф. Гиндина, «высший» этап капиталистической индустриализации России, пришедшийся на экономический подъем 1890-х годов и связанный с деятельностью С.Ю. Витте.

И.Ф. Гиндин рассматривает государственный капитализм в России до начала 1890-х гг., пишет о направленности государственного вмешательства в экономику России XVII – первой половины XIX в., анализирует государственный капитализм в России на первом этапе его развития, где особая роль в капиталистической индустриализации России принадлежит железнодорожному строительству.

И.Ф. Гиндин анализирует торгово-промышленную политику Российской Империи, содержание и сущность «покровительствен-

ной системы», «тяжесть» таможенного протекционизма на рубеже XIX–XX вв. и многое другое, определившее в значительной мере судьбу государства.

Благодаря усилиям С.И. исследования его отца стали доступны специалистам и вошли в научный фонд истории российской экономики.

Сохранение научного наследия российских филологов

Всю жизнь С.И. занимался историей отечественной филологии XX в., особенное внимание он уделял научному наследию Г.О. Винокура, Н.И. Жинкина, М.В. Панова, Ю.С. Мартемьянова, В.Я. Брюсова, исследователям русской поэзии начала XX века, филологической школе Государственной академии художественных наук (ГАХН) в Москве.

Николай Иванович Жинкин (1893–1979). После смерти Николая Ивановича Жинкина в 1979 г. С.И. очень заботило сохранение наследия этого чрезвычайно многостороннего и оригинального ученого. С.И. много лет работал с его архивом. Он был составителем изданных в 1998 г. «Трудов» Жинкина – «Язык. Речь. Творчество» [Жинкин 1998], – написал к ним предисловие, биографический очерк и создал текстолого-библиографические примечания ко всем собранным там работам.

В 2008 г. на Международной конференции «Наука об искусстве в России 1920-х годов» С.И. Гиндин показывает, что существуют два Жинкина – философ и теоретик искусства 1920-х годов и психолог, лингвист, семиотик 1950–1970-х гг. «Двух Жинкиных», согласно С.И., связывают, как идейно, так и методически, исследования кино 1920-х гг. В 1923 г. Жинкин был избран действительным членом ГАХН¹, где работал до ее расформирования в 1930 г. Уже в ГАХНовский период в работах Жинкина наметились две главные темы его киноинтересов: 1) природа кино как искусства и соотношение кино с другими искусствами; 2) закономерности зрительского кино в их взаимосвязи с сюжетом и композицией фильма. Первой теме Жинкин посвятил доклад «Кино – искусство событий», прочитанный в ГАХН 3 апреля 1928 г. и восстановленный С.И. при разборе архива Жинкина [Гиндин, Захарова 2010].

¹ Государственная академия художественных наук (ГАХН) – научно-исследовательское учреждение РСФСР, действовало в Москве в 1921–1931 годах.

В статье 2010 г. «Теория и эксперимент в работах Н.И. Жинкина о киноискусстве» [Гиндин 2010] С.И. подробно рассматривает этапы теоретических и практических исследований Жинкина, в частности создаваемые им методы экспериментальных исследований детского восприятия кино.

В 2023 г. на Международной конференции к 130-летию Николая Ивановича Жинкина – «Иметь смысл значит понимать...» С.И. делает пленарный доклад «Логика расширения проблематики “Механизмов речи” в семиотических исследованиях Н.И. Жинкина 1960-х годов», где показывает необыкновенную широту и глубину работ Н.И. Жинкина.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924). В ранний период своей исследовательской работы, уже в 1970 г., С.И. публикует статью «Неосуществленный замысел Брюсова» [Гиндин 1970]. В этой работе С.И. показывает, насколько интересны идеи Брюсова как теоретика литературы. С.И. обращается не только к книге Брюсова «Наука о стихе»², но и к черновым записям Брюсова, хранящимся в архиве:

...В совокупности все эти материалы – богатый источник для изучения роста и эволюции Брюсова как ученого, да и его поэтического кредо, – пишет Сергей Иосифович; ...материалы к ИРЛ³ могут дать пищу многим специальным исследованиям. Задача данной статьи лишь проследить общий ход работы Брюсова над ИРЛ и попытаться выяснить, почему же она так и не была написана <...> В это время Брюсов активно работал над сборником статей о поэтах-современниках, и материалы к последнему позволяют предположить, что замысел ИРЛ был логическим следствием того факта, что современная поэзия оказывалась необъяснимой без учета предыдущего развития русской поэзии. В предисловии к «Поэзии 95 года» Брюсов касается и будущей ИРЛ [Гиндин 1970].

...Различение «поэзии» и «лирики» осложнено здесь идеалистическим мотивом независимости «мира настроений», создаваемого лирикой, от действительности, однако это проходное для Брюсова утверждение не должно заслонить от вас важности самой дихотомии: произведения, рассказывающие об увиденном автором, и произведе-

² *Брюсов В.Я.* Наука о стихе: Метрика и ритмика. Ч. 1: Частная метрика и ритмика русского языка. М.: Альциона, 1919.

³ ИРЛ – «История русской лирики», текст, который С.И. среди других брюсовских материалов обнаружил в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР и активно использовал в своем исследовании.

дения, передающие испытанное автором настроение. Брюсов неоднократно возвращается к этой дихотомии, стараясь сделать ее более четкой и освободить от всего наносного [Гиндин 1970].

В 1971 г. С.И. выступал на Дантовских чтениях с работой «Брюсов о главном герое “Божественной Комедии”» [Гиндин 1971а].

В 1973 г. Гиндин выпустил брошюру «Поэзия В.Я. Брюсова» к 100-летию со дня рождения поэта. В ней С.И. показывает, в чем заключается ее значение для сегодняшнего читателя [Гиндин 1973].

С.И. много занимался поиском объективности в оценках достижений Брюсова как теоретика. Он неоднократно возвращался к этой теме, показывая, что в теоретических положениях Брюсова в его работе «Наука о стихе» есть ряд важных положений. С.И. стремился доказать значимость Брюсова не только как поэта, но и как теоретика. В 2007 г. он пишет:

Время показало, что в охотничьем азарте молодые критики Брюсова проглядели ряд существенных находок и достижений, сохранившихся в действительно запутанной и методически малоудачной «Науке о стихе». Объяснение того, почему младшие стиховеды оказались так невосприимчивы к идеям старших, требует анализа и сопоставления научных программ обоих поколений создателей русской поэтики. Здесь же я хочу остановиться на факторах, обусловивших непарламентский характер критических атак стиховедческой молодежи на Брюсова. Определить их поможет обращение к публикуемым в этом номере архивным материалам [Гиндин 2007а; Гиндин 2007б].

Исследования вклада Брюсова в теорию литературы С.И. продолжал и в работе «Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней» (сост., вступ. заметка и коммент. С.И. Гиндина). В этой публикации в статье «Первый конфликт двух поколений основателей русского стиховедения» С.И., защищая Брюсова, показывает необъективность позиций участников этого кружка, позже ставших знаменитыми:

Каждая научная школа, а тем более организационно оформленное научное объединение, обычно стремится как-то сориентироваться и в текущей научной жизни, и в наследии, оставленном предшественниками. Цели, преследуемые при таком ориентировании, могут быть различными: получение информации, сличение позиций, полемика и борьба, наконец – собственно историко-научное изучение [Гиндин 2007а].

Особенно подробному обсуждению на этих заседаниях МЛК подверглась книга Валерия Брюсова «Наука о стихе», ...степень агрессивности критики со стороны МЛК и его председателя явно определялась не только неудачностью критикуемой концепции, но, прежде всего, желанием противопоставить себя прешественникам и бороться с ними. Тем самым объективность анализа сознательно приносилась в жертву тактическим интересам самого Кружка [Гиндин 2007а].

Кроме того, в 1994 г. Гиндин издал книгу «Зарубежная поэзия в переводах В. Брюсова»⁴, где напечатаны стихотворения на разных языках с параллельными брюсовскими их переводами. С.И. был составителем, подготовил тексты и их прокомментировал.

Б.В. Томашевский и Г.А. Шенгели. В работе 2022 г. «Механизм формирования темы в тексте в представлении Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели (по работам 1925 года)» [Гиндин 2022] С.И. рассматривает методы описания композиции литературного произведения, которыми занимались одновременно российские теоретики литературы Б.В. Томашевский и Г.А. Шенгели. Это были методы, которые требовали учета текстовых и дискурсивных явлений, что было в те времена безусловным новаторством.

Григорий Осипович Винокур (1896–1947). В 1998 г. вышла статья С.И. «Г.О. Винокур в поисках сущности филологии» [Гиндин С.И. 1998], посвященная научному наследию Винокура. В ней С.И. подробно обсуждает научную позицию Винокура по отношению к филологии, его понимание предмета филологии как науки.

С.И. активно участвовал в подготовке текстов в «Собрании трудов» Григория Осиповича Винокура [Гиндин, Розанова 1999], вышедших в 1999 г. Он был ответственным редактором (совм. с Н.Н. Розановой) издания научного наследия Г.О. Винокура. В этом издании С.И. – автор комментариев и дополнений.

Александр Александрович Реформатский (1890–1978). На международной конференции 2020 г. «Семиотика текста: к 120-летию со дня рождения А.А. Реформатского» в работе «Рождение семиотики из прикладных работ» С.И. говорит о месте А.А. Реформатского в российском языковедении XX в.

Отношение к идеям старших коллег

Уже в самом начале своей научной работы на конференции в Кишиневе С.И. представляет свое исследование, опирающееся

⁴ Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова / сост., коммент. С.И. Гиндина. М.: Радуга, 1994.

на оригинальную гипотезу А.Я. Шайкевича «о том, что слова, связанные друг с другом по смыслу, должны часто встречаться в текстах в непосредственной близости друг от друга» [Шайкевич 1963] и родственную ей идею Ю.А. Шрейдера «о согласованности расстояний между словами в тексте и в тезаурусе» [Шрейдер 1963]. В работе показано, что эти гипотезы создают возможность «дескриптивно-дешифровочных реконструкций семантической системы языка» [Гиндин 1971б]. Была сделана вручную (без использования тогда еще недоступных компьютеров!) попытка статистической реконструкции авторской семантики на материале всего стихотворного творчества Ф.И. Тютчева (около 28 000 словоупотреблений):

В докладе приводятся результаты реконструкции тютчевской семантики – как в виде попарных коэффициентов семантической связи между словами, так и в виде классов слов, построенных по этим коэффициентам с помощью специальных алгоритмов. Излагаются некоторые соображения о применении полученного семантического разбиения для анализа структуры тютчевских текстов, а также гипотеза о различной степени статистико-дистрибутивной реконструируемости семантики различных классов [Гиндин 1971б].

Заключение

Всю свою жизнь С.И. Гиндин не просто с огромным интересом, вниманием и уважением относился к идеям и работам коллег и предшественников, а активно, не жалея времени и сил, занимался исследованием и сохранением их научного наследия. В предлагаемой статье на небольшом числе примеров, чрезвычайно значимых для истории гуманитарных наук, сделана попытка дать представление об огромной работе, проделанной С.И. Каждая из этих работ является важнейшим вкладом в историю гуманитарного знания, в решение важнейших проблем преемственности идей, задач их сохранения и правильного понимания и в рассмотренных случаях – понимания роли крупнейших в истории гуманитарного знания российских ученых.

Вклад Сергея Иосифовича Гиндина в сохранение научных идей и поиск их правильной интерпретации огромен и заслуживает дальнейшего изучения. Это изучение позволило бы, следуя традициям отношения самого С.И. Гиндина к идеям предшественников и коллег, сохранить и его наследие, позволяющее существенно продвинуться в понимании истории гуманитарного знания XX в.

Литература

- Гиндин 1927 – *Гиндин И.Ф.* Банки и промышленность в России до 1917 г.: К вопросу о финансовом капитале в России / под ред. и с пред. А.Е. Аксельрода. М.; Л.: Акционерное об-во «Промиздат», 1927. 208 с.
- Гиндин 1997 – *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.): Избранное: Очерки истории и типологии русских банков. М.: Наука, 1997. (Памятники экономической мысли)
- Гиндин 2006–2007 – *Гиндин И.Ф.* Государство и экономика в России в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 84–106; 2007. № 1–11.
- Гиндин 1970 – *Гиндин С.И.* Неосуществленный замысел Брюсова // Вопросы литературы. 1970. № 9. С. 189–203.
- Гиндин 1971а – *Гиндин С.И.* Брюсов о главном герое «Божественной Комедии» // Дантовские чтения, 1971 / под общ. ред. И.Ф. Бэлзы. М.: Наука, 1971. С. 234–236.
- Гиндин 1971б – *Гиндин С.И.* Опыт статистической реконструкции семантики поэтического идиолекта по корпусу связных текстов // Автоматическая обработка текста методами прикладной лингвистики: Материалы Всесоюзной конференции (Кишинев, 6–8 декабря 1971 г.). Кишинев, 1971. С. 77–79).
- Гиндин 1973 – *Гиндин С.И.* Поэзия В.Я. Брюсова. М.: Знание, 1973. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике)
- Гиндин 1998 – *Гиндин С.И.* Г.О. Винокур в поисках сущности филологии // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57. № 2. С. 3–18.
- Гиндин С.И. 2007а – *Гиндин С.И.* Первый конфликт двух поколений основателей русского стиховедения // Новое литературное обозрение. 2007. № 4 (86). С. 64–69.
- Гиндин 2007б – Как Московский лингвистический кружок воевал с Брюсовым и Потебней / сост., вступ. заметка и коммент. С.И. Гиндина; подгот. текстов А.В. Маньковского // Новое литературное обозрение. М., 2007. № 4 (86). С. 70–78.
- Гиндин 2010 – *Гиндин С.И.* Теория и эксперимент в работах Н.И. Жинкина о киноискусстве (1927–1930) // Логос. 2010. № 2 (75). С. 176–185.
- Гиндин 2022 – *Гиндин С.И.* Механизм формирования темы в тексте в представлении Б.В. Томашевского и Г.А. Шенгели (по работам 1925 года) // Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 100–109.
- Гиндин, Захарова 2010 – Н.И. Жинкин о языке кино и типологии искусств / вступ. ст. С.И. Гиндина; сост. С.И. Гиндин, А.В. Захарова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 69. № 2. М.: Наука, 2010. С. 60–70.
- Гиндин, Розанова 1999 – Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность / отв. ред. С.И. Гиндин, Н.Н. Розанова / РАН. Ин-т рус. яз. им. Виноградова. М.: Научный мир, 1999. 485 с.

- Жинкин 1998 – *Жинкин Н.И.* Язык. Речь. Творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М.: Лабиринт, 1998. 368 с.
- Шайкевич 1963 – *Шайкевич А.Я.* Распределение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностранные языки в высшей школе. 1963. Вып. 2. С. 14–26.
- Шрейдер 1963 – *Шрейдер Ю.А.* Машинный перевод на основе смыслового кодирования текстов // Научно-техническая информация. 1963. № 1. С. 34–38.

References

- Gindin, I.F. (1927), *Banki i promyshlennost' v Rossii do 1917 g.: K voprosu o finansovom kapitale v Rossii* [Banks and industry in Russia before 1917. On the question of financial capital in Russia], Aktsionernoe obshchestvo “Promizdat”, Moscow, Leningrad, USSR.
- Gindin, I.F. (1997) *Banki i ekonomicheskaya politika v Rossii (XIX – nachalo XX v.): Izbrannoe. Ocherki istorii i tipologii russkikh bankov* [Banks and economic policy in Russia (19th – early 20th centuries). Selected Works. Essays on the History and Typology of Russian Banks], Nauka, Moscow, Russia. (*Pamyatniki ekonomicheskoi mysli*)
- Gindin, I.F. (2006–2007), “The state and the economy in Russia during the management of S.Yu. Witte”, *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 84–106, no. 1–11.
- Gindin, S.I. (1970), “Bryusov’s unrealized plan”, *Voprosy literatury*, no. 9, pp. 189–203.
- Gindin, S.I. (1971), “Bryusov on the main character of the ‘Divine Comedy’”, in Belza, I.F., ed., *Dantovskie chteniya, 1971* [Dante readings, 1971], Nauka, Moscow, USSR, pp. 234–236.
- Gindin, S.I. (1971), “An attempt at a statistical reconstruction of the semantics of a poetic idiolect based on a corpus of coherent texts”, in *Avtomaticheskaya obrabotka teksta metodami prikladnoi lingvistiky: Materialy Vsesoyuznoi konferentsii (Kishinev, 6–8 dekabrya 1971 g.)* [Automatic text processing by methods of applied linguistics. Proceedings of the All-Union Conference (Kishinev, 6–8 Dec. 1971)], Kishinev, USSR, pp. 77–79.
- Gindin S.I. (1973), *Poeziya V.Ya. Bryusova* [The poetry of V.Ya. Bryusov], Znanie, Moscow, USSR.
- Gindin, S.I. (1998), “G.O. Vinokur in search of the essence of philology”, *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 57, no. 2, pp. 3–18.
- Gindin, S.I. (2007), “The first conflict between two generations of the founders of Russian verse studies”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 86, no. 4, pp. 64–69.
- Gindin, S.I. (2007), “How the Moscow Linguistic Circle fought against Bryusov and Potebnya”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 86, no. 4, pp. 70–78.
- Gindin, S.I. (2010), “Theory and experiment in the works of N.I. Zhinkin on cinema art (1927–1930)”, *Logos*, vol. 75, no. 2, pp. 176–185.

- Gindin, S.I. (2022), "The mechanism of the theme formation in a text as presented by B.V. Tomashevsky and G.A. Shengeli (based on works from 1925)", *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 81, no. 5, pp. 100–109.
- Gindin, S.I. and Rozanova, N.N., eds. (1999), *Yazyk. Kul'tura. Gumanitarnoe znanie: Nauchnoe nasledie G.O. Vinokura i sovremennost'* [Language. Culture. Humanitarian knowledge: The scientific heritage of G.O. Vinokur and the present], Nauchnyi mir, Moscow, Russia.
- Gindin, S.I. and Zakharova, A.V. (2010), "N.I. Zhinkin on the language of cinema and the typology of arts", *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 69, no. 2, pp. 60–70.
- Shaikevich, A.Ya. (1963), "The distribution of words in a text and the identification of semantic fields", *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*, iss. 2, pp. 14–26.
- Shreider, Yu.A. (1963), "Machine translation based on semantic encoding of texts", *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, no. 1, pp. 34–38.
- Zhinkin, N.I. (1998), *Yazyk. Rech'. Tvorchestvo. Issledovaniya po semiotike, psikholingvistike, poetike* [Language. Speech. Creative work. Research in semiotics, psycholinguistics, poetics], Labirint, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Ю. Кобзарева, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия; t.kobzareva@gmail.com

Information about the author

Tatiana Yu. Kobzareva, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, independent researcher; t.kobzareva@gmail.com

Посвящение С.И. Гиндину

УДК 82.0:82-1

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-35-49

Семантически обусловленные нарушения формальной организации поэтического текста

Илья Б. Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена случаям семантически обусловленных отступлений от тех или иных формальных параметров организации стихотворного текста (прежде всего, размера и схемы рифмовки). На материале стихотворений Г.Р. Державина, И.А. Бродского, Л.Н. Мартынова, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, С.Н. Маркова, Н.М. Олева рассматриваются различные эффекты взаимодействия формы и смысла. В заключении приводятся некоторые соображения, касающиеся «вечной» проблемы «Авторский замысел или произвол исследователя?».

Ключевые слова: поэтический текст, стиховедение, формальные нарушения, взаимодействие формы и смысла

Для цитирования: Иткин И.Б. Семантически обусловленные нарушения формальной организации поэтического текста // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 35–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-35-49

Semantically conditioned deviations of the formal organization of a poetic text

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia, ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Abstract. The article deals with semantically conditioned deviations from certain formal parameters of the organization of a poetic text (primarily, the meter and rhyme scheme). Various effects of the interaction between the form

© Иткин И.Б., 2025

and the meaning are considered on the basis of poems by G.R. Derzhavin, I.A. Brodsky, L.N. Martynov, A.A. Akhmatova, O.E. Mandelstam, S.N. Markov, N.M. Olev. In conclusion, some considerations concerning the “eternal” problem “Author’s intent or the arbitrariness of the researcher?” are provided.

Keywords: poetic text, prosody, formal deviations, interaction between the form and the meaning

For citation: Itkin, I.B. (2025), “Semantically conditioned deviations of the formal organization of a poetic text”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 2025, no. 12, pp. 35–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-35-49

*Светлой памяти
Сергея Иосифовича Гиндина*

Введение

В художественных текстах, особенно в текстах поэтических, тот или иной использованный автором формальный прием нередко находится в прямой связи с содержанием текста, подчеркивает его и усиливает его восприятие. Литература, посвященная этому явлению, весьма обширна. Ограничимся буквально тремя ссылками: в общетеоретическом плане выделяется прежде всего работа [Жолковский 1996]¹, на уровне анализа отдельных произведений можно назвать статьи [Виленчик 1987] и [Мазур 1990], получившие, насколько нам известно, единодушное признание специалистов.

В настоящей работе мы рассматриваем один конкретный тип взаимодействия между формальной организацией текста и его содержанием. Стихотворение, написанное в традиционной манере (силлабо-тоническим или близким к силлабо-тонике размером, с делением на строфы, в рифму и т. д.), как правило, обладает набором легко выявляемых формальных характеристик (очевидными примерами таких характеристик могут служить на уровне строки – размер, на уровне строфы – схема рифмовки). Предметом нашего анализа будут стихотворения, содержащие отступления от тех или иных формальных характеристик и отвечающие следующим условиям: а) число отступлений должно быть очень мало (1–2 на весь текст), чтобы они воспринимались именно как выраженные отклонения от доминирующей схемы, а не как ее допустимая вариация; б) содержание текста в целом или того фрагмента, в котором

¹ См. также библиографию к книге «Работы по поэтике выразительности», в которой напечатана названная статья.

представлено такое отступление, дает основания считать его семантически значимым.

1. Г.Р. Державин «Снигирь» (май 1800)

Первый из рассматриваемых нами примеров, хотя и относится к числу хрестоматийных, чрезвычайно труден для интерпретации. Знаменитое стихотворение Г.Р. Державина «Снигирь», написанное на смерть Александра Суворова, состоит из 4 шестистиший. Стихотворение представляет собой логаяд: 23 строки из 24 соответствуют метрической схеме – ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ – (∪)², которую можно обозначить как дактилохорей. Двадцатая строка (вторая в заключительной строфе), однако, написана правильным дактилем³:

Нет теперь мужа в свете столь славна:	– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ – ∪
<i>Полно петь песню военну, снигирь!</i>	– ∪ ∪ – ∪ ∪ – ∪ ∪ –
Бранна музыка днесь не забавна,	– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ – ∪
Слышен отвсюду томный вой лир;	– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ –
Львиного сердца, крыльев орлиных	– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ – ∪
Нет уже с нами! – что воевать?	– ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ –

² Здесь и далее знаком – обозначаются икты; фактические ударения и их пропуски для целей нашего исследования роли не играют и никак в схемах строк не отмечаются.

³ Вопрос о том, как «на самом деле» следует определять размер «Снигиря», является предметом ожесточенной дискуссии – ср. содержательный обзор в [Лаппо-Данилевский 2023, с. 98–100], к которому, однако, необходимо добавить книгу [Москвин 2009] и рецензию на нее [Корчагин 2014]. На наш взгляд, по большей части эта дискуссия – схоластический спор о терминах; между тем о накале страстей свидетельствует хотя бы тот факт, что К.М. Корчагин относит трактовку «Снигиря» как «стопного логаяда, основанного на строгой хоридактилической схеме “ДХДХ”» [Москвин 2009, с. 310] к числу «просто грубых ошибок» [Корчагин 2014, с. 555]. В качестве аргумента рецензент приводит, во-первых, строки со словоразделом после 4-го слога (*С кем мы пойдем войной на Гиену?*), а во-вторых, все ту же дактилическую строку 20. Первый из этих аргументов элементарно неверен (позиция словораздела сама по себе на размер не влияет), второй же совершенно загадочен: ясно, что строку вида – ∪ ∪ – ∪ – ∪ ∪ – (∪) можно делить на стопы разными способами, можно не делить на стопы вообще, но мы решительно отказываемся понимать, каким образом одна строка дактиля превращает именование 23 строк такой структуры дактилохореем в «грубую ошибку».

Считать размер строки 20 результатом ошибки едва ли правомерно (в известных нам работах так и не делается) – во-первых, из уважения к версификационной технике Державина, во-вторых, потому, что эта строка содержит отсылку к началу оды (*Что ты заводишь песню воину // Флейте подобно, милый снигирь?*) и, говоря языком учебников литературы времен СССР, заключает в себе основную мысль стихотворения. Сложность, однако, состоит в том, что идея завершения, отсутствия, недостатка чего-либо обычно выражается в стихах путем укорачивания строки (ср., в частности, ниже примеры из стихотворений А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, С.Н. Маркова), в то время как строка *Полно петь песню воину, снигирь!* по сравнению с общим метрическим рисунком стихотворения, напротив, содержит «лишний» слог. По пронципальному замечанию К.Ю. Лаппо-Данилевского, эта строка являет собой своего рода указание «на “дактилическое происхождение” размера» [Лаппо-Данилевский 2023, с. 99]. Коль скоро это так, быть может, перед нами намеренный парадокс: поэт предлагает читателю воспринимать размер стихотворения, говорящего о невозможной утрате, как усеченный, «неполноценный», и лишь одна-единственная регулярная силлабо-тоническая строка напоминает о времени, когда великий полководец был жив и снигирю имело смысл насвистывать военный марш?

2. И.А. Бродский «На смерть Жукова» (1974)

Стихотворение И.А. Бродского «На смерть Жукова» можно назвать вариацией «Снигирия». Стихотворение состоит не из 4, а из 5 шестистиший; в четырех из них применена схема рифмовки *AbAbAb*, но рифмовка первой строфы имеет вид *AbAbbA*:

Вижу колонны замерших внуков,	A
Гроб на лафете, лошади круп.	b
Ветер сюда не доносит мне звуков	A
Русских военных плачущих труб.	b
Вижу в регалии убранный труп:	b
В смерти уезжает пламенный Жуков.	A

Автор специальной работы о стихотворении «На смерть Жукова» М.Ю. Лотман отмечает этот факт, но не дает ему никакой содержательной интерпретации [Лотман 2002, с. 70]. На наш взгляд, допущенное Бродским отклонение естественно объяснять стремлением вынести первое упоминание имени (в широком смысле) героя в самую сильную и «эффектную» позицию.

Такой прием хорошо известен; например, поэма А.К. Толстого «Грешница» (<1857?>) заканчивается строкой *Перед святынею Христа*; до этого один из центральных персонажей поэмы называется в тексте только описательно.

3. Г.Р. Державин *«На смерть графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, князя Италийского, в С.-Петербурге <1800> года» (1800)*

Бродский вполне мог знать другое стихотворение Державина на смерть Суворова:

О вечность! Прекрати твоих шум вечных споров:	Я6
Кто превосходней всех героев в свете был?	Я6
В святилище твое от нас в сей день вступил	Я6
<i>Суворов.</i>	Я1

Имя Суворова занимает последнее место в строфе (как у Бродского) и одновременно во всем стихотворении (как у Толстого). Но роль примененного поэтом приема к этому не сводится. Три первые строки четверостишия написаны 6-стопным ямбом, последняя же состоит из одной-единственной ямбической стопы, которую, собственно, и образует фамилия героя стихотворения. Как явствует из содержания стихотворения («вечные споры» о том, кто из великих людей, ныне принадлежащих вечности, был самым великим), Державин либо независимо реализует образ, лежащий в основе высказываний типа *С Х-ом просто некого рядом поставить*, либо даже прямо ориентируется на подобные высказывания.

4. Л.Н. Мартынов *«Ровесник» (1964)*

Реализацию сходной идеи другими средствами можно видеть в стихотворении Леонида Мартынова «Ровесник»:

Я жил
 Во времена **Шекспира**,
 И видел я его в лицо,
 И говорил я про **Шекспира**,
 Что пьесы у него – дрянно,

И что заимствует сюжеты
 Он где угодно без стыда,
 И грязны у него манжеты,
 И неизящна борода.
 Но *ненавистником Шекспира*
 Я был лишь только потому,
 Что был *завистником Шекспира*
 И был ровесником ему.

Несмотря на характерный для Мартынова легкий налет «модернизма» (отбивка внутри первой строки, отсутствие формально выраженного деления на строфы), стихотворение построено вполне традиционно: три четверостишия с перекрестной рифмовкой. В четырех из шести пар выступают обычные (и очень точные) рифмы типа *сюжеты – манжеты*, однако в двух случаях мы находим тавтологическую рифму *Шекспира – Шекспира*. Поскольку никакой реальной сложности для зарифмовывания фамилия *Шекспир* не представляет, поэт таким образом дает нам понять, что «Шекспир рифмуется только с Шекспиром», т. е. опять-таки подчеркивает уникальность великого драматурга среди его современников (а может быть, и не только). За счет этого приема «настоящей» рифмой в нечетных строках последней строфы оказывается пара *ненавистником – завистником* (также несколько сомнительная, поскольку по крайней мере с исторической точки зрения глаголы *ненавидеть* и *завидовать* восходят к одному корню). Из текста стихотворения явствует, что эти два состояния повествователя действительно «рифмуются» между собой, будучи связаны причинно-следственной связью.

5. А.А. Ахматова «Музе» (10 октября 1911)

Раннее стихотворение Анны Ахматовой «Музе» состоит из 5 четверостиший, в которых чередуются строки 4-х и 3-стопного дактиля. От этой схемы, однако, имеется два отклонения: в седьмой строке не хватает второго безударного слога во второй стопе (т. е. получается тот же размер, которым написан «Снигирь» Державина), а заключительная строка состоит не из трех, а из двух стоп:

Муза-сестра заглянула в лицо,	- о о - о о - о о -
Взгляд ее ясен и ярок.	- о о - о о - о
И отняла золотое кольцо,	- о о - о о - о о -
Первый весенний подарок.	- о о - о о - о

Муза! ты видишь, как счастливы все – - - - - -
 Девушки, женщины, вдовы... - - - - -
Лучше погибну на колесе, - - - - -
 Только не эти оковы. - - - - -

<...>

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала: - - - - -
 «Взор твой не ясен, не ярок...» - - - - -
 Тихо отвечу: «Она отняла - - - - -
Божий подарок». - - - - -

Если пытаться «восстановить» в седьмой строке пропущенный слог, по смыслу и синтаксису наиболее хорошо подходит местоимение *я*: *Лучше погибну <я> на колесе...*). Можно сказать, что *я* отсутствует в этой строке именно потому, что в мыслях лирической героини оно «погибает на колесе».

Что касается последней строфы, параллелизм между формой и смыслом задан в ней в явном виде: Муза отняла у героини не только Божий подарок, но и целую стопу дактиля.

6. О.Э. Мандельштам «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (январь 1931)

Очень близкая картина обнаруживается в одном из стихотворений Мандельштама. Стихотворение «С миром державным...» состоит из 5 четверостиший. 19 строк из 20 написаны 5-ти или (в двух случаях) 6-стопным дактилем. Исключение составляет вторая строка, вторая стопа которой опять-таки представляет собой хорей вместо дактиля⁴:

⁴ В Национальном корпусе русского языка (здесь и далее дата обращения: 31.05.2025) строка *Устриц боялся...* размечена как гекзаметр. Такое решение перекликается с мнением И.А. Бродского, который в своем эссе о стихотворении «С миром державным...» говорит о «тяготении Мандельштама к гекзаметру». Размер этого стихотворения Бродский, однако, последовательно именует «пятистопным дактилем», не упоминая о наличии трех отклоняющихся строк (см.: *Бродский И.* «С миром державным я был лишь ребячески связан...» // Mandelstam Centenary Conference: Materials from the Mandelstam Centenary Conference, School of Slavonic and East European Studies. London. 1991. Tenafly: Hermitage Publishers, 1994. URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/brodsky_prose.txt_with-big-pictures.html [дата обращения: 31.05.2025]).

С миром державным я был лишь ребячески связан, — о — о — о — о — о — о — о — о
Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья, — о — о — о — о — о — о — о — о
 И ни крупницей души я ему не обязан, — о — о — о — о — о — о — о — о
 Как я ни мучал себя по чужому подобию. — о — о — о — о — о — о — о — о

В этом случае, по-видимому, трудно даже предложить какой-то другой вариант «восстановления» опущенного слога, кроме *я*, — тем более, что это местоимение присутствует во всех остальных строках первой строфы. У Мандельштама, однако, речь ни прямо, ни косвенно не идет о гибели, так что интерпретация, предложенная выше для стихотворения Ахматовой, здесь едва ли подходит. Кажется, однако, допустимым говорить о том, что *я* в этой строке испугалось и спряталось (хочется даже добавить: «...как устрица, в раковину»).

Степень сходства приемов, использованных в стихотворениях «Музе» и «С миром державным...», настолько велика, что заставляет задаться вопросом о прямом влиянии. В том, что Мандельштам был очень хорошо знаком с дореволюционной лирикой Ахматовой, сомневаться не приходится.

7. О.Э. Мандельштам «Пароходик с петухами...» (3 июля 1937)

Данный пример примечателен тем, что наличие в тексте приема интересующего нас типа эксплицировано самим автором, однако правильная интерпретация соответствующего места до сих пор не была предложена ни в литературоведческих работах, ни при процедуре автоматической разметки.

«Пароходик...», одно из последних дошедших до нас стихотворений Мандельштама, относится к числу крайне «темных». Две недавние работы, специально посвященные попытке выявить его общий смысл [Бобрик 2021; Войналович 2024], не кажутся нам убедительными; мы, однако, оставляем эту проблему в стороне.

Три из четырех строф стихотворения – первая, вторая и четвертая – написаны чередующимися строками 4-х и 3-стопного хореев. Приведем третью строфу:

И, паяльных звуков море	— о — о — о — о — о
В перебой взяв,	— о — о —
Москва слышит, Москва смотрит,	о — — о — о — — о (?)
Зорко смотрит в явь.	— о — о —

М. Бобрик определяет размер «Пароходика...» как «двух- и трехстопный дольник на хореической основе» [Бобрик 2021, с. 71], ср. также [Бобрик 2021, с. 39, 57]. Можно было бы считать это просто терминологическим расхождением, однако, комментируя третью строфу, исследовательница пишет: «Перебой стихового ритма на слове *в перебои* получается в этом контексте перформативную роль» [Бобрик 2021, с. 56] (курсив в оригинале. – *И. И.*). К мнению Бобрик присоединяется и Е.В. Войналович («особо отметим интересное наблюдение автора» [Войналович 2024, с. 230, примеч. 17]). Однако в строке *В перебои взяв* нет никакого «перебоя стихового ритма»! Эта строка написана все тем же регулярным хореем и метрически ничем не отличается, скажем, от строки *Никуда нейдет* (последней в первой строфе). Перебой ритма (именно во множественном числе) обнаруживаются в следующей строке, в которой место первой и третьей хореических стоп занято имеющим ямбическую структуру словом *Москва*. Это совершенно понятно: ведь *Москва* как раз и является подлежащим деепричастного оборота *в перебои взяв*, то есть оказывается источником этих самых «перебоев» как в описываемой поэтом реальности, так и в стихе.

Заглянув в Национальный корпус русского языка, мы, однако, с изумлением обнаруживаем, что «Пароходик...» в нем размечен как целиком написанный хореем, так что одиннадцатую строку предлагается читать... *Москва слышит, Москва смотрит*. Вероятно, это не более чем техническая ошибка, но ошибка в высшей степени показательная.

8. С.Н. Марков «Госпиталь, размещенный в веселом доме» (1927)

Сергей Николаевич Марков (1906–1979) – замечательный советский поэт и прозаик, творчество которого, несмотря на усилия отдельных ценителей, остается незаслуженно малоизвестным. Сергей Иосифович Гиндин, эрудиция которого в области русской поэзии XX в. была поистине уникальной, стихи Маркова, конечно, знал и, насколько может судить автор этих строк, относился к ним с симпатией.

«Госпиталь...» состоит из 11 четверостиший, в которых чередуются строки 3-х и 2-стопного ямба. Эту схему нарушает первая строка шестой строфы, в отличие от всех остальных нечетных строк также написанная 2-стопным ямбом, ср. (приведены строфы 5 и 6):

Он залит смертным мелом	υ - υ - υ - υ - υ
(Дела – табак!).	υ - υ -
Тяжёл, как парабеллум,	υ - υ - υ - υ - υ
Его кулак.	υ - υ -
<i>Он кончит скоро</i>	υ - υ - υ - υ
Игру свою –	υ - υ -
Улан одною шпорой	υ - υ - υ - υ - υ
Стоит в раю.	υ - υ -

Строка оказывается более короткой, чем ожидает читатель, – как, увы, и жизнь улана.

9. С.Н. Марков «Пахучей краской свежее блещет борт...» (1926)

В точности обратная картина обнаруживается в другом стихотворении Маркова. Это стихотворение состоит из 5 четверостиший, 19 строк из 20 написаны 5-стопным ямбом, и только седьмая строка – шестистопным:

У каждой в легком трепете рука,	Я5
И взгляды каждой томны и глубоки,	Я5
<i>Готовы разорвать цветной узор платка</i>	Я6
Кудрей их непокорные потоки.	Я5

Эта строка «разрывает» схему 5-стопного ямба так же, как непослушные кудри провинциальных красавиц готовы разорвать стесняющий их платок.

10. Н.М. Олев «Тридцать три коровы» (<1983>)

«Тридцать три коровы» – пожалуй, самое знаменитое творение Наума Мироновича Олева (1939–2009). Эту песню из фильма «Мэри Поппинс, до свидания» знает с детства буквально каждый житель России. Ожидать от нее каких-то изысков на первый взгляд кажется нелепостью.

Между тем это вовсе не так. Песня состоит из двух куплетов, каждый из которых представляет собой достаточно нетривиальную комбинацию двух строф – 4-строчной и 5-строчной с общей схемой рифмовки AbAb CdCCd. Чтобы вполне оценить замысел автора,

необходимо прежде всего оговорить, что расхожее выражение «очень плохая рифма» в подавляющем большинстве случаев относится к рифменной паре (случайный поиск в Интернете предлагает на эту роль такие созвучия, как *свет – рассвет, говорят – целовать, поэт – мудрец, удумал – чаруешь, в душе – всех* и т. д.). Однако если в стихотворении имеются тройные рифмы, вполне может оказаться, что две строки зарифмованы друг с другом хорошо, а оставшаяся (одна!) с ними обеими плохо. В песне про тридцать три коровы все рифмы (и в куплетах, и в припеве) «хорошие» за единственным исключением:

Рифмовал он что *попало*,
Просто выбился из сил
И в деревню на *поправку*,
Где коровы щиплют *травку*,
Отдыхать отправлен был.

Если *поправку – травку* рифма не просто точная, а богатая, то слово *попало* не слишком хорошо рифмуется со словом *поправку* и очень плохо рифмуется (практически никак не рифмуется) со словом *травку*. Хотя герой песни явно не тождествен ее автору, именно строку *Рифмовал он что попало* Наум Олев искусно зарифмовал «как попало»⁵...

Заключение

Вопрос о том, является ли тот или иной эффект частью авторского замысла или «вчитан» в текст исследователем, относится в литературоведении к числу «проблемных». Настоящая статья имеет скорее характер каталога некоторых интересных примеров и, разумеется, не претендует на его разрешение. Выскажем лишь несколько разрозненных соображений на этот счет.

Как правило, в наличии авторского замысла не приходится сомневаться, если текст содержит стиховедческие термины, прямо относящиеся к наблюдаемому в нем эффекту. Так, подводя итоги своего анализа стихотворения Ходасевича «Пэон и цезура»,

⁵ Выходя за рамки темы настоящей статьи добавим, что сложная структура куплета выполняет в песне «Тридцать три коровы» еще одну, не менее важную функцию: бóльшая длина второй строфы по сравнению с первой создает эффект ретардации перед блестящим по неожиданности финалом, в котором «волшебник слова» оказывается шестилетним ребенком.

С.Ю. Мазур даже называет его «откликом на <...> стиховедческие теории» (!) [Мазур 1990, с. 93]. В нашей подборке таковы «Пароходик...» Мандельштама⁶ и песня Олева.

Не вызывает сомнений сознательное использование приема и тогда, когда отступление от основной схемы оказывается очень резким. Так обстоит дело, например, с переходом от 6-стопного ямба к 1-стопному в четверостишии Державина.

В менее очевидных случаях приходится прибегать к косвенным аргументам. Скажем, оба рассмотренных нами стихотворения Сергея Маркова существуют в нескольких редакциях, однако ключевая особенность их структуры – наличие одной строки, нарушающей общую ритмическую схему, – оставалась неизменной при всех переработках.

Свидетельством реальности подобных явлений служит и то обстоятельство, что одни и те же их объяснения нередко приходят в голову независимо разным исследователям (а иногда и «просто» читателям). Так, в опубликованной 15 лет назад небольшой заметке я писал о том, что строка Ахматовой *Сердце бьется ровно, мерно*, состоящая из четырех двусложных слов одинаковой хореической структуры, иконически «передает идею спокойной, упорядоченной жизни лирической героини после расставания с любимым человеком» [Иткин 2010]. Лишь после выхода в 2013 г. сборника избранных работ Ю.К. Щеглова я узнал, что соответствующее наблюдение было сделано этим замечательным литературоведом еще в 1982 г. [Щеглов 1982/2013, с. 292–293].

Конечно, несмотря на все только что сказанное, нередко мы и впрямь имеем дело с простой случайностью. Тем не менее внимание к необычным формальным особенностям поэтических текстов, размышления над их природой так или иначе представляются плодотворными.

Литература

Бобрик 2021 – Бобрик М. Летняя сказка: Стихотворение Осипа Мандельштама «Пароходик с петухами...» (1937) // Wiener Slawistischer Almanach. 2021. Bd. 87. С. 35–86.

⁶ Конечно, слово *перебой* имеет в стихотворении Мандельштама одновременно несколько значений. Не исключено, что его употребление в качестве стиховедческого термина опирается на конкретный источник – сонет Иннокентия Анненского «Перебой ритма» из сборника «Кипарисовый ларец».

- Виленчик 1987 – *Виленчик Б.Я.* Прыжок через строку: (О XXXVI октаве «Домика в Коломне») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 4. С. 363–365.
- Войналович 2024 – *Войналович Е.В.* О стихотворении Осипа Мандельштама «Пароходик с петухами...» // Личное и универсальное: In memoriam: Алла Борисовна Ботникова / под ред. А.А. Фаустова; Воронежский государственный университет. Воронеж: Воронежский государственный ун-т, 2024. С. 223–241.
- Жолковский 1996 – *Жолковский А.К.* How to show things with words (об иконической реализации тем средствами плана выражения) // Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: инварианты – тема – приемы – текст / предисл. М.Л. Гаспарова. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. С. 77–92.
- Иткин 2010 – *Иткин И.Б.* Игры с ритмом и смыслом в поэзии В.В. Маяковского и А.А. Ахматовой // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1: Материалы международной научной конференции «1-е Бриковские чтения: Поэтика и фоностилистика» (Москва, 10–12 февраля 2010 г.) / отв. ред. Г.В. Векшин. М.: МГУП, 2010. С. 68–71.
- Корчагин 2014 – *Корчагин К.М.* [Рец.] *Москвин В.П.* Теоретические основы стиховедения. М., 2009 // Res philologica: Сборник памяти М.И. Шапира / ред.-сост. А.С. Белоусова, И.А. Пильщиков. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2014. С. 543–560.
- Лаппо-Данилевский 2023 – *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Логаэды Г.Р. Державина // Вопросы языкознания. 2023. № 4. С. 96–116.
- Лотман 2002 – *Лотман М.Ю.* На смерть Жукова // Как работает стихотворение Бродского: Сб. статей / ред.-сост. Л.В. Лосев, В.П. Полухина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 64–76. (Научное приложение; вып. 36)
- Мазур 1990 – *Мазур С.Ю.* Эротика стиха: Герменевтический этюд // Даугава. 1990. № 10 (160). С. 88–94.
- Москвин 2009 – *Москвин В.П.* Теоретические основы стиховедения. М.: Либроком, 2009. 320 с.
- Щеглов 1982/2013 – *Щеглов Ю.К.* Поэтика обезболивания: стихотворение «Сердце бьется ровно, мерно...» // Щеглов Ю.К. Избранные труды / сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. М., РГГУ, 2013. С. 284–317.

References

- Bobrik, M. (2021), “Summer tale. Osip Mandelstam’s poem ‘A Steamboat with Roosters...’ (1937)”, *Wiener Slawistischer Almanach*, Bd. 87, pp. 35–86.
- Vilenchik, B.Ya. (1987), “A leap over the line: (On the 36th octave of ‘The House in Kolonna’)”, *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 46, no. 4, pp. 363–365.
- Voinalovich, E.V. (2024), “On Osip Mandelstam’s poem ‘A Steamboat with Roosters...’”, in Faustov, A.A., ed., *Lichnoe i universal’noe: In memoriam: Alla Borisovna Botnikova*

- [Personal and universal. In memoriam: Alla Borisovna Botnikova], Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Voronezh, Russia, pp. 223–241.
- Zholkovskii, A.K. (1996), “How to show things with words (on the iconic Realization of themes by means of the plan of expression)”, in Zholkovskii, A.K. and Shcheglov, Yu.K., *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: invarianty – tema – priemy – tekst* [Works on the poetics of expressiveness. Invariants – theme – techniques – text], Izdatel'skaya gruppa “Progress”, Moscow, Russia, pp. 77–92.
- Itkin, I.B. (2010), “Games with rhythm and meaning in the poetry of V.V. Mayakovskiy and A.A. Akhmatova”, in Vekshin, G.V., ed., *Poetika i fonostilistika: Brikovskii sbornik. Vyp. 1: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “1-e Brikovskie chteniya: Poetika i fonostilistika» (Moskva, 10–12 fevralya 2010 g.)* [Poetics and phonostylistics. Brik's collection. Iss. 1: Proceedings of the international scientific conference “1st Brik's Conference: Poetics and phonostylistics” (Moscow, February 10–12, 2010)], Moscow, Russia, pp. 68–71.
- Korchagin, K.M. (2014), “[Review] *Moskvin V.P. Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of prosody]. Moscow: Librokom, 2009”, in Belousova, A.S. and Pil'shchikov, I.A., eds., *Res philologica: Sbornik pamyati M.I. Shapira* [Res philological. Essays in memory of Maksim Il'ich Shapir], Uitgeverij Pegasus, Amsterdam, Netherlands, pp. 543–560.
- Lappo-Danilevskii, K.Yu. (2023), “Gavriil Derzhavin's logoaedic verse”, *Voprosy yazykoznaveniya*, no. 4, pp. 96–116.
- Lotman, M.Yu. (2002), “On the death of Zhukov”, in Losev, L.V. and Polukhina, V.P., eds., *Kak rabotaet stikhotvorenie Brodskogo: Sbornik statei* [How Brodsky's poem works. Collected articles], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 64–76.
- Mazur, S.Yu. (1990), “Eroticism of verse. Hermeneutic etude”, *Daugava*, vol. 160, no. 10, pp. 88–94.
- Moskvin, V.P. (2009), *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of prosody], Librokom, Moscow, Russia.
- Shcheglov, Yu.K. (2013), “Poetics of pain relief. The poem ‘Serdtshe b'etsya rovno, merno...’ [The heart beats evenly and rhythmically...]”, in Shcheglov, Yu.K., *Izbrannye trudy* [Selected works], RGGU, Moscow, Russia, pp. 284–317.

Информация об авторе

Илья Б. Иткин, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12;

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 109028, Россия, Москва, Покровский б-р, д. 11; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Information about the author

Ilya B. Itkin, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031;

HSE University, Moscow, Russia; 11, Pokrovsky Blvd., Moscow, Russia, 109028; ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Значимость композиции в постижении семантики
лирических стихотворений М. Цветаевой
(на примере стихотворений
«Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя»)

Виолетта М. Хаимова

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Московская международная академия, Москва, Россия,
vt@mtatos.ru*

Аннотация. В статье анализируются два ранних стихотворения М. Цветаевой «Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя», состоящие из трех катренов, которые организованы по сходному композиционному принципу: в строфах – повтор ситуации – и в то же время – выявление чего-то важного на новом уровне. Этот тип композиции можно определить как «композиционную градацию» (используя термин В. Холшевникова). Лирическое постижение явления дается переменной одного-двух слов, а также – пунктуацией, повторами, анафорой, эпифорой, анжамбеманами. Большую роль играют жест, интонация, ритм. В выявлении семантики стихотворений участвуют все уровни композиции: лексический, синтаксический, интонационный, ритмический.

Таким образом, на разных уровнях организации текста в данных трехчастных стихотворениях М. Цветаевой явлена некая концепция отношения героини к бытию.

Ключевые слова: М. Цветаева, композиция трехчастных стихотворений, повторы, анафора, эпифора, анжамбеманы, жест, интонация, ритм

Для цитирования: Хаимова В.М. Значимость композиции в постижении семантики лирических стихотворений М. Цветаевой (на примере стихотворений «Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя») // Вестник РГГУ. Серия «Языкознание. Литературоведение. Культурология». 2025. № 12. С. 50–58. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-50-58

The significance of composition in comprehending
the semantics of Marina Tsvetaeva's lyric poems
(as applied to the poems "Neither Here nor There"
and "Three Kisses")

Violetta M. Khaimova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Moscow International Academy, Moscow, Russia, vm@mmamos.ru*

Abstract. The article deals with two Marina Tsvetaeva's early poems "Neither Here nor There" and "Three Kisses" consisting of three quatrains, which are organized according to a similar compositional principle: each stanza involves a repetition of the situation combined with a grasp of something important on a new level. That type of composition can be defined as "compositional gradation" (according to V. Holshevnikov). The lyrical comprehension of the phenomenon is conveyed through the change of one or two words, as well as through punctuation, repetitions, anaphora, epiphora and enjambments. Gesture, intonation, and rhythm also play a significant role. All levels of composition participate in the identification of the semantics of poems: lexical, syntactic, intonational, and rhythmic. Thus, at different levels of textual organization in Tsvetaeva's three-part poems, a certain concept of the heroine's attitude toward being is revealed.

Keywords: M. Tsvetaeva, composition of three-part poems, repetition, anaphora, epiphora, enjambment, gesture, intonation, rhythm

For citation: Khaimova, V.M. (2025), "The significance of composition in comprehending the semantics of Marina Tsvetaeva's lyric poems (as applied to the poems 'Neither Here nor There' and 'Three Kisses')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 50–58, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-50-58

Целью исследования является анализ композиционных приемов, к которым М. Цветаева обращается в своих ранних стихотворениях «Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя». Обращает на себя внимание трехчастная структура ранних стихотворений, в числе которых такие стихотворения, как «Два исхода», «Облачко», «Жажда» и др. Эти произведения строятся по сходному композиционному принципу: каждый катрен реализует определенный этап постижения чего-то важного для лирической героини. В выявлении семантики стихотворений важнейшую роль играют разные типы повторов, а также другие средства выразительности.

Исследователи, в частности Л.В. Королёва в статье «Художественно-композиционное своеобразие стихотворения М. Цветаевой “Три поцелуя”»¹, обращали внимание на ранние стихотворения, в которых используется трехчастная композиция, которая «становится традиционной для раннего творчества М. Цветаевой». «В одном случае, – пишет исследователь, – это фрагментарные картины-воспоминания, в другом – внутренняя психологическая борьба разума и чувства». Стихотворение «Ни здесь, ни там» не было предметом отдельного исследования.

Необходимо обратиться к более детальному анализу композиции этих стихотворений.

По мысли Ю.М. Лотмана, «единство текста как неделимого знака обеспечивается всеми уровнями его организации, однако в особенности – композицией» [Лотман 1996, с. 117]. Для исследования поэзии важен тезис Ю.М. Лотмана о том, что возможны «два подхода к изучению художественного произведения». Нас интересует подход, который «исходит из представления о том, что сущность искусства скрыта в самом тексте и каждое произведение ценно тем, что оно есть то, что оно есть. В этом случае внимание сосредоточивается на внутренних законах построения произведения искусства» [Лотман 1996, с. 28].

Для стихотворений «Ни здесь, ни там» и «Три поцелуя» характерна 3-строфная структура, общность композиции: стихи пронизаны разного рода повторами и в них – лирическое осознание чего-то важного на новом уровне. Оно дается часто переменной одного-двух слов, стихи, таким образом, содержат множество повторов, в них значимы и жест, и пунктуация, и интонация, и ритм и др. средства, неизменно приобретающие выразительность.

Ни здесь, ни там

Опять сияющим крестам
Поют хвалу колокола.
Я вся дрожу. Я поняла,
Они поют: «и здесь, и там».

Улыбка просится к устам,
Еще стремительней хвала...

¹ Королёва Л.В. Художественно-композиционное своеобразие стихотворения М. Цветаевой «Три поцелуя» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-kompozitsionnoe-svoeobrazie-stihotvoreniya-m-tsvetaevoy-tri-potseluya> (дата обращения: 09.07.2025).

Как ошибиться я могла?
Они поют: «не здесь, а там».

О, пусть сияющим крестам
Поют хвалу колокола...
Я слишком ясно поняла:
«Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там»...²

Стихотворение написано 4-стопным ямбом. В стихотворении нет лирического зачина. Но есть заглавие, что в лирических текстах является необязательным. По мысли В. Холшевникова, «в таких случаях заглавие – как бы начало зачина, направляющее внимание читателя на то, что поэт считает важным, значительным для восприятия стихотворения» [Холшевников 1985, с. 12]. В начале 1-й строфы наречие «опять» («Опять сияющим крестам / Поют хвалу колокола») включает пространственно-временной континуум, что позволяет воспринимать лирическую ситуацию не только как сиюминутную, и последующее развитие лирического сюжета подтверждает это. Здесь проясняется семантика колокольного звона: «Я вся дрожу, я поняла, / Они поют: “и здесь, и там”». В 1-й строфе – радостное приятие жизни: и земной, и «небесной», некоего идеального пространства, пространства Вечности.

Во 2-й строфе – «Улыбка просится к устам / Еще стремительней хвала...» намечается противоречие: на фоне «стремительности» хвалы, казалось бы, должна быть более утвердительной мысль о гармонии бытия «здесь и там», но мы видим противоречие: «Как ошибиться я могла? / Они поют: “не здесь, а там”». Таким образом, героине открывается новый смысл колокольного звона.

В 3-й строфе строка «О, пусть сияющим крестам / Поют хвалу колокола...» повторяет строку 1-й строфы, за исключением «О, пусть». Таким образом, полная кольцевая композиция начальных строк 1-й и 3-й строф, казалось бы, возвращает к первоначальной ситуации, но с иным и окончательным осознанием смысла, в чем помогают противопоставленные наречие «опять» и частица «о, пусть», передающая равнодушие и даже вызов, так как героиня окончательно проникла в смысл колокольного звона: «Я слишком ясно поняла: “Ни здесь, ни там...Ни здесь, ни там...”». Повтор компонентов строки воспроизводит ритм колокольного звона, его равномерность.

² Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1: Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 123–124. Далее ссылки на это издание будут даны в тексте с указанием страниц в круглых скобках.

Значимую роль в композиции стихотворения играет и рифмовка: схема рифмовки – abba, то есть в нем используется только мужская рифма (когда ударение в рифмующихся словах падает на последний слог), что передает чувство уверенности лирической героини в своей правоте.

В стихотворении мы видим один из композиционных типов, выделяемых В. Холшевниковым: развитие и трансформацию одного центрального образа [Холшевников 1985, с. 13].

Итак, в небольшом стихотворении через систему повторов и противоречий, ритма и в целом – композиции цветаевская героиня сумела выразить открытие ею истины.

Какова же семантика «здесь» и «там»? Заглавие стихотворения определяет тему через отрицание (чего?). Гармонии бытия? Полноты переживания гармонии? Семантику поможет прояснить контекст – стихотворения, написанные в этот период. Впервые мы встречаем эту оппозицию в стихотворении «В раю» (1909 г.): «Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи, / И не для встреч проснемся мы в раю» и в стихотворении 1910 г. «Не гони мою память»: «Здесь не надо свиданья. Мы встретимся там», что может означать область поостороннюю и потустороннюю.

В более позднем творчестве оппозиция «здесь» – «там» находит выражение в более резких и определенных образах со всеми ценностными смыслами дробления и несовершенства («здесь») и пространства инобытия, обладающего качествами Абсолюта («там»): «Не здесь, где связано, / А там, где велено», «Не здесь, где скривлено, / А там, где вправлено», «Не здесь, где спрошено, / Там, где отвечено», «Не здесь, где взыскано, / Там, где отпущено» (цикл «Сугробы», 1922 г.) и «здесь, над сбродом кривизн – / Совершенная жизнь. / Где ни рабств, ни уродств, / Там, где все во весь рост, / Там, где правда видней / По ту сторону дней...» (цикл «Деревья», 1922 г.)

«Три поцелуя» – стихотворение 1910 г., оно вошло в сборник «Вечерний альбом». Лаконичное по форме, оно глубоко содержательно по передаче мысли и эмоции.

Три поцелуя

– «Какие маленькие зубки!
И заводная! В парике!»
Она смеясь прижала губки
К ее руке.

– «Как хорошо уйти от гула!
Ты слышишь скрипку вдалеке?»

Она задумчиво прильнула
К его руке.

– «Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строим – на песке!»
Она в слезах прижала губы
К своей руке (с. 80–81).

В стихотворении проявилось умение М. Цветаевой дать в сжатом, спрессованном виде ценностные основы бытия героини. В стихах отразилось желание запечатлеть драгоценные миги бытия, и эти мгновения, совмещенные друг с другом, начинают значить гораздо больше, чем просто отдельные мгновения. Каждое из них становится знаком отрезка бытия. Что поразительно: в стихотворении нет образности в привычном смысле слова, нет тропов, что в свое время отметила Т.А. Никитина³: «Несмотря на то, что произведение может практически не содержать тропов, его выразительность будет поддерживаться с помощью разнообразных синтаксических приемов. Подтверждение этому мы видим в стихотворении “Три поцелуя”».

Пронзительность этого стихотворения достигается другими средствами: отсутствие метафоричности искупается значимостью композиции с употреблением анафоры и эпифоры, символичностью жеста, анжамбеманами. Жест является неким символическим знаком, который обнаруживает смыслы, выходящие за пределы очевидного.

Итак, важнейшую роль для выявления смысла стихотворения играет композиция. В стихотворении три строфы. Каждая строфа намечает новую тему в рамках общей темы ценностей бытия. В 1-й – дается внешний план: девочка радуется кукле: – «Какие маленькие зубки! / И заводная! В парике!» Здесь – и желание слиться с куклой, что передано жестом: «Она *смеясь прижала губки / К ее руке*». Это первый поцелуй, возможно, самый явный.

Во 2-й строфе – обращение к «нему», стремление выстроить внутреннее пространство и желание уединения в нем: «Как хорошо уйти от гула! / Ты слышишь скрипку вдалеке?» «Гул» и «скрипка»

³ Никитина Т.А. Простые и сложные эпитеты в ранней поэзии М.И. Цветаевой (на примере сборника «Вечерний альбом») // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostye-i-slozhnye-epitety-v-ranney-poezii-m-i-tsvetaevoy-na-primere-sbornika-vecherniy-albom> (дата обращения: 09.07.2025).

противопоставляются: «уйти от гула» несет семантику несовершенства, «скрипка» же – воплощение гармонии. Второй жест и поцелуй – «Она *задумчиво прильнула* / К его руке», – возможно, не совсем поцелуй. «Задумчиво» говорит о неполном присутствии с «ним», говорит о желании большей слиянности, неразрывности. О том, что возможно такое прочтение, мы можем судить по 3-й ситуации. В 3-й строфе звучит вопрос, обращенный к самой себе, вопрос риторический: «– Отдать всю душу, но кому бы?». Здесь передано сознание своего экзистенциального одиночества от ощущения невозможного слияния с другим, невозможности «отдать всю душу» и горечь: «Мы счастье строим – на песке!». Третий жест и поцелуй – и не поцелуй вовсе: несмотря на то, что повторяется «прижала губы»: она «в слезах *прижала* губы / К своей руке», это больше напоминает жест, когда хочется остановить крик. Таким образом, поцелуи очевидно различны по смыслу. Так же различаются по смыслу и жесты: «*смеясь прижала губки*», «*задумчиво прильнула*» и «в слезах *прижала* губы».

Три строфы и каждая – своеобразная ступень бытийной ситуации, и вся композиция – представляет в свернутом виде значимый ценностный ряд. Каждая ступень этого ряда – новая, более напряженная модификация той же темы. Между этими бытийными ситуациями – вся жизнь с ее надеждами и невоплощенностью этих надежд. Но не просто с невоплощенностью, но и с невозможностью воплощения, потому что «всю душу», по Цветаевой, невозможно отдать другому.

Этот тип композиции можно определить как «композиционную градацию» [Холшевников 1985, с. 21]. Строфы связаны и развитием жеста, и характером поцелуя. Каждый жест и поцелуй несет свою семантику. С другой стороны, можно предположить, что в такой композиции проявляется принцип монтажности, который способен дать представление о целом.

Значимость жеста подчеркивается его выразительностью благодаря анжамбеману – несовпадению синтаксического и ритмического строения стиха. Анжамбеман, повторяющийся во всех трех строфах, настойчиво переносит в отдельную строку «К ее руке», «К его руке», «К своей руке», тем самым подчеркивая ключевые моменты лирических ситуаций. Перенос создает также эффект неожиданности из-за укороченной фразы, что усиливает выразительность.

В значимые периоды жизни для героини представляют ценность разные стороны бытия: внешнее, радостное принятие мира, желание уединения и поиск понимания, и наконец – горький вывод о невозможности полного слияния душ.

Важную роль для понимания смысла играет и интонация. В 1-й строфе интонация передает восторг и восхищение ребенка, что подчеркивается восклицаниями. Во 2-й строфе интонация более сдержанная, она передает надежду на понимание. В 3-й строфе звучит уже риторический вопрос и восклицание скорее несет констатирующее утверждение о невозможности счастья.

Таким образом, в стихотворении «Три поцелуя» в спрессованном виде на разных уровнях организации текста явлена некая концепция отношения героини к бытию.

Итак, в проанализированных стихотворениях очевидна органичность композиции и смыслов, которые она таит. В стихах разворачивается своего рода лирический сюжет открытия некоей истины («Ни здесь, ни там»), и это реализуется через 3-строфную структуру. Наличие лирического сюжета обусловлено тем, что в стихах присутствует некая ступенчатость в постижении бытийной ситуации («Три поцелуя»). В выявлении семантики стихотворений участвуют все уровни композиции: лексический, синтаксический, интонационный, ритмический. В стихотворении «Три поцелуя» значимую роль играет жест. По мысли Е. Фарино, «Жест, как и поведение, может иметь свое собственное, символическое значение (тогда он становится моделирующей категорией) или факультативное (тогда он выражает внутреннее состояние героя, свидетельствует о его переживаниях)»⁴. На наш взгляд, в контексте всего стихотворения жест несет как символическое значение и, таким образом, становится моделирующей категорией, так и факультативное, так как свидетельствует о переживаниях героини.

Литература

- Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб., 1996. 848 с.
Холшевников 1985 – *Холшевников В.Е.* Анализ композиции лирического стихотворения // Анализ одного стихотворения: Межвузовский сборник / под ред. В.Е. Холшевникова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. С. 5–49.

References

- Lotman, Yu.M. (1996), *O poetakh i poezii* [About poets and poetry], Iskustvo-SPb., Saint Petersburg, Russia.

⁴ *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 259.

Kholshevnikov, V.E. (1985), "Analysis of the composition of a lyric poem", in Kholshevnikov, V.E, ed., *Analiz odnogo stikhotvoreniya: Mezhsuzovskii sbornik* [Analysis of a lyric poem. Interuniversity collection], Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, Leningrad, USSR, pp. 5–49.

Информация об авторе

Виолетта М. Хаимова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Московская международная академия, Москва, Россия; 129075, Москва, ул. Новомосковская, д. 15А, стр. 1; vm@mmamos.ru

Information about the author

Violetta M. Khaimova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Moscow International Academy, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 15A, Novomoskovskaya St., Moscow, Russia, 125047; vm@mmamos.ru

Семантика плача в поэме Фирдоуси «Шах-наме»

Лейли Г. Лахути

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
lahuty@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется семантика слез и плача в поэме Фирдоуси «Шах-наме» (X в.) и выдвигается тезис о концептуализации указанных понятий в поэме. Рассматриваются языковые средства, связанные с описанием слез и плача персонажей поэмы и передающие их свойства, причины возникновения и сопровождающие их действия. В работе анализируются шесть ключевых аспектов, которые помогают выделить значения «слезы» и «плач» среди других значений многозначных слов и тем самым выявить основные контексты плача в тексте: местоположение слез (источник и направление), свойства слез, причины плача (эмоции), характеристики плача, интенсивность слез и сопутствующие жесты. Особое внимание уделяется многозначным словам *āb* ('вода'/ 'слезы') и *xīn* ('кровь'/ 'кровавые слезы'), а также их сочетаниям в изафетных конструкциях. Предлагаются статистические данные по частотности употребления рассматриваемых лексических единиц. Результаты работы могут быть использованы для исследования динамики семантики слез в персоязычной культуре. Работа выполнялась с опорой на критическое издание оригинала «Шах-наме» (Москва, 1960–1970).

Ключевые слова: Фирдоуси, Шах-наме, слезы, плач, семантика плача, классический персидский язык

Для цитирования: Лахути Л.Г. Семантика плача в поэме Фирдоуси «Шах-наме» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 59–71. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-59-71

The semantics of weeping in Ferdowsi's "Shahnameh"

Leili G. Lahuty

Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia, lahuty@gmail.com

Abstract. The article studies the semantics of tears and weeping in Ferdowsi's *Shahnameh* (10th century) and puts forward the thesis that these notions are conceptualised within the poem. It analyses the linguistic means used to describe the characters' tears and weeping, conveying their properties, causes and accompanying actions. The study identifies six key aspects that help to distinguish the meanings of 'tears' and 'weeping' from other meanings of polysemous words, thereby identifying the main contexts of weeping in the text: the spatial dimension of tears (their source and direction), properties of tears, emotional causes of weeping, characteristics of weeping, intensity of tears, and accompanying gestures. Particular attention is paid to the polysemous words *āb* (water/tears) and *xūn* (blood/tears of blood), as well as their combinations in *ezāfe* constructions. Statistical data on the frequency of the relevant lexical items are also provided. The findings may be used to investigate the semantic evolution of tears in Persian literary culture. The study is based on the critical edition of the *Shahnameh* original (Moscow, 1960–1968).

Keywords: Ferdowsi, the *Shahnameh*, tears, weeping, the semantics of weeping, classical Persian language

For citation: Lahuty, L.G. "The semantics of weeping in Ferdowsi's 'Shahnameh' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 59–71, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-59-71

Статья посвящается памяти С.И. Гиндина, которому я благодарна за интерес к моей работе и полезные дружеские советы.

Введение

«Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси – литературный эпос, написанный в конце X – начале XI в. на классическом персидском языке (фарси-дари). Это один из ключевых культуuroобразующих текстов персоязычного мира, оказавший огромное влияние не только на язык персидской поэзии, но и на сохранение и дальнейшее развитие персидского языка. Он излагает историю Ирана от сотворения мира до завоевания Ирана арабами в VII в. и падения

Сасанидской державы. Объем произведения составляет около 50 тысяч бейтов (рифмованных двустиший), т. е. около ста тысяч попарно рифмованных строк.

Хотя повествование строится вокруг смен царей и династий, в тексте описывается широкий спектр явлений – военные действия, пиры, любовные истории, смерть близких людей и др. И в том числе регулярно появляется описание плача, сопровождающего эти явления. Это, с одной стороны, нарушает однородность и линейность повествования, останавливая внимание читателя на этих событиях, подчеркивает их важность, а с другой, в отличие от чисто исторических трудов, привлекает внимание к реакции персонажей на эти события, грустные или радостные, и эмоционально вовлекает читателя/слушателя в повествование. Герои поэмы плачут от горя утраты; от ярости и гнева, от страха; от зависти; от стыда; от радости; от любви и нежности.

Все примеры приводятся по Московскому изданию критического текста «Шах-наме»¹. При цитировании в адресе бейта первая цифра означает том, вторая – номер страницы, третья – номер бейта. В переводах по возможности сохраняется структура оригинала. Так, частое выражение *pur āb* – «залитый слезами» переводится буквально как «полный слез».

Лексика плача

В семантическую группу «плач» здесь будут включаться слова, имеющие одним из значений «слезы» или «пролитие слез», которых по предварительным подсчетам удалось найти около 760.

В классическом персидском языке только одно существительное – *sirišk* (52²) – имеет основным значением «слезы», а значение «плакать», т. е. «проливать слезы», имеет лишь глагол *girīstan*, причем это его единственное значение. В «Шах-наме» (далее – ШН) он встречается в личных и безличных формах 147 раз. В ту же лексико-семантическую группу входит отглагольное существительное *girya* (1) – плач.

В ШН для обозначения слез гораздо чаще используются многозначные существительные, для которых «слезы» – не первое значе-

¹ Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. 1–9. М.: Наука, 1960–1971. В дальнейшем ссылка на это издание указывается в тексте.

² Цифры в круглых скобках отражают встречаемость слова (в любых его формах) в значениях, соответствующих семантике плача.

ние³ (в статье рассматриваются только значения, встречающиеся в поэме):

- *āb* (220) – I. Вода (по словарю Диххуда [Dihxudā 1993] – «прозрачная жидкость без вкуса и запаха, которую пьют животные и благодаря которой растения остаются свежими и сочными»; водоем (море, река, озеро); слезы. II. блеск, сверкание (металла); слава, величие;
- *nam* (10) – влага, жидкость; роса;
- *ašk* (5) – капля/капли жидкости⁴.

Для кровавых слез⁵:

- *xūn* (ок. 145 раз) – кровь;
- *xūn-āb*, *xūn-āba* (13) – «жидкость, похожая на воду, содержащая кровь и молоко» («*xūn-āb*, *xūn-āba*»)⁶. В современном двуязычном словаре – плазма («*хунаб*»)⁷.

Эти существительные могут использоваться в сочетании с глаголами *čakīdan* (12) – литься, течь по капле, *čakāndan* (2) – лить, цедить по капле, *bārīdan* (4) – «лить», «проливать дождем», и с глаголами с более широким значением, которые в сочетании с обозначением любых жидкостей также означают «проливать» или «разбрызгивать» (встречаемость указана только для этого значения): [*furō- /rēxtan* (63), [*bar- /kašīdan* (6); [*bar- /ašīdan*, [*bar- /fišāndan* (16); *rāndan* (5); *dādan* (3); *pālūdan* (3), *furōd āmadan* (2), *parāgandan* (1).

³ Приводится по данным толково-энциклопедического словаря А.А. Диххуда, включающего архаичные значения слов (*Dihxudā* А.А. “*Luġat-nāma*” (čāp-i avval az dawra-yi jadīd). 1993. Jild-i 1–14. Encyclopaedic dictionary. 1st ed. of the new version. Vol. 1–14. Tihran: Tihran University Publications, 1372/1993. URL: www.parsi.wiki <in Pers.>), и словаря языка «Шах-наме» Ф. Вольфа (*Wolf F. Glossar zu Firdosis Schahname*. Hildesheim: G. Olms, 1965).

⁴ В современном фарси «слеза», «слезы» стали единственным прямым значением [*Dihxudā* 1993: “*ašk*”]. При этом в ШН имеется только значение «слезы».

⁵ В русском языке кровавые слезы – это слезы, «вызванные страданием или болью, настолько сильными, что кажется, будто текущие слезы сильно смешаны с кровью» [Крейдлин, Хесед 2016, с. 125]. В современном фарси это метафора «горьких слез». Но в мире текста ШН метафорическое и буквальное значения не всегда легко с уверенностью различить. Поэтому здесь будем считать значение буквальным.

⁶ *Dihxudā* А.А. “*Luġat-nāma*”...

⁷ Персидско-русский словарь: В 2 т. / под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970.

*Функционирование понятий «слезы»
и «кровь»/«кровавые слезы» в «Шах-наме»*

Анализ лексики слез и плача и ее контекстов позволяет определить специфику функционирования этих понятий в ШН. Можно выделить шесть основных контекстов, для каждого из которых характерен определенный набор лексики. Наличие этой лексики в бейте наряду с лексикой слез и плача позволяет определить характер плача. Как правило, если речь идет о слезах и плаче, в бейте бывают названы:

1. Местоположение слез: откуда текут слезы и куда они стекают.
2. Свойства слез.
3. Причина слез: эмоции, вызвавшие слезы.
4. Свойства плача.
5. Количество и интенсивность выделяемых слез.
6. Действия и жесты, сопровождающие плач.

1. *Местоположение слез: откуда текут слезы и куда они стекают.* Слезы, в том числе кровь, то есть кровавые слезы, проливаются: из глаз (*čašm, dīda, dīdagān*⁸); из двух глаз (*du/dō čašm, du dīda*); *метаф.* из нарциссов (*nargis*)⁹, из двух нарциссов (*dō/du nargis*). Они стекают на лицо (*rōy*, *метаф.* *gul*¹⁰), щеки (*ruх, ruхān, ruхsāra*), грудь (*kinār, bar*). Также слезы могут стекать с ресниц (*az/zi muža*) или на ресницы (*ba muža*).

Пример 1. Место слез: ресницы, лицо

*Zi mužgān sirišk-aš ba ruх bar čakīd
hama jāma-yi pahlavī bidarrīd*

С **ресниц** его слезы лились на **лицо**,
всю богатырскую одежду разодрал (Фирдоусӣ 8:19.212).

Пример 2. Место крови: глаза:

*Farangīs-rā dīd dīda pur āb
zabān pur zi nifrīm-i Afrāsiyāb*

Увидел он Фарангис с глазами, полными воды/слез,
с языком, полным проклятий Афрасийабу (Фирдоусӣ 3: 222.3378).

⁸ В классическом фарси нет строгого разделения единственного и множественного числа.

⁹ *Нарциссы* – традиционная метафора прекрасных глаз.

¹⁰ *Gul* – роза, традиционная метафора румяного лица.

Пример 3. Кровь вытекает **из глаз** и проливается **на щеки**.

Az Afrāsiyāb andar āmad nuxust

du rux-rā ba xūn-i du dīda bišust

Сначала повел речь об Афрасийабе,

две щеки омыл кровью двух глаз (Фирдоусī 4:13.81).

Перечисленные слова – обозначения мест, залитых прозрачными или кровавыми слезами, – могут входить в качестве определяющего члена в изафетную конструкцию¹¹ со словами *āb* и *xūn* в качестве определяемого члена: *āb-i dīda* (7), *āb-i čašm* (3) – вода [из] глаз, *āb-i du dīda* (4) – вода <из> двух глаз, – вода <из> глаз, *āb-i du nargis* (1) – вода <из> двух нарциссов¹², *āb-i muža* (2), *āb-i mužagān* (2) – вода <с> ресниц.

Пример 4. Изафетное словосочетание с определяющим членом *mužgān* (ресницы). Царь навсегда прощается со своими подданными:

Ba padrūd kardan rux-i har kas-ē

Bibōsīd bā āb-i mužgān bas-ē

На прощание лицо каждого

поцеловал **с водой/слезами ресниц** много раз

(Фирдоусī 5: 408.2936).

Пример 5. Кровь/кровавые слезы льются с ресниц на лицо:

Ču ān nāma-yi šāh Babak bix'ānd

bas-ī xūn-i mužgān ba rux bar fišānd

Когда Бабак это письмо шаха прочитал,

много крови <с> ресниц на лицо пролил [Фирдоусī 7: 120.133]

Сюда же можно отнести два изафетных сочетания *xūn-i jigār* (3) – «кровь печени» и *xūn-i dil* (12) – «кровь сердца». В современном языке это метафоры со значением «горькие слезы». Но в средневековых представлениях печень и сердце считались локусами сильных чувств – любовных мук, ярости и т. п. и в этом отно-

¹¹ *Изафетная конструкция* – способ подчинительной связи именных словосочетаний, при котором главное (определяемое) слово находится на первом месте и связывается с последующим постпозитивным определением при помощи «изафета» (букв. «добавления») – безударного постпозитивного грамматического показателя *-i*.

¹² *Нарциссы* – см. примеч. 6, *розы* – см. примеч. 7.

шении часто использовались как синонимы. К тому же печень считалась кроветворным органом, из которого кровь попадает в глаза, сердце же служило функциональным синонимом печени, так что в поэтической картине мира кровь могла действительно попадать в глаза из этих двух органов.

Пример 6. Кровавые слезы проливаются из печени:

*Šab-i tēra k-īn nāma bar-x'āndam
bas-ē az jigar xūn bar-afšādam*

Темной ночью, когда он это письмо прочитал,
много **из печени** крови пролил (Фирдоуси 4: 157.650).

Пример 7. Кровавые слезы проливаются из сердца на ресницы:

*Dil-u jān-am ēdar bimānad-hamē
muža xūn-i dil bar-afšānad-hamē*

Сердце и душа мои здесь остаются,
на ресницы кровь сердца проливают (Фирдоуси 1: 152.249).

Часто печень и сердце фигурируют в бейте не как источники слез, но как места зарождения и пребывания сильных эмоций.

Пример 8.

*Bišud peš-i xāqān pur az āb čašm
jigar xasta-vu dil pur az dard u xašm*

Пришел к хакану **с глазами, полными слез**,
печень изранена, а сердце полно боли и гнева
(Фирдоуси 4: 218.157).

Также см. пример 6.

2. *Свойства слез.* В *Шах-наме* слезам (*āb*, *xūn-āb*, *sirišk*) могут приписываться три эпитета: *zard* (15) – шафрановый¹³, *xūnīn* (3) – кровавый и *garm* (9) – горячий. Чаще всего встречается изафет с определяющим членом *zard*: *āb-i zard* (15) и *xūn-āb-i zard* (2). *Āb-i garm* – горячая вода/слезы (6) и *xūn-i garm* (2) – горячая кровь и *xūn-āb-i garm* (1) – горячая кровавленная вода.

¹³ Основное значение для *zard* – желтый (см. пример 16), но применительно к слезам это шафрановый (зд. имеется в виду оранжево-красный цвет) (*Dihxudā* A.A. „Luğat-nāma” ...: “zard”).

Изафеты с определяющим словом *xūn* (кровь): *āb-i xūn* (2), *āb-i xūnīn* (1) – кровавая вода/слезы, *ašk-i xūnīn* (1) – кровавые капли/слезы. «Перевернутый изафет» (примыкание) *xūnīn sirišk* – кровавые слезы (15).

Таким образом, слезам может приписываться цвет и температура, а крови, текущей из глаз, – только температура (слезы и кровь могут в «Шах-наме» быть только горячими).

Пример 9. В следующем бейте в первом полустипии названы и место слез (*čašm* – глаза), и свойства слез (*zard*).

*Bibārīd Rustam zi čašm āb-i zard
dil-aš gašt pur xūn u jān pur zi dard*

Пролил Рустам из глаз шафрановые **слезы**,
сердце его стало полно крови, а душа полна горя
(Фирдоуси 2: 139.199).

Пример 10. *Sirišk* (слезы) входит 13 раз в так называемый перевернутый изафет (примыкание) с определяющим словом *xūnīn* (кровавый):

*Hamē-rēxtī az dīda xūnīn sirišk
zi dard-i ki darmān nadārad pizišk*

Проливал из глаз **кровавые слезы**
из-за боли, от которой лекарства нет у врача
(Фирдоуси 5: 277.698).

3. *Причина слез: эмоции, вызвавшие слезы.* В бейте могут быть названы чувства, вызывающие у персонажа слезы, заставляющие его плакать. Это: *xašm* (34) – гнев, ярость, *kīn*, *kīna* (22) – месть, ненависть, *rašk* (6) – зависть, *šarm* (16) – стыд, смущение, *mihr* (19) – любовь, сострадание, а также слова, выражающие горе и страдание – *dard* (ок. 160), *ġam*, *ġamān*, *ġamhā* (22), *ġamī* (5), *ġamġīn* (4); *andūh* (6), *ranj*, *ranjhā* (16), *sōg* (6), *sōk* (1)? *sōgvar* (2), *sōkvar* (1); *zār* (68), *zārī* (8).

Слово *āb* в значении «слезы», может входить в изафетные словосочетания: *āb-i šarm* (3) – слезы стыда, смущения или глубокого трепетного почтения, *āb-i xašm* (2) – слезы гнева и ярости, *āb-i kīn* (2) – слезы мести и ненависти, *āb-i mihr* (2) – слезы любви, нежной заботы и сострадания, *āb-i rašk* (1) – слезы зависти.

Пример 11.

*Hamā bar-nihādand sar bar zamīn
pur az xūn dil u dīda pur āb-i kīn*

Все склонили голову к земле,
полны сердца крови и глаза полны **воды/слез мести**
(Фирдоусӣ 5: 410.2974).

Пример 12.

Furō-rēxt az dīdagān āb-i mihr
ba xūn-i du dīda biyārāst čīhr
Пролил из глаз **воду/слезы любви**,
кровью двух глаз украсил лицо
(Фирдоусӣ 1: 184.770).

4. *Свойства плача.* Плач (*gīrya, girīstan*) характеризуется как горький (*zār, zārī*), сопровождаемый горестными вздохами, стонами, причитаниями (*zār, ba zār, ba zārī*):

Пример 13.

Ču bā hūš āmad jahān-šahriyār
Furōd āmad az taxt-u bigjīrīst zār
Когда пришел в себя повелитель мира,
сошел с трона и **горько заплакал**
(Фирдоусӣ 6: 94.415).

Пример 14.

Hamē būd dar pāy u dil pur zi xašm
ba zārī hamē-rānd āb az du čašm
Оставались они на ногах и с **сердцем полным гнева**,
со стонами проливали воду/слезы из двух глаз
(Фирдоусӣ 6: 151.245).

5. *Количество и интенсивность выделяемых слез.* Слезы в «Шах-наме» могут быть только обильными, но не скупыми или сдерживаемыми.

Для обилия слез используется ряд формульных описаний.

1. *Šud az āb-i dīda rux-aš nāpadīd* – «стало из-за воды/слез <льющихся из> глаз лицо его/ее невидимым», т. е. слезы залили все лицо (такое полустилище повторяется в поэме 8 раз) и один раз с другим порядком слов: *rux az āb-i dīda šud nāpadīd*: «лицо его/ее из-за слез стало невидимым»; один раз встречается похожая формула, где *āb* (вода) заменено на *xūn* (кровь): *ba xūn-i mižā karda rux nāpadīd* «кровью <с> ресниц сделал лицо невидимым», т. е. кровавые слезы залили лицо.

2. Большое количество слез также передается сочетанием *pur āb*, *pur az āb*, *pur az xūn*, *pur nam* – «полно воды/слез» и *pur xūn* – «полно крови» (т. е. залито кровью или слезами). Это может относиться к глазам и к лицу.

Пример 15.

Manūcihr yak rōz bā dard būd
du čašm-aš pur āb *u rux-aš zard būd*
 Манучихр одну неделю пребывал в скорби,
 два глаза его полны воды/слез, и лицо его желто¹⁴
 (Фирдоусī 1: 135.1).

Полным боли может быть и сердце, ср., напр., выше пример 8. Также обилие слез передается сравнением и метафорами. Дважды встречается изафет *jōy-i xūn* – ручей крови/кровяных слез (в отличие от крови из раны, которая тоже может течь ручьем).

Пример 16.

Sipahbad bar-ān rēš-i kāfūrgūn
bibārīd az didagān jōy-i xūn
 Предводитель войска над той бородой цвета камфары
 пролил из глаз ручья крови (Фирдоусī 4: 68.930).

Слезы могут течь из глаз двумя ручьями (*du jōy*) (7):

Пример 17.

Ču bišnd Kay-Xusrav āvāz-i ōy
ba rux bar nihād az du dāda du jōy
 Когда услышал Кай-Хусрав его голос,
 на лицо пролил из двух глаз два ручья
 (Фирдоусī 4: 158.669)

Пример 18.

Pas ān duxtarān-i jahāndār Jam
ba nargis gul-i surx-rā dāda nam
 Потом те дочери владыки Джама
 нарциссами алым розам дали росу¹⁵
 (Фирдоусī 1: 69.315).

¹⁴ Желтизна лица в персидском – функциональный аналог бледности.

¹⁵ Нарциссы и розы – см. примеч. 9.

Пример 19. Пожелтевшие от горя лица плачущих уподобляются шафрану, а кровавые слезы – алым тюльпанам:

*Sarāparda-yi ō pur az nāla dīd,
zi xūn kišta bar za farān lāla dīd*
Увидел свой шатер полным стеноканий
увидел **тюльпаны, посеянные кровью на шафране**
(Фирдоуси 4: 226.275).

Большой объем слез передается также сравнением с тучей (6) как символом обилия.

Пример 20.

*Saranjām har yak digar-rā kinār
giriftand har dō ču abr-i bahār*
Наконец один другого в горе
обняли <плача>, как весенняя туча
(Фирдоуси 3: 43.631).

6. *Действия и жесты, сопровождающие плач.* В некоторых ситуациях плач может сопровождаться определенными жестами и действиями. Это посыпание головы землей, разрывание одежды, вырывание волос, терзание лица, облачение в синие (т. е. траурные) одеяния, горькие вздохи (букв. «холодные вздохи» – *bād-i sard*). Эти действия могут сочетаться в одном бейте.

Пример 21.

*Hamē rēxt xūn u hamē kand xāk
hama jāma-yi xusravī kard čāk*
Проливал кровь <из глаз> и **сыпал прах** <на голову>
всю **одежду царскую разорвал** (Фирдоуси 2: 245.1007).

Пример 22.

*Hamā jāmahā karda pērōza-rang
du čašm abr-i xūnīn-u rux bādrang*
Все сделали <свои> **одежды бирюзовыми**¹⁶,
глаза – кровавая туча, лица цвета цитрона
(Фирдоуси 1: 30.42).

¹⁶ *Синий* – цвет траура.

При горестном известии царь или равный ему по статусу сходит или падает с трона, срывает корону, терзает лицо. Ср. пример 13. Также

Пример 23.

Hamē-sūxt bāg u hamē-xast rōy
hamē rēxt ašk u hamē-kand mōy

Сжигал сад, терзал лицо,

проливал слезы, **вырывал волосы**

(Фирдоуси 1: 106:452).

Пример 24.

Sar-i sarkašān gašt pur gard u xāk
hama dīda pur xūn hama jāma čāk

Головы гордых воинов¹⁷ стали **полны праха и пыли,**

у всех глаза полны крови, у всех **одежда разорвана**

(Фирдоуси 2: 37.455).

Чем определяется выбор между значениями многозначных слов?

Каким образом для слов с первым значением «жидкость» – *āb*, *nam*, *ašk* – определяется значение «слезы», и для слова *xūn* с первым значением «кровь» – значение «кровавые слезы», а не «кровь из ран»? Из приведенного анализа можно видеть, что эти значения, как правило, задаются лексикой в пределах одного бейта: вышеупомянутые контексты и характерные для них наборы слов в бейте позволяют отличить «слезы» и «кровь» от других значений этих многозначных слов.

Заключение

В поэме Фирдоуси, состоящей из 50 тысяч двустиший, около 760 раз появляется тема слез и плача, то есть слез как таковых и пролития слез как действия. Можно видеть, что в поэме использованы все языковые средства, связанные с темой слез и плача, которые отражены в авторитетном толково-энциклопедическом словаре персидского языка¹⁸. При этом в контексте бейта, содержащего информацию о факте плача, как правило присутствует лексика, отражающая одну или несколько из шести основных характеристик

¹⁷ *Гордые воины* – в оригинале. *sar-kašān*, букв. «задирающие головы».

¹⁸ *Dihxudā* А.А. „Luġat-nāma”...

плача: местоположение слез (источник и направление), свойства слез; причины плача; свойства плача; объем и интенсивность слез; и ритуальные действия, сопутствующие плачу. Эта лексика имеет тройную функцию. Во-первых, при наличии в бейте многозначных слов (в первую очередь – *āb* и *xūn*) она позволяет уже в контексте бейта, не обращаясь к его окружению, отличить значение «слезы» или «кровяные слезы» от значений «вода» и «кровь, текущая из ран». Во-вторых, она манифестирует эмоциональные состояния персонажей, вызвавшие плач. И в-третьих, она прерывает линейное описание событий, указывает на значимость описываемой ситуации, останавливая внимание читающего на ключевых моментах повествования, осуществляя тем самым нарративную функцию. В дальнейшем предполагается изучить развитие семантики слез в более поздней персоязычной литературе.

Литература

Крейдлин, Хесед 2016 – Крейдлин Г.Е., Хесед Л.А. Семiotическая концептуализация телесных жидкостей: слезы // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 121–127.

References

Kreidlin, G.E. and Khesed, L.A. (2016), "Semiotic conceptualization of body fluids: tears", *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, vol. 65, no. 11-3, pp. 121–127.

Информация об авторе

Лейли Г. Лахути, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; lahuty@gmail.com

Information about the author

Leili G. Lahuty, Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; lahuty@gmail.com

Речевое воздействие в диалогах судебного заседания
(на примере речей адвоката Перри Мейсона
в романах Э.С. Гарднера)

Валерия М. Грызлина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leragryzlina@gmail.com*

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lfboix@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии речевого воздействия в судебных диалогах как особой форме институционального общения. Анализируется специфика юридического дискурса, в котором речевая деятельность адвоката подчинена как правовым нормам, так и коммуникативным стратегиям убеждения. Особое внимание уделяется перекрестному допросу как жанру диалога, в котором сталкиваются позиции обвинения и защиты. В качестве материала исследования использованы судебные речи адвоката Перри Мейсона, героя романов Э.С. Гарднера, что позволяет выявить закономерности рационального и эмоционального воздействия, а также тактики логического давления, постановки удостоверяющих и наводящих вопросов, апелляции к противоречиям в показаниях. Подробное описание коммуникативной ситуации судебного заседания дает возможность учесть в анализе вербальные и невербальные ее компоненты.

Показано, что судебные диалоги представляют собой многоуровневый полилог, включающий базовый уровень диалога адвоката/прокурора и свидетеля по факту преступления и метауровень, на котором взаимодействуют судья и другие участники заседания, а предметом обсуждения является базовый диалог. Судебные диалоги демонстрируют сложные стратегии аргументации и речевого воздействия в юридической коммуникации. При ограниченности общедоступных корпусных данных судебных заседаний описание в художественном тексте судебного процесса может дать значимую информацию для анализа судебного дискурса.

Ключевые слова: институциональное общение, судебный дискурс, речевое воздействие, адвокатская речь, перекрестный допрос, стратегии аргументации, многоуровневый полилог

Для цитирования: Грызлина В.М., Федорова Л.Л. Речевое воздействие в диалогах судебного заседания (на примере речей адвоката Перри Мейсона в романах Э.С. Гарднера) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 72–89. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-72-89

Speech impact in judicial dialogues
(based on the lawyer Perry Mason's speeches
in the novels of E.S. Gardner)

Valeria M. Gryzlina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, leragryzlina@gmail.com*

Liudmila L. Fedorova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lfvoux@yandex.ru*

Abstract. The article considers strategies of speech impact in judicial dialogues as a specific form of institutional communication. The analysis focuses on the legal discourse, where the lawyer's speech is subject both to legal norms and to persuasive strategies. Special attention is paid to cross-examination as a dialogue genre in which the positions of prosecution and defense collide. The research is based on the trial speeches of Perry Mason, the fictional lawyer created by E.S. Gardner. The analysis makes it possible to identify patterns of rational and emotional influence, as well as tactics of logical pressure, statements of leading and confirming questions, and appeals to contradictions in testimonies. A detailed description of the communicative situation in a court session allows for the analysis of its verbal and non-verbal components.

It is shown that judicial dialogues represent a multi-level polylogue, including the basic level of dialogue between a lawyer/prosecutor and a witness on the fact of a crime and a meta-level at which the judge and other participants in the meeting (including jury and audience) are involved, and the subject of discussion is the basic dialogue. Judicial dialogues demonstrate complex strategies of argumentation and speech influence in legal communication. Given the limited public availability of courtroom data, descriptions of court proceedings in fiction can provide valuable insights for analyzing judicial discourse.

Keywords: institutional communication, judicial discourse, speech impact, lawyer's speech, cross-examination, argumentation strategies, multi-level polylogue

For citation: Gryzlina, V.M. and Fedorova, L.L. (2025), "Speech impact in judicial dialogues (based on the lawyer Perry Mason's speeches in the novels of E.S. Gardner)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 72–89, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-72-89

Исследование стратегий речевого воздействия в диалогах является одним из важных направлений грамматики диалога, или диалогической лингвистики. Исходная ее предпосылка состоит в том, что речевое воздействие осуществляется в любом обращении к собеседнику, поскольку сам характер речевого действия, высказывания, предполагает, по М.М. Бахтину, направленность на ответ, в терминах Г.Е. Крейдлина и А.Н. Баранова [Баранов, Крейдлин 1992] – содержит «иллокутивное вынуждение» к реакции.

В представлении акта речевого взаимодействия, или интеракции, являющейся элементарной единицей диалога и соответствующей однократному обмену репликами между собеседниками, речевое действие (акция или реакция) обычно включает три основные составляющие: воздействие на собеседника – адресата речи, сообщение о предмете речи и самовыражение – то, как говорящий проявляет себя в речи (шутит или удивляется, радуется или возмущается); т. е. высказывание говорится *кому, о чем и как*.

Каждая составляющая может акцентироваться в высказывании или в разной мере нейтрализоваться. Так, в фатическом общении, направленном на поддержание контакта, может нейтрализоваться содержательная, информативная составляющая; это, например, обмен приветствиями или даже «разговор ни о чем». Самовыражение явно присутствует в экспрессивной речи, но не всегда общение предполагает вербальное проявление эмоций или определенных способов речевого поведения. Но речевое воздействие присутствует всегда, оно является мотивом и пресуппозицией общения как такового и требует ответа. Даже в ответной реплике-реакции тоже содержится определенный заряд – в оказании влияния на собеседника: сообщением требуемой информации или проявлением неосведомленности, согласием или возражением, выражением подчинения или протеста. Неспроста уход от общения, безответность создают психологическое напряжение, воспринимаются как нарушение порядка коммуникативного поведения и могут привести к разрыву контакта. Ведь общение и предполагает создание общего текста, диалога, за которым стоят стратегии его участников, осуществляющих в диалоге свои цели.

Стратегии речевого воздействия формируются на основе разных факторов, прежде всего целей участников и их позиций в

ситуации общения. Можно говорить о различии формального и неформального общения, предписываемом ситуацией, в которой задано соотношение социальных позиций участников. Это соотношение в координатах «Выше–Ниже» и «Свой–Чужой» определяет социально-коммуникативную дистанцию между собеседниками и способ взаимодействия: иерархический (ориентированный на соотношение социальных позиций) или нейтральный.

Если формальное общение регламентировано социальными нормами (в том числе и формально-нейтральное между «чужими»), то неформальное общение (между «своими») более свободно и допускает солидарные и несолитарные стратегии, хотя в солидарном общении также различаются иерархическая (например, в семье) и нейтральная разновидности. Солидарное общение подчинено психологическим и этическим условиям, но в несолитарном общении, в ситуациях конфликта, любые ограничения могут сниматься – вплоть до антиэтикетного поведения, речевой агрессии. Более подробно понятия социально-коммуникативной дистанции и стратегий взаимодействия рассмотрены в [Федорова 2003; Федорова 2012].

В социолингвистическом аспекте речевое поведение участников общения в соответствии с ролевыми ожиданиями и жанрами речи рассматривает также Л.П. Крысин [Крысин 2015].

Близкий подход в области исследования дискурса развивает В.И. Карасик; он использует противопоставление институционального и лично-ориентированного общения, порождающего разные типы дискурса. Институциональное общение происходит в рамках социально-ролевых отношений: «Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках» [Карасик 2000, с. 14].

В грамматике диалога речевое взаимодействие рассматривается в модели ситуации общения, основными компонентами которой являются: 1) его участники, выступающие со своими целями в определенных позициях (социальных, психологических, коммуникативных) и обменивающиеся речевыми действиями; 2) предмет речи и 3) контакт, обеспечивающий взаимодействие. Цель общения задает его инициатор. Основные стратегии воздействия, которые используются в формально-иерархическом общении, – это управление, поиск содействия со стороны вышестоящего инициатора общения и подчинение, содействие, противодействие со стороны отвечающего; в общении между «равными» – содействие или состязательность. Основные стратегии неформального солидарного общения – содействие, поиск содействия, соперничество и состязательность. Эти стратегии реализуются в тактиках волеизъявления,

рационального воздействия и оценки. Номинальное воздействие осуществляется и в фатическом общении. Важную роль играют эмоционально-оценочные тактики, используемые обычно в солидарном и несолитарном общении (похвала, оскорбление, брань), которые обладают, очевидно, наибольшей силой воздействия [Федорова 2005].

Таким образом, речевое воздействие заложено в любом высказывании; оно может реализоваться в прямых или косвенных формах, смягчающих воздействие (например, вопрос в качестве просьбы: *Не могли бы вы ...?*; мнение в качестве совета: *Я бы не стал связываться...*), или также в скрытых формах, которые обычно рассматривают как манипуляции. Тактики манипуляции часто предполагают введение в заблуждение, обман, но скрытые воздействия могут осуществляться и с целью прояснения истины, стимулирования понимания, наведения на правильный вывод. Именно такие стратегии рационального воздействия оказываются задействованными в судебных диалогах.

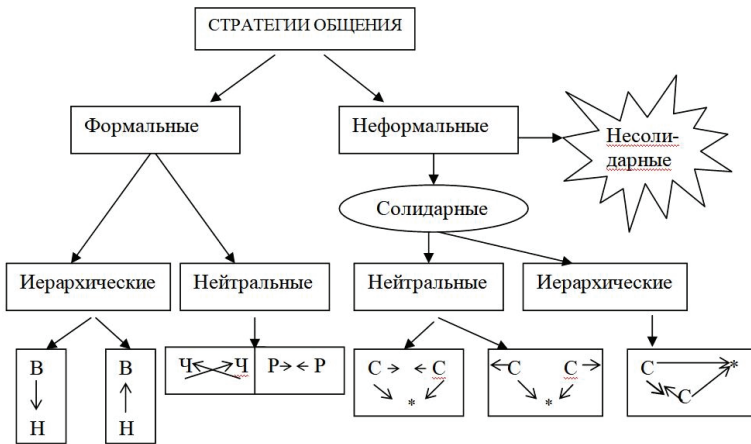

Рис. 1. Формальные и неформальные стратегии общения [Федорова 2012]

(На схеме представлены основные стратегии: с позиции В (высшего) – управление или поиск содействия, с позиции Н (нижнего) – подчинение или содействие, между «чужими» (Ч) – нейтральные стратегии фатического общения с учетом этических норм симметричного признания статуса «чужого», требующего

уважения¹; между «равными» (Р), а также между «своими» (С) – сотрудничества или соперничества (стратегии, направленные на встречу другу другу при содействии в решении проблемы (*) или разнонаправленные в ситуации состязательности); иерархическое общение между «своими» в стратегии поиска содействия и оказания содействия подразумевает различие позиций по признаку «Выше–Ниже».)

Судебные диалоги являются реализацией юридического дискурса, по В.И. Карасику, формой институционального общения, подчиненного главной цели – разрешению правовых конфликтов в соответствии с законом и с опорой на ценности и установки, принятые в обществе, – право, справедливость и истину [Карасик 2000].

В юридической риторике рассматриваются правила, предписывающие нормы речевого поведения судей, прокуроров и адвокатов в судебном заседании, которые должны обеспечить беспристрастное ведение дел². Строго регламентированы правила допроса свидетелей, при которых взаимодействие участников сводится к схеме «вопрос – ответ», при этом запрещается оскорблять, запугивать свидетеля, спрашивать о недопустимых вещах (например, о вещах личного характера или о мнении свидетеля). Тем самым очерчиваются нормативные рамки речевого поведения в юридической коммуникации. В реальных процессах общение не сводится только к соблюдению юридических предписаний, но развивается в борьбе воли и мнений противодействующих сторон. Для его анализа важно учитывать не только тексты выступлений сторон, но и речевое и невербальное поведение всех участников процесса.

В отечественной лингвистике в последние десятилетия сложилось особое направление «на стыке языка и права» – «юридическая лингвистика», или «юрислингвистика» (см. выпуски журнала «Юрислингвистика» под редакцией Н.Д. Голева, также программные работы [Голев 1999; Голев, Ланшакова 2023]), хотя еще в 60-е годы XX в. именно юридические тексты дали импульс созданию теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля и линг-

¹ Прототипические роли «чужого» – гость и враг; гость и хозяин взаимно общаются снизу вверх, выказывая уважение друг к другу; статус врага обычно вовсе не предполагает общения либо допускает его в строго ограниченных формальных рамках (например, при переговорах) на основе признания его статуса.

² См., например: Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). 3-е изд. М.: Юрлитинформ, 2014. 578 с. См. также [Осодоева 2014].

вистической прагматики. Тем не менее в отечественной традиции комплексные исследования устного юридического дискурса и, в частности, стратегий речевого воздействия в контексте судебного заседания изучены недостаточно. Записи судебных заседаний как часть корпусов устной речи проводятся в рамках исследований устной речи, однако отмечается нехватка общедоступных корпусных данных [Дубровская 2010; Блинова, Зайцева 2024]. В этой связи описание в художественном тексте судебного процесса может дать значимую информацию для анализа, особенно если моделирование осуществляется автором, имеющим опыт судебной практики.

Судебное заседание представляет собой специфическую форму институционального общения, в которой речевая деятельность участников – особенно адвокатов – подчинена не только правовым нормам, но и коммуникативной стратегии убеждения, воплощающей стратегию управления на рациональном уровне воздействия. В условиях ограниченного жанра адвокат стремится не только представить факты, но и повлиять на восприятие этих фактов судьей, свидетелями, присяжными. Одним из ярких примеров речевого мастерства в судебной сфере являются выступления адвоката Перри Мейсона – героя серии детективных романов Эрла Стэнли Гарднера. В них диалоги в зале суда хоть и являются художественным вымыслом, но воспроизводят реальные механизмы юридической аргументации и речевого воздействия. Это делает его произведения ценным материалом для лингвистического и прагматического анализа профессиональной коммуникации в судебном дискурсе.

Перри Мейсон – литературный персонаж, воплощающий профессиональные идеалы защитника: ум, логичность, решительность, психологическую чуткость, умение убеждать. Анализ его речи в диалогах судебных заседаний позволяет выявить стратегии речевого воздействия, эффективно реализуемые в юридическом диалоге, и проследить особенности речевого воздействия в специфических условиях судебной коммуникации.

Судебное заседание – это особая ситуация общения, в которой участвуют судья, регламентирующий ход заседания и управляющий поведением сторон, прокурор, представляющий сторону обвинения, адвокат, выступающий со стороны защиты, присяжные заседатели, ответственные за принятие решения, обвиняемый (подсудимый), потерпевший (истец), свидетели, публика в зале заседаний. Одни персонажи осуществляют непосредственное речевое взаимодействие, другие являются молчаливыми арбитрами (присяжные), третьи – лишь наблюдателями, лишёнными права голоса, однако их присутствие и возможные невербальные реакции

могут влиять на ход процесса. При этом все участники заседания оказываются адресатами речевого воздействия.

Одним из наиболее показательных жанров диалога в судебном заседании является перекрестный допрос. Перекрестный допрос – это «допрос одного лица по одному и тому же обстоятельству дела, проводимый сторонами и судом» [Осодоева 2014, с. 6], он проводится после первоначального прямого допроса свидетеля с целью подтверждения, уточнения, опровержения полученных ранее показаний, причем участвуют в нем поочередно прокурор (сторона обвинения) и адвокат (сторона защиты). «При ведении перекрестного допроса прокурор или адвокат стремятся дискредитировать результаты прямого допроса <...> свидетеля. Они стараются подвергнуть сомнению его добропорядочность; вызвать сомнение в реальности существования обстоятельств, дающих свидетелю возможность правильно воспринимать какие-то обстоятельства; показать, что прошедшее время и сопутствующие этому обстоятельства исказили память свидетеля о фактах, и потому его показания носят преувеличенный характер» [Осодоева 2014, с. 6].

Такие установки осуществляются в рамках вопросо-ответной схемы рационального дискурса, существенно ограничивающей возможности повлиять на мнение участников заседания, но в них происходит не только выяснение фактов, но и борьба мнений, состязание между обвинением и защитой, что и составляет движущую пружину диалога. При перекрестном допросе допрашивающий иногда может задавать наводящие вопросы, то есть такие, где уже предполагается ответ, если необходимо напомнить свидетелю известные ему факты (хотя по общему правилу они не допускаются, поскольку могут внушать ответ); допрашивающий может ставить под сомнение достоверность показаний и заявлений свидетеля; использовать доказательства для уличения (документы, видеозаписи или другие улики); контролировать направление диалога, чтобы вынудить свидетеля признать нужные факты или запутаться.

Перекрестный допрос направлен не столько на получение новых сведений, сколько на переосмысление или дискредитацию уже данных показаний. Адвокат в ходе перекрестного допроса активно использует такие тактики речевого воздействия, как удостоверяющие вопросы, постановка наводящих вопросов (в определенных случаях), логическое давление, апелляция к противоречиям в показаниях, демонстрация несоответствий, психологическое давление. При этом он должен учитывать правовые ограничения и этические нормы, регулирующие судебную коммуникацию.

Конфигурация участников перекрестного допроса может быть описана как особый случай коллективного взаимодействия – уров-

невый полилог³, осуществляемый в рамках формального общения и включающий несколько направлений и слоев взаимодействия, которые могут быть выделены как отдельные партии процесса: открытые и прямые – между прокурором и свидетелем, между адвокатом и свидетелем, между судьей и каждым из участников, открытые и косвенные – между прокурором и адвокатом, скрытые – между каждым говорящим и присяжными, между каждым говорящим и публикой.

В диалогах между прокурором и свидетелем, между адвокатом и свидетелем (базовый уровень взаимодействия) открыто осуществляются рациональные стратегии выяснения фактов, но и предполагаются скрытые стратегии воздействия – убеждения и эмоциональной оценки, направленные не только на свидетеля. По сути, это борьба мнений между прокурором и адвокатом, в которой реализуются стратегии состязательности: оба имеют общую цель – восстановление справедливости, истины, они действуют на равных, но их ходы направлены друг против друга. Они не могут вступать в прямой диалог, обсуждая правомерность вопросов к свидетелю, поскольку должны обращаться к суду как к коллективному адресату; тем самым их взаимодействие опосредовано и включено в более широкие рамки метакоммуникации, т. е. коммуникации более высокого уровня, в которой решающий голос принадлежит судье, осуществляющему управление заседанием. Он обладает правом разрешить или запретить конкретные действия прокурора или адвоката как не относящиеся к делу или затрагивающие личную сферу свидетеля, выясняющие его мнение, принять или отклонить возражения одной из сторон, руководствуясь толкованием спорных терминов в соответствии с законом и в интересах правосудия; его стратегии регулирования осуществляются в волеизъявлениях: указаниях, призывах, запретах, разрешениях, перформативных заявлениях (о роли судьи см. [Дубровская 2010]).

Следующий уровень взаимодействия – между всеми выступающими участниками заседания и присяжными, которые не имеют во время допроса права голоса, но должны ориентироваться на рациональное речевое воздействие всех выступающих и его беспристрастную оценку. Именно их вердикт, складывающийся из решений каждого, подтверждает победу или поражение одной сторон взаимодействия: адвоката или прокурора, а в конечном счете – признание вины или невиновности подсудимого.

³ Мы используем термин «полилог» в значении многостороннего взаимодействия, т. е. диалога, в котором принимают активное участие более двух коммуникантов (см. [Диалогическая лингвистика 2019, с. 153–169]).

«Перед присяжными надо разыграть спектакль: вы должны рассказать историю, которая бы понравилась им, вам, и убедить их в том, что правда и добро на вашей стороне, представить противника и его историю как малоубедительные и такие, что не вызывают симпатии и доверия»⁴.

Наконец, еще один уровень взаимодействия – между всеми выступающими и публикой, подверженной рациональному и эмоциональному воздействию речей участников заседания и отдающей свои симпатии одной из сторон («вердикт толпы – решение, показываемое в древние времена опусканием большого пальца вниз»; Гарднер 2020, с. 217). В наше время публике принадлежит роль безмолвного наблюдателя, для нее, как и для присяжных, судебное заседание является своего рода драматическим представлением. Публика включает и журналистов, которые формируют общественное мнение через прессу.

Все эти уровни взаимодействия и составляют в целом уровневый полилог, ограниченный темой, временем и местом судебного заседания. При этом мы оставляем в стороне эффект художественного воздействия, производимый автором на читателей. Но авторский взгляд позволяет охватить все направления воздействия и оценить их эффекты в речевых и неречевых реакциях адресатов.

* * *

Как отмечают авторы монографии о перекрестном допросе, «искусство перекрестного допроса можно определить как умение задавать такие вопросы на суде, которые разрушают факты, на которых противник выстраивает свою аргументацию»⁵.

Рассмотрим для примера один из эпизодов перекрестного допроса из романа «Дело о мрачной девушке» в переводе М.В. Жуковой. Это дело об убийстве Эдварда Нортон, крупного бизнесмена; в качестве обвиняемой оказывается его племянница. Заседание ведет судья Маркхэм. Речь идет о проведении следственного эксперимента, организованного прокурором Клодом Драммом для проверки того, мог ли свидетель на значительном расстоянии от дома видеть через заднее стекло движущейся машины сцену убийства, совершаемого в освещенной комнате. Адвокат Мейсон подвергает сомнению результат эксперимента, обращаясь к свидетелю Дону Грейвсу.

⁴ Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Указ. соч. Гл. 2.1.

⁵ Там же.

- В том случае вы ехали на машине судьи Пурлея?
- Да, сэр.
- Но эксперименты проводились в другой машине, а не в машине судьи Пурлея?
- В другой.
- В таком случае эксперименты проводились не в тех же условиях – то есть не в той машине, а следовательно заднее стекло было другим?
- Но они идентичны! – воскликнул Дон Грейвс.
- Мейсон с укором посмотрел на свидетеля.
- Эксперименты проводились *не* в тех же условиях? – повторил он.
- Нет, сэр.
- А вы *осмелитесь* провести эксперимент в тех же условиях?
- Я возражаю на основании того, что это спорный вопрос! – рявкнул Клод Драм.
- Я считаю, что его, конечно, можно назвать спорным, но в данном случае, как мне кажется, вопрос показывает заинтересованность или пристрастность свидетеля. Вопрос был в том, *осмелится* ли свидетель провести эксперимент в тех же условиях, – заявил судья Маркхэм.
- <...> – Я разрешаю его. Ответьте, мистер Грейвс.
- Отвечайте на вопрос, – повернулся Мейсон к свидетелю.
- Да, я готов участвовать в подобном эксперименте.
- Если судья Пурлей предоставит свою машину, вы будете участвовать в эксперименте?
- Клод Драм вскочил на ноги:
- Теперь задан уже другой вопрос, ваша честь. Сейчас адвокат защиты спрашивает, не *осмелится* ли он, а *будет* ли участвовать в эксперименте.
- Если вы протестуете, я принимаю ваше возражение, – постановил судья Маркхэм.
- Мейсон повернулся к присяжным: – В таком случае у меня больше нет вопросов.
- Больше нет вопросов? – переспросил Клод Драм.
- Нет. Факт говорит сам за себя, – ответил Мейсон. – Вы боитесь провести эксперимент в тех же условиях.
- Судья Маркхэм постучал молоточком по столу.
- Господин адвокат, я просил бы вас не переходить на личности и обращаться к суду, а не к противной стороне, – заметил судья Маркхэм.
- Простите, ваша честь... (Гарднер 2020, с. 188–189)

В этом фрагменте можно выделить линии взаимодействия: адвокат – свидетель, прокурор – судья, судья – свидетель, прокурор – адвокат, адвокат – присяжные, судья – адвокат.

Адвокат по отношению к свидетелю осуществляет воздействие информативного типа: выяснение деталей проведенного эксперимента в форме вопросов и рационального умозаключения и далее использует спорную тактику – вопросы о мнении свидетеля и о его намерениях. Это вызывает протест прокурора, с которым он обращается к судье. Судья в первый раз допускает правомерность вопроса адвоката в интересах правосудия, но во второй раз отклоняет его вопрос к свидетелю. И здесь в ловушку попадает прокурор, обнаруживший свои опасения в отношении повторного эксперимента. В итоге адвокат одерживает верх в поединке с прокурором. Адвокат делает вывод, обращаясь к прокурору и к присяжным. Рациональный ход рассуждений должен привести присяжных к сомнениям в достоверности показаний свидетеля, что и было целью адвоката.

В сложной конфигурации взаимодействий в этом диалоге можно выделить основную линию допроса «Мейсон – свидетель» (базовый уровень) и накладывающую сверху схему обсуждения правомерности допроса: «прокурор – судья – адвокат», которая выступает как метауровень коммуникации, т. е. предметом обсуждения здесь является сама ситуация допроса. Такая структура уровневого полилога создает метатекст в ткани всего диалога. Заметим, что элементы метатекста, т. е. соотношенные с компонентами ситуации общения (допроса), присутствуют и в тексте основной линии диалога (обращения «сэр», реплика Мейсона: «Отвечайте на вопрос»), однако метауровень обсуждения выстраивает и свой полнозначный текст.

Другой пример из того же романа показывает, как Мейсон разоблачает настоящего виновного, используя в рамках рационального воздействия приемы логического и психологического давления на свидетеля. Участники судебного заседания те же, в качестве свидетеля вызван деловой партнер убитого Артур Кринстон, которого допрашивает адвокат. Поскольку это перекрестный допрос, Мейсон ставит вначале вопросы с целью уточнения деталей, по которым свидетель уже давал показания. Они имеют вид констатации факта, напоминания и завершаются удостоверительной формулой «не так ли?», чтобы перевести их в вопросы, требующие подтверждения или отрицания. В английском оригинале здесь используются формы так называемых tag-questions (*didn't you? did you not?*), присоединяющихся к утверждениям, такие формулы практически не дают возможности возражения. Эти вопросы не столько направлены на получение новой информации, сколько служат инструментом воздействия, поначалу номинального.

(1) Если не ошибаюсь, вы прибыли к мистру Нортону в семь минут двенадцатого и уехали примерно в одиннадцать тридцать, *не так ли?*⁶ <...>

(2) – А с семи минут двенадцатого до половины двенадцатого вы разговаривали с мистром Нортон, *не так ли?* – Все правильно. Да, сэр.

Удостоверительная формула в конце утверждений снижает уровень конфликта, влияет на восприятие информации как уже проверенной и истинной. На такие вопросы, как правило, следует подтверждение. Свидетелю легко признать эти факты.

Далее более развернутая удостоверительная формула «А не является ли фактом» (в оригинале *isn't it a fact that*) предшествует обличительным предположениям, которые свидетель отказывается признать.

(3) – *А не является ли фактом*, мистер Кринстон, что задолженность в размере девятисот тысяч долларов перед «Вилерс траст энд сейвингс банк» по долговой расписке, на которой стоит только ваша подпись, – это деньги, которые вы заняли без ведома мистера Нортон и использовали не в интересах фирмы, а для ваших личных спекуляций на рынке ценных бумаг? – Нет, сэр! – *рывкнул* Артур Кринстон. – Это не так.

(4) – *А не является ли фактом то*, что в день своей смерти мистер Нортон получил по почте подобное уведомление? – Я не могу ответить на этот вопрос.

(5) – *А не является ли фактом то*, что мистер Нортон пригласил вас к себе в тот вечер, чтобы сказать вам, что он предоставил вам определенное время для погашения задолженности фирме, а поскольку у вас нет возможности возместить убытки, мистер Нортон собирался сообщить об этом в полицию? – Конечно нет, – *чуть не закричал он*.

(6) – *А не является ли фактом то*, – *настаивал Мейсон невозмутимым и хладнокровным тоном*, – что, когда вы заявили Нортону, что не смогли возместить убытки, он поднял телефонную трубку, позвонил в полицейский участок и сказал: «Говорит Эдвард Нортон. Я хочу сообщить об имевшем место преступлении» – или что-то в этом роде? – Нет, сэр, – *резко ответил* Артур Кринстон. *Впервые в его голосе послышалось напряжение*.

(7) – *А не является ли фактом то*, – *продолжал Мейсон, медленно поднимаясь во весь рост*, – что после того, как мистер Нортон сделал

⁶ Здесь и далее в тексте источника курсив наш. – *Авт.*

подобное заявление полиции, вы разбили ему череп тростью? – Я не делал ничего подобного! – *заорал тот.*

(8) – *А не является ли фактом то*, что вы прекрасно понимали, что вам как-то придется объяснять этот звонок в полицию? <...> Вы сразу же снова набрали полицейский участок и сказали дежурному, что вы – мистер Нортон, вы только что звонили и вас разъединили. Вы заявили о краже автомашины <...> – Нет, сэр, – *механически ответил* Артур Кринстон.

(9) – *А не является ли фактом то*, что затем открылась дверь в кабинет и вошел Дон Грейвс? Он был вашим сообщником в присвоении незаконным путем девяти сот с лишним тысяч долларов <...> Вы использовали деньги фирмы в личных целях. Вы вместе с Доном Грейвсом придумали план, как свалить убийство мистера Нортон на других, не так ли? – Нет, сэр, – все так же *механически отрицал* Кринстон (Гарднер 2020, с. 223–226).

Повторяющаяся развернутая удостоверительная формула с каждым разом усиливает давление, эмоциональное воздействие, напряжение нарастает и приводит к тому, что свидетелю трудно сопротивляться, он уходит от ответа, далее он пытается отрицать факты чисто механически. Его невербальное поведение выдает отчаянное сопротивление, панику и в конце концов осознание поражения, несмотря на слова отрицания. Восстановив картину преступления и показав его мотивы, адвокат сумел переломить мнение публики, уже было склонившейся к обвинению племянницы, хотя не признанные Кринстоном факты еще предстояло доказать.

Под формой вопросов, выстраивающих логическую аргументацию, Мейсон проводит стратегию обличения, наращивая рациональное и эмоциональное воздействие. Этому способствуют его тон и жесты, переданные автором: «*настаивал Мейсон невозмутимым и хладнокровным тоном*» (6); «*продолжал Мейсон, медленно поднимаясь во весь рост*» (7).

Хладнокровный и невозмутимый тон создает атмосферу контроля и уверенности со стороны адвоката. Он заставляет свидетеля чувствовать себя неуверенно, особенно если тот скрывает правду, а у присяжных укрепляется ощущение, что адвокат уверен в своей правоте и логике своих доводов. Жесты адвоката добавляют драматизма. Это усиление невербальной доминантности – Мейсон «вырастает» в глазах слушателей, тем самым оказывая давление на свидетеля и усиливая впечатление у присяжных и публики. Воздействие Мейсона на свидетеля производится и прямым взглядом.

(10) Мейсон стоял, *неотрывно глядя* на Кринстона. В конце концов зрители осознали всю значимость вопроса и все, что тот подразумевал. Все подались вперед. В зале воцарилась мертвая тишина (Гарднер 2020, с. 225).

Таким образом, если содержание вопросов показывает рационально обоснованное воздействие информационного типа, то способ его осуществления, невербальное самовыражение Мейсона производит эмоциональное воздействие, что позволяет Мейсону добиться цели обличения преступников, убеждения публики и оправдания невиновных.

Авторское описание процесса перекрестного допроса показывает всех участников заседания, их акции и реакции, что дает достаточно полную картину стратегий воздействия во всех его формах – рационального доказательства и убеждения, эмоционального и психологического давления и сопротивления, волеизъявительной регламентации действий в принятых в юридической практике формулах.

Таким образом, анализ жанра перекрестного допроса в судебном заседании на основе художественного представления помогает обратить внимание на особый тип коллективного диалога (полилога) – уровневый, включающий основной диалог и метакоммуникацию, предметом которой он выступает. Основной диалог ограничен формами рационального воздействия, регламентированными на метауровне, однако учет приемов эмоционального воздействия, прямого и скрытого воздействия, речевого и неречевого поведения участников, в том числе и не имеющих права голоса, расширяет сферу анализа судебной коммуникации. Тем самым подобный анализ может дать дополнительную информацию для исследования юридического дискурса в лингвистическом и прагматическом аспекте.

Источники

Гарднер 2020 – *Гарднер Э.С.* Перри Мейсон: Дело о мрачной девушке; Дело о воющей собаке / пер. с англ. В.А. Вебера, М.В. Жуковой. М.: АСТ, 2020. 384 с. (*Gardner E.S. The case of the howling dog. Chicago: American Bar Association, 2015. 299 p.*)

Литература

Баранов, Крейдлин 1992 – *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

- Блинова, Зайцева 2024 – *Блинова О.В., Зайцева О.Е.* Русский устный судебный дискурс: корпусные данные и описание взаимодействия в зале суда // Язык – музыка – жест: Информационные перекрестки (LMGIC – 2024): Материалы Международной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2024 г.) / под ред. П.М. Эйсмонт, Т.Е. Алексеевой-Ниловой. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 15–16.
- Голев 1999 – *Голев Н.Д.* От редактора: на стыке языка и права // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: сб. научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. С. 4–11.
- Голев, Лоншакова 2023 – *Голев Н.Д., Лоншакова К.А.* Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): Аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. 2023. № 29. С. 86–97.
- Диалогическая лингвистика 2019 – Диалогическая лингвистика / Т.Д. Богачанова, Л.Г. Викулова, Г.Р. Власян и др. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 319 с.
- Дубровская 2010 – *Дубровская Т.В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 39 с.
- Карасик 2000 – *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. научных трудов / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
- Крысин 2015 – *Крысин Л.П.* Попытка социально-ролевой типологии речевых жанров // Коммуникативные исследования. 2015. № 1 (3). С. 49–54.
- Осодоева 2014 – *Осодоева Н.В.* О перекрестном допросе в российском уголовном процессе // Юрислингвистика. 2014. № 3 (14). С. 5–9.
- Федорова 2003 – *Федорова Л.Л.* Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2. С. 21–40.
- Федорова 2005 – *Федорова Л.Л.* Грамматика диалога: основные категории // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог – 2005» (Звенигород, 1–7 июня 2005 г.) / Ин-т проблем информатики РАН. М.: РГТУ, 2005. С. 482–486.
- Федорова 2012 – *Федорова Л.Л.* Формальное и неформальное общение: структура и границы // Русский язык сегодня: X Шмелевские чтения (Москва, 24–26 февраля 2012 г.): Сб. докладов. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012. С. 395–405.

References

- Baranov, A.N. and Kreidlin, G.E. (1992), “Illocutionary coercion in the structure of dialogue”, *Voprosy yazykoznaviya*, no. 2, pp. 84–99.
- Blinova, O.V. and Zaitseva, O.E. (2024), “Russian oral courtroom discourse. Corpus data and description of interaction in the courtroom”, in Eismont, P.M. and Alekseeva-Nilova, T.E., eds., *Yazyk – muzyka – zhest: Informatsionnye perekrestki (LMGIC – 2024)*.

- 2024): *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–20 aprelya 2024 g.)* [Language – Music – Gesture: Information crossroads (LMGIC – 2024). Proceedings of the International Conference (St. Petersburg, 18–20 Apr., 2024)], Skifiya-print, Saint Petersburg, Russia, pp. 15–16.
- Bogachanova, T.D., Vikulova, L.G., Vlyasan, G.R et al. (2019), *Dialogicheskaya lingvistika* [Dialogue linguistics], AltGPU, Barnaul, Russia.
- Dubrovskaya, T.V. (2010), *Sudebnyi diskurs: rechevoe povedenie sud'i* [Courtroom discourse: speech behavior of the judge], Abstract of D. Sc. dissertation, Saratov, Russia.
- Fedorova, L.L. (2003), “Mechanisms of distance change in speech interaction”, *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, vol. 7, no. 2. pp. 21–40.
- Fedorova, L.L. (2005), “Grammar of dialogue. Basic categories”, in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog – 2005” (Zvenigorod, 1–7 iyunya 2005 g.)* [Computational linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue – 2005” (Zvenigorod, 1–7 June 2005)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 482–486.
- Fedorova, L.L. (2012), “Formal and informal communication. Structure and boundaries”, in *Russkii yazyk segodnya: X Shmelevskie chteniya (Moskva, 24–26 fevraliya 2012 g.): Sbornik dokladov* [Russian language today. Proceedings of the 10th Shmelev Conference], Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moscow, Russia, pp. 395–405.
- Golev, N.D. (1999), “Editor’s note. At the intersection of language and law”, in Golev, N.D., ed., *Yurilingvistika-1: problemy i perspektivy: sbornik nauchnykh trudov* [Legal linguistics-1. Problems and prospects. Collected papers], Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, Barnaul, Russia, pp. 4–11.
- Golev, N.D. and Lonshakova, K.A. (2023), “Legal linguistics as a university discipline (based on textbooks and MA programs in Russian universities). An aspectual review”, *Legal Linguistics*, no. 29, pp. 86–97.
- Karasik, V.I. (2000), “On types of discourse”, in Karasik, V.I. and Slyshkin, G.G., eds., *Yazykovaya lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic personality. Institutional and personal discourse. Collected papers], Peremena, Volgograd, Russia, pp. 5–20.
- Krysin, L.P. (2015), “An attempt at a socio-role typology of speech genres”, *Kommunikativnye issledovaniya*, vol. 3, no. 1 (3), pp. 49–54.
- Osodoeva, N.V. (2014), “On cross-examination in Russian criminal process”, in *Legal Linguistics*, vol. 14, no. 3, pp. 5–9.

Информация об авторах

Валерия М. Грызлина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; leragryzлина@gmail.com

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the authors

Valeria M. Gryzlina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; leragryzlina@gmail.com

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associated professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

Лексема *колокольчик*:
контекстные особенности употреблений
и иерархия значений

Наталья Ю. Муравьева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Natalia.yur.2012@gmail.com*

Аннотация. В статье внимание автора направлено на лексему колокольчик: особенности ее контекстного употребления, анализ значений и установление иерархических связей между ними. Цель статьи – характеристика системы значений многозначного слова и установление языкового статуса каждого из них. Материалом служат примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Лексема *колокольчик* имеет два основных значения, вокруг которых постепенно формируются ее контекстные значения: 1) колокола-предмета и/или издаваемого им звука и 2) колокольчик-цветок и/или его форма. Очевидно, что метафорическое значение «тип цветка» вторично по отношению к исконному значению «маленький колокол».

В статье показано, что на настоящий момент слово «колокольчик» ассоциируется у носителей русского языка в равной степени с цветком и колоколом. При этом данные НКРЯ не выявляют более высокой частотности «цветочно-зрительных» значений по сравнению с «предметно-звуковыми». Однако диахронический подход – последовательный анализ контекстов разных временных периодов (XIX, XX и рубежа XX–XXI вв.) – продемонстрировал достаточно интенсивный рост количества «цветочно-зрительных» значений при значительном снижении частотности «предметно-звуковых». Следовательно, можно утверждать, что на настоящий момент мы являемся свидетелями процесса смены статусов двух значений: исторически первое значение перестает быть основным.

Ключевые слова: лексическая семантика, полисемия, иерархия значений, контекстные особенности употребления, диахрония, лексема *колокольчик*

Для цитирования: Муравьева Н.Ю. Лексема *колокольчик*: контекстные особенности и иерархия значений // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 90–107. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-90-107

© Муравьева Н.Ю., 2025

Lexeme *kolokol'chik* (a bluebell).
The contextual use and hierarchy of meanings

Natalia Yu. Muravyova
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Natalia.yur.2012@gmail.com

Abstract. The article reviews the lexeme *kolokol'chik* ('a little bell', 'a bluebell'): the features of its contextual usage, analysis of meanings and establishment of hierarchical links between them. The research is aimed to describe the system of meanings of a polysemantic word and determine a linguistic status of each meaning. The research material includes examples from the Russian National Corpus.

The lexeme *kolokol'chik* has two main meanings that form other meanings, including contextual ones: 1) a bell (as an object) or its sound; 2) a bluebell (a flower) or its shape. It is obvious that the metaphorical meaning 'type of flower' is secondary to the original meaning 'small bell'.

The article shows that currently, Russian speakers associate the word *kolokol'chik* in equal measure with a flower and with a bell. Yet, the data of the Russian National Corpus do not confirm that the "flower" meaning is more common. However, a diachronic approach – a sequential analysis of contexts from different time periods (19th, 20th and the turn of the 20th – 21st centuries) – demonstrated a fairly intense increase in the number of 'floral-visual' meanings with a significant decrease in the frequency of 'object-sound' ones. Therefore, it is possible to say that now we see the process of changing the statuses of two meanings of the same lexeme: the original meaning stops being the main one.

Keywords: lexical semantics, polysemy, hierarchy of meanings, contextual features of usage, diachrony, the lexeme *kolokol'chik* ('a little bell', 'a bluebell')

For citation: Muravyova, N.Yu. (2025), "Lexeme *kolokol'chik* (a bluebell). The contextual use and hierarchy of meanings", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 90–107, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-90-107

Введение

Слово «колокольчик» представляет собой интерес для лингвиста не только как многозначное слово, возникшее из звукоподражания, но и как слово, интригующее нас своей историей. Очевидно, что уменьшительное *колокольчик* восходит к производящему *колокол*. Этимологию последнего слова возводят к звукоподражанию,

имеющему общеиндоевропейский характер, сопоставляя с др.-инд. *kalakalas* «беспорядочный шум, крики», а также с производными древнегреч. *καλέω* «зову», греч. *κέλαδος* «шум», лат. *calāre* «созывать, восклицать», др.-в.-нем. *hellan* «звучать» (Фасмер 2004), т. е. исконное значение слова связано не с предметом, а именно со звуком, который (в русском языковом сознании) этим предметом воспроизводится и ассоциативно не отделен от него. Предмет создан человеком и назван, в зависимости от размеров, *колоколом* или *колокольчиком*.

Очевидно, что лексема *колокольчик* – с уменьшительным суффиксом – изначально обозначая «маленький колокол», со временем получила и переносное значение «тип цветка»: метафорическое, в основу которого была положена схожесть по форме. Однако в лингвистической литературе встречаются и указания на обратную метафорическую цепочку, например: «Первое применение колоколов при христианском богослужении церковное предание относит к свт. Павлину, епископу Ноланскому (353–431). В сонном видении он видел ангела с колокольчиками, издававшими дивные звуки. Полевые цветы колокольчики подсказали свт. Павлину форму колоколов, которые и были употреблены при богослужении» [Стародубцев 2001].

Цель настоящей статьи – описать систему значений¹ выбранной лексемы² в современном русском языке, уточнив иерархические отношения между значениями в узусе, выделив наиболее частотные из них.

Материал и методы

Цель в работе достигается путем использования данных толковых, энциклопедических, ассоциативных словарей и анализа корпуса примеров, представленного поисковой системой «Национальный корпус русского языка» (далее НКРЯ).

Для описания системы контекстных значений собраны примеры из основного корпуса НКРЯ методом сплошной выборки. Предложенные выводы базируются на обобщении данных первых трех страниц результата поиска лексемы во всех формах – 53 примерах в 30 текстах за период с 1967 по 2008 г.

¹ Отдельной интересной темой представляется изучение коннотаций упомянутых лексем, см. обоснование в лингвистических работах того, что *колокол* является прототипом формы данного предмета [Семенова 2004].

² Понимается как совокупность всех значений – вслед за В.В. Виноградовым.

Для выявления диахронических процессов и уточнения иерархических отношений между значениями в структуре лексемы *колокольчик* в современном русском языке проанализирована семантика примеров из русской художественной литературы XIX–XX вв. (664 примера), а также произведены статистические подсчеты.

Результаты исследования

1. Особенности ассоциативного ряда и словарных описаний лексемы «*колокольчик*». Этимологические и словообразовательные словари не дают усомниться в происхождении слова. Однако цель данного этапа исследования – понять, как именно словари (толковые, энциклопедические, ассоциативные) и справочные источники иного типа выстраивают иерархические отношения между двумя основными значениями лексемы *колокольчик*.

1.1. Согласно «Русскому ассоциативному словарю» (РАС), из 105 реакций на стимул «*колокольчик*» первая и четвертая характеризуют звук (*звенит* 17 и *звонкий* 7), а вторая и третья – цветок (*цветок* 14, *голубой* 8). В списке реакций также присутствуют *полевой, василек, фиолетовый, лесной, лето, на лугу, нежный, одуванчик, одуванчик-василек, пчела, светлый, серебристый, синеголубой, синенький, темно-голубой и цветочек*. В сумме всего 29 количественных реакций характеризуют цветок и 44 – звук и связанный с ним предмет, но разнообразие вариантов составляет 18 различных ассоциативных номинаций для цветка и только 16 для звука³.

«Словарь ассоциаций русского языка онлайн» (САРЯ) среди всех ассоциаций к *колокольчику* ставит на первое место *цветок*, на шестое *поле*, на одиннадцатое *растение*, на пятнадцатое *синий*, далее *красивый, синева, лес, цветы, фонарь, ландыш, купол, тычинки, синий цвет, травка, покачивание, люттик, элеутерококк, весна, степь* и др. Данных по количеству реакций здесь нет, важны их наличие и очередность перечисления. По этим данным, с одной стороны, ассоциация с цветком оказывается на первом месте, с другой стороны, из 126 реакций всего таких ассоциаций 38, а ассоциаций со звуком

³ Строго говоря, в Словаре указано всего 25 реакций, поскольку считаются разными реакциями *тройка / тройка (лошадей) / тройка лошадей; последний звонок / последний звонок в школе; звенеть / звенит* и т. п. Однако в данной работе разные формы одной лексемы и разной длины синонимичные номинации рассматриваются как 1 единица.

около 46⁴. Разнообразие ассоциаций со звуком больше, поскольку и сами артефакты достаточно разнообразны, однако их упоминание – лишь начиная со второй позиции, после упоминания цветка.

Поисковая система «Яндекс» (Яндекс. Картинки) предлагает набор изображений, очередность которых, как представляется автору данной работы, тоже заслуживает особого внимания и может быть использована в качестве источника информации об ассоциативных связях и свидетельстве частотности внимания пользователей интернета. Из первых 18 картинок колокольчик-цветок оказывается на первом, втором и третьем месте (всего 12 изображений из 18), в то время как колокольчик-артефакт появляется лишь на четвертом и далее десятом и еще более отдаленных местах (всего 6 картинок из 18). Появление именно ассоциаций с цветами на первом месте есть результат в том числе возможности/невозможности изобразить звук или форму: именно цветок легко представляется через зрительный образ, а предметность колокола, обычно являющегося источником звука, оказывается вторичной по отношению к самому звуку, т. е. в нашей речи чаще всего важен не столько сам предмет, сколько указание на источник звука или даже сам звук. Собственно, четвертая и шестнадцатая картинки стремятся передать как раз звон: колокольчик представлен в движении.

1.2. Согласно толковым словарям, колокольчик – это «1. Маленький колокол <...> 2. Травянистое растение с лиловыми или темно-голубыми цветками, похожими на маленький колокол» (МАС). Если словарь упоминает и значение музыкального инструмента, то оно оказывается на втором месте, а значение цветка перемещается на третье (Ожегов, Шведова). Таким образом подчеркивается происхождение лексемы, ее производность от большого *колокола*, а также приоритет именно звуковой ассоциации, сохраняемой у названия музыкального инструмента, но исчезающей у цветка.

Несмотря на понятное и естественное уважение лингвистов к отношениям производности, закрадывается некоторое сомнение, логична ли данная последовательность значений в словаре современного русского языка и соответствует ли она их распространен-

⁴ Если не считать вторичные типа *церковь, школа, первое сентября, сентябрь*, но считать, как представляется, более близкие к звуку *колокол, колокольня, язычок, маленький, шея, буренка, тройка, металл, золотой* и т. д., то 46. Для сравнения: в статье *колокол* содержится 167 ассоциаций, из них имеют / могут иметь отношение к форме предмета или иной воспринимаемой зрительно характеристике *колокольня, башня, юбка, цветок, купол, спина, медь, бронза, блеск, серебряный, железный, размер, царь-колокол, медный, золотой* и некоторые др.

ности в современном узусе. С одной стороны, существует возможность назвать маленький колокольчик лексемой без диминутивного суффикса, с другой стороны, колокольчик-цветок является единственным обозначением такого цветка в русском языке (для него бессуффиксальная номинация невозможна) и, как уже было сказано, на настоящий момент именно цветок начинает занимать первое место в ряду ассоциаций.

Справедливость такого сомнения подтверждает наличие и последовательность значений в энциклопедических словарях⁵ начиная с XIX в. В словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, например, в статье *колокольчик* рассматривается единственное значение – значение цветка (Брокгауз, Ефрон 1900). В «Большом энциклопедическом словаре» 2012 года предлагается два значения, но цветок объясняется первым, а колокольчик-артефакт вторым (БЭС, см. тот же принцип в БСЭ, СЭС).

Таким образом, в соответствии с данными ассоциативных словарей и онлайн поисковых систем представляется возможным утверждать, что на настоящий момент *колокольчик* ассоциируется в равной степени с цветком и звуком (в частности, с предметом, издающим звук). Энциклопедические словари позволяют увидеть, что основным является значение цветка. В то время как в толковых словарях активность употребления слова традиционно не отражается в структуре словарной статьи.

2. Система контекстных значений лексемы «*колокольчик*». Цель следующего этапа исследования – систематизировать контексты с лексемой *колокольчик*, выявить, сформулировать или скорректировать типы контекстных значений внутри каждого из словарных.

Всего в основном корпусе НКРЯ насчитывается немногим меньше 5 тысяч употреблений данной лексемы. Из первых 30 документов (3 страницы и 53 примера, датированных с 1967 по 2008 г.) семантический анализ позволяет выделить следующие типы контекстов.

⁵ В отличие от энциклопедических, лингвистические словари чаще всего в качестве первого значения указывают этимологически исходное, даже если оно употребляется реже или имеет стилистическую помету, например, толкование *мурашка*: «Прост. 1. Уменьш. к мураш; то же, что мураш; 2. мн. ч. (мура'шки, -шек). Пупырышки, появляющиеся на коже от холода, озноба» (МАС). Однако такого не происходит, если с точки зрения составителей словаря значение слова устаревает см. последовательность толкований слов-омонимов: «Живот 1. Часть тела у человека и животных, в которой расположены печень, желудок, кишечник, селезенка и другие органы»; «Живот 2. Устар. То же, что жизнь (во 2 знач.)» (МАС).

2.1. Контексты, связанные с маленьким колоколом и/или издаваемым им звуком

В данном типе контекстов можно выделить две группы примеров.

Первую группу составляет 21 контекст, в которых упоминается колокол маленьких размеров – предмет, обладающий вполне конкретной функцией: звонить. В этой группе:

- 7 примеров упоминают поддужный колокольчик как часть упряжи лошадей: *В России колокольчик под дугой был частью конной упряжи, однако далеко не каждый хозяин мог себе позволить купить дорогое литое изделие* (К. Скворцов, журнал «Народное творчество»);
- 5 примеров (1 текст) упоминают о колокольчике, который используют рыбаки, привязывая к леске, чтобы услышать, когда рыба начинает клевать: *...Дернулся и оглушительно зазвенел колокольчик. Колюня подсек. Ощущение было такое, что к тому концу лески привязали валун* (А. Варламов, Купавна). Такие колокольчики должны подавать звуковые сигналы, однако делаться могут из ряда подручных средств (например, металлических трубок и гаек – см.: Видеоролик о рыбалке);
- 4 примера указывают на ручной колокольчик, используемый с целью позвать (прислугу, родственника к больному), проинформировать о просьбе открыть дверь (функция дверного звонка), передать информацию о происшествии (в одном из встретившихся примеров – позвать нарочного) и т. д.: *Бронзовый колокольчик, уткнувшись лепестковым лицом в линялое сукно, стоял перед ней* (Л. Улицкая, Пиковая дама);
- 3 примера (1 текст) указывают на елочное украшение – предмет, сохраняющий форму и внешний вид колокола и потенциально способный звонить: *Шары и колокольчики иногда бились, и тогда обычно спокойная и житейски не привязанная к материальным ценностям мира старая женщина кричала, а может быть, даже и плакала, собирая осколки* (А. Варламов, Купавна);
- 2 примера называют или описывают музыкальный инструмент (или предмет, используемый в качестве музыкального инструмента, например, *хрустальные колокольчики* в руках танцующих детей); с предметности здесь акцент смещается на звуковую составляющую: *Самым распространенным и популярным музыкальным инструментом была, конечно же, саратовская гармоника с колокольчиками* (Некоторые черты саратовского певческого стиля, журнал «Народное творчество»).

Интересно, что значительная часть указанных контекстов устарела. Одна треть контекстов первой группы посвящена реалиям до XX в., максимум 1920–1930-х гг. Некоторая часть остальных контекстов также ограничена временным периодом: в населенном пункте уже нереально звать стражей порядка с помощью звона; несмотря на новую волну использования в маленьких магазинах и аптеках в наши дни, дверной колокольчик в тексте, посвященном событиям примерно 1960–1980 гг., не случайно оборван и превращается в воспоминание: *Однажды, когда я по рассеянности не захлопнула входную дверь, возле которой снаружи зияла дыра от бывшего звонка-«дергалки» (соединенного в старые времена с медным колокольчиком), а сбоку от дыры висела целая периодическая система, где количество звонков как бы определяло новое качество фамилий...* (М. Палей, Поминовение).

Помимо временных ограничений часть из перечисленных примеров имеет и функционально-жанровую специфику: музыкальные инструменты, рыболовные принадлежности связаны с определенным типом занятости/хобби, в языковом отношении их можно отнести к специальным, не общеупотребительным словам, контексты могут быть ограничены жанром.

Колокольчик – это не просто предмет определенной формы, определяющей является его способность звонить/звенеть. В перечисленных выше типах примеров музыкальная способность звонить может быть или возвышена до тончайших оттенков тембра, свойственных музыкальным инструментам, или, напротив, упрощена до способности издавать звук вообще, информировать звуком, тембр и тон уступают место звучности и громкости (колокольчик рыболовный, дверной звонок). Музыкальная способность может восприниматься чисто ассоциативно: колокольчики-игрушки могут быть и деревянными, и бумажными, и даже лишенными своего объема – плоскими, что звук объективно исключает в реальности, но в сознании носителей языка он все равно сохраняется.

Во второй группе примеров производными от колокольчика-предмета будут «звуковые» значения – в 10 контекстах, где лексема *колокольчик* передает:

- звук, издаваемый колокольчиком, которого нет в поле восприятия (3 примера): *Золоченой маминной ложечкой она снимала тонкую молочную пенку с густого шоколада, когда раздался звон колокольчика: Мур подзывала к себе (Л. Улицкая, Пиковая дама);*
- звук, похожий на тот, который может издавать колокольчик, но издаваемый человеческим голосом (6 примеров): *...Они просили ее петь, голос у нее был как колокольчик (А. Рыбаков,*

Тяжелый песок); *Никогда ни на что не жаловалась, не грустила, звенела себе колокольчиком* (И. Грекова, Фазан);

- звук, издаваемый птицей (1 пример): *Песня началась глухо, незаметно. Послышался тихий и печальный звук, что-то вроде «тиуууу-лиуууу». Звук этот сменился задорным повистом. А после зазвенели колокольчики, словно от жаворонка, трели и рулады, как у певчего дрозда* (Ю. Коваль, Капитан Клюквин).

Для звуковых значений типичным контекстом будет репродуктивный коммуникативный регистр речи в терминологии Г.А. Золотовой [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004, с. 29 и сл.], в котором звук предстает в непосредственном восприятии наблюдателя. Однако может он превратиться и в постоянное свойство, характеристику: *Колокольчик, как можно догадаться, это прозвище девушки: односельчане прозвали ее так за звонкий, мелодичный голосок* (Ю. Трифонов, Предварительные итоги). Подобные номинации уже лишаются возможности маркировать репродуктивность в тексте, они не способны передать звуковой (иной чувственный) образ в непосредственном восприятии и предрасположены к употреблению в информативном фрагменте текста.

2.2. Контексты, связанные с названием растения.

Этот тип контекстов представлен в 13 примерах:

- 8 примеров указывают на сам цветок (причем в двух случаях речь идет о сказочном цветке, который одновременно и звенит): *Он увидел синий колокольчик, сорвал его и побежал по двору. – Это не я звеню, – ответил лягушонок. – Это синий колокольчик звенит* (С. Козлов, Правда, мы будем всегда?);
- 5 примеров передают форму колокольчика: узор, соцветия, форму юбки или даже шляпки гриба и т. д.: *Блиндаж колебнулся, с потолка посыпалась земля, гроздь поганок дрогнула и уронила один колокольчик* (И. Грекова, На испытаниях).

В последнем примере имеется в виду сходство гриба именно с цветком, что можно доказать не только наличием в контексте лексемы *гроздь* (ассоциирующей с растением и не связанной с артефактами) и вертикальной снизу вверх направленной формы гриба (колокола-артефакты подвешиваются сверху и не имеют ножки). Но и существованием не единичных примеров ассоциаций гриба с цветком, ср.: *Такие грибы относятся к редким видам. В зрелости гриб-колокольчик становится похожим на тюльпан с волнистыми краями, а с наружной стороны можно увидеть пушок...* (И. Яббарова, На Тагане обнаружили гриб-колокольчик)⁶. Более того, эти

⁶ Сетевое издание «Губерния – Южный Урал». 02.05.2025. URL: <https://gubernia74.ru/articles/society/1132985/> (дата обращения: 02.09.2025).

и другие проанализированные примеры позволяют предположить, что форма колокольчика будет регулярно обозначать схожесть с цветком, в то время как сравнение с формой колокола будет выражаться через лексему без уменьшительного суффикса. Ср.: *Развернула: узор знакомый – не то колокола, не то цветы – колокольчики, сплетенные между собой извилистыми усиками* (Л. Улицкая, Казус Кукоцкого).

2.3. Контексты, в которых звуковые или зрительные характеристики оказываются «застывшими», превращаясь в имена, прозвища, номинации (например, *Фея Колокольчиков*), или получают интерпретационно-оценочное значение (*беззаботные девочки-колокольчики*). Этот тип контекстов был выявлен в 9 примерах. Поскольку подобные номинации лишаются возможности передавать звуковые или зрительные образы, они выносятся за рамки данного исследования.

Таким образом, частотность распределения примеров по референтам можно представить в виде таблицы следующим образом:

Таблица 1

Частотность распределения примеров по типам референтов

<i>Референт</i>	<i>Ожидаемый канал восприятия</i>	<i>Число контекстов</i>
Колокольчик-предмет	слух (зрение, если видим)	21
Звук колокольчика	слух	10
Колокольчик-цветок	зрение (слух, если звенит)	8
Форма колокольчика	зрение	5
Номинации, которые лишены способности передавать звуковой / зрительный образ	тип модуса не зависит от семантики слова	9
Итого		53

За исключением последней группы примеров, все контексты можно разделить на два типа:

- 1) контексты, в которых представлен *колокольчик*-предмет или издаваемый им звук; далее для них будет использоваться номинация «предметно-звуковой тип»;
- 2) контексты, где представлен *колокольчик*-цветок или зрительный образ его формы; далее – «цветочно-зрительный тип».

Причем 53 проанализированных примера периода с 1967 по 2008 г. показывают значительно бóльшую частотность искомого значения лексемы *колокольчик* и связанных с ним контекстных значений: 31 «предметно-звуковое» употребление и 13 «цветочно-зрительных». Несмотря на постепенное исчезновение из нашей жизни значительной части денотатов «предметно-звуковых» значений слова, частотность таких употреблений остается более высокой по отношению к частоте упоминания колокольчиков-цветков, составляя пропорцию 2,3 / 1.

3. *Частотность контекстных значений лексемы колокольчик в текстах художественной литературы.* Статистические данные НКРЯ по частотности употребления лексемы *колокольчик* ставят на первые места авторов художественных текстов, что логично: именно художественные тексты составляют значительную часть текстов Корпуса, а потому статистические подсчеты укажут на авторов наибольших по объему произведений в первую очередь. Приведем выдержку (см. табл. 2) в 10 первых имен из таблицы, предложенной НКРЯ.

Таблица 2

Статистика употребления лексемы *колокольчик* по НКРЯ
(фрагмент)

№	Значение атрибута	Тексты	Вхождения
1	Ф.М. Достоевский	11	68 (1,38%)
2	Л.Н. Толстой	15	52 (1,05%)
3	Л.А. Чарская	13	48 (0,97%)
4	М.М. Пришвин	13	44 (0,89%)
5	Андрей Белый	9	43 (0,87%)
6	А.И. Эргель	4	43 (0,87%)
7	Н.А. Лейкин	18	42 (0,85%)
8	В.Г. Короленко	15	42 (0,85%)
9	М.Е. Салтыков-Щедрин	18	40 (0,81%)
10	С.Н. Сергеев-Ценский	15	38 (0,77%)

Обратимся к конкретным примерам из текстов указанных авторов. Расширим данный список результатами поиска в основном корпусе НКРЯ по текстам других представителей художественной литературы XIX–XX вв. по произвольному выбору.

Всего было проанализировано 22 имени и 664 употребления лексемы *колокольчик*, которые представлены в табл. 3.

Семантический анализ позволяет разделить найденные в НКРЯ контексты на две группы в соответствии с двумя выделенными ранее типами – «цветочно-зрительным» и «предметно-звуковым». Для удобства изложения далее для контекстных значений из этих групп будут использоваться обобщающие номинации «цветочно-зрительное значение» и «предметно-звуковое значение».

Порядок перечисления имен в этой таблице соответствует убыванию процента частотности «цветочно-зрительных» значений (т. е. значений цветка, а также формы цветка) по отношению к количеству всех употреблений лексемы у конкретного автора. После имени каждого писателя или поэта указаны годы написания текстов, в которых, по данным НКРЯ, были обнаружены употребления лексемы *колокольчик*.

Таблица 3

Статистика употребления лексемы *колокольчик*
в значении цветка и типа формы в художественных текстах

№	Автор и годы написания текстов	Частотность употреб- ления значений <i>цветка</i> и/или <i>формы</i>	Количество употреб- лений лексемы в значении <i>цветка</i>	Количество употреб- лений лексемы в значении <i>формы</i>	Общее количество употреблений лексемы (НКРЯ)	Порядковый номер по частотности всех контекстов (НКРЯ)
1	В.В. Набоков (1921–1967)	60%	3	1	7	186
2	Андрей Белый (1904–1934)	47%	15	5	43	5
3	М.М. Пришвин (1914–1945)	30%	13	–	44	4
4	Людмила Улицкая (1995–2000)	25%	–	1	4	304
5	К.Г. Паустовский (1943–1963)	17%	3	1	23	26
6	Н.В. Гоголь (1831–1842)	15%	2	–	14	66
7	Максим Горький (1899–1935)	14%	4	–	29	17

Окончание табл. 3

№	Автор и годы написания текстов	Частотность употребле- ния значений <i>цветка</i> и/или <i>формы</i>	Количество употребле- лений лексемы в значении <i>цветка</i>	Количество употребле- лений лексемы в значении <i>формы</i>	Общее количество употреблений лексемы (НКРЯ)	Порядковый номер по частотности всех контекстов (НКРЯ)
8	С.Н. Сергеев-Ценский (1902–1942)	13%	4	1	38	10
9	М.Ю. Лермонтов (1830–1841)	13%	2	–	16	50
10	Дина Рубина (1980–2015)	13%	2	–	15	59
11	А.П. Чехов (1880–1904)	9%	1	–	11	104
12	А.А. Фет (1885–1889)	6%	–	1	16	55
13	В.Г. Короленко (1882–1901)	5%	2	–	42	8
14	Л.Н. Толстой (1853–1899)	4%	2	–	52	2
15	А.И. Эртель (1883–1889)	2%	1	–	43	6
16	Н.А. Лейкин (1863–1908)	2%	1	–	42	7
17	Ф.М. Достоевский (1846–1880)	1%	1	–	86	1
18	Л.А. Чарская (1907–1915)	–	–	–	48	3
19	М.Е. Салтыков- Щедрин (1847–1889)	–	–	–	40	9
20	И.С. Тургенев (1846–1883)	–	–	–	28	22
21	Б.Ш. Окуджава (1960–1993)	–	–	–	13	76
22	А.С. Пушкин (1829–1836)	–	–	–	10	124
	Всего	10%	56	10	664	–

Интересно, что и среди десяти авторов, наиболее часто использующих лексему во всех значениях (см. табл. 2), по данным табл. 3, сформировалась группа писателей, или крайне редко употребляющих лексему в значении цветка/формы (например, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), или же не употребляющих вовсе, т. е. имеющих исключительно «звуковые» контексты (Л.А. Чарская, М.Е. Салтыков-Щедрин и др.).

У некоторых авторов, добавленных по произвольному принципу в табл. 3, процент употребления именно «цветочно-зрительных» значений оказался значительно выше, чем у тех, кто входит в десятку первых имен по частотности употребления лексемы во всех значениях. Среди них В.В. Набоков и К.Г. Паустовский. А вот у И.С. Тургенева, вопреки ожиданиям, не обнаружилось ни одного «цветочно-зрительного» контекста, как и у Б.Ш. Окуджавы и А.С. Пушкина.

Таким образом, частотность употребления того или иного значения слова не пропорциональна частотности употребления лексемы в целом. Авторы, стоящие первыми в списке по частотности использования лексемы (табл. 2), могли ни разу не упомянуть в своих текстах *колокольчики*-цветы. В текстах пяти авторов выявлены случаи использования исключительно «предметно-звуковых» значений лексемы, в то время как авторов, использующих лексему только в значении цветка и/или формы, в данном списке нет. Частота «предметно-звуковых» значений, как правило, значительно превышает частотность значений «цветочно-зрительных», но встречаются и исключения – см. В.В. Набокова.

Среди проанализированных 664 примеров из основного корпуса НКРЯ выявлено, что 66 «цветочно-зрительных» составляют 10% от общего количества, 592 «предметно-звуковых» составляют 89%, оставшиеся 6 фрагментов иного типа – 1%. К последним относятся примеры, связанные с названием текстов (А. Белый, М.Е. Салтыков-Щедрин, Б.Ш. Окуджава), денежных купюр (С.Н. Сергеев-Ценский) и некоторые другие.

Для полного диахронического анализа исследуемого материала представляется необходимым создать отдельные классификации текстов по тематике и времени описываемых событий. Так, у Б.Ш. Окуджавы все примеры исключительно «звуковые», однако и время сюжета в большей части примеров – XIX в. (жанр исторической прозы). Если же абстрагироваться от времени описываемых событий, то становится очевидным существенный рост частотности именно «цветочно-зрительных» значений у авторов XX в. (к которым условно прибавлены 2 примера Дины Рубиной XXI в.). Причем этот рост происходит на фоне уменьшения общего коли-

чества «предметно-звуковых» контекстов. Процентное изменение количественного соотношения выглядит следующим образом:

- в XIX в. всего 400 примеров употребления лексемы *колокольчик*, из них «цветочно-зрительных» только 13, т. е. чуть больше 3%;
- в XX в. всего 264 примера, но из них «цветочно-зрительных» 53, т. е. уже 17%.

Заключение

Историю развития и систему значений лексемы *колокольчик* можно описать следующим образом. Слово-звукоподражание возникает в русском языке вместе с предметом, способным издавать этот звук, и оказывается производящим для слова с уменьшительным суффиксом. Помимо исконно-предметного значения «маленький колокол, способный издавать характерные для благовеста звуки» лексема *колокольчик* развивает ряд контекстных, в том числе метонимических «предметно-звуковых» значений:

- 1) звука (характерного для маленького колокола);
- 2) предмета, способного отвечать требованиям оркестрового музыкального инструмента;
- 3) предмета, к которому предъявляются требования в первую очередь наличия звука в принципе, способности проинформировать, подать сигнал о чем-либо, в том числе громкий;
- 4) предмета-игрушки, в частности елочной, который может практически терять способность передавать звуки, сохраняя схожесть внешнего вида.

Со временем у лексемы *колокольчик* появляется и переносное метафорическое значение «тип цветка», поскольку данный вид сравнительно распространенного растения имеет соцветие, по форме напоминающее колокол. Эта метафора стала единственным названием порядка 850–900 видов семейства колокольчиковых, или *campanulaceae* (лат.) (Камелин 2023). Образность в данном значении лексемы зрительная. Однако для сказочных цветов-колокольчиков (и очень редко в других текстах – например, у Н.В. Гоголя и А. Белого) не исключена и способность звенеть. Со временем происходит развитие ряда метафорических контекстных значений, названных в данной статье «цветочно-зрительными». Они содержат образ формы соцветия и всего, что на него похоже.

Очевидно, что наименование цветка вторично по отношению к исконному значению колокола. Однако на настоящий момент, по данным индивидуального опроса, проанализированных ассоциаций, а также энциклопедических словарей, именно это значение слова приходит первым на ум большинству носителей русского

языка. Такой результат можно объяснить исходя из истории развития лексемы: 1) *колокольчик*-артефакт был изначально вторичен по отношению к «основной» лексеме *колокол*; 2) *колокольчик*-артефакт используется сегодня все реже, поскольку выходит из нашего обихода ряд обозначаемых словом предметов; 3) *колокольчик*-артефакт отодвигается на периферию общеупотребительной лексики, чаще встречается в современном узусе в качестве обозначения игрушек (в работе были проанализированы елочные игрушки, также возможны детские и сувенирные) и потому психологически не воспринимается уже основным (частотным) значением слова. В то же время *колокольчик*-цветок является единственным (бессуффиксальной лексемы нет) обозначением такого цветка в русском языке во всем многообразии его видов.

Несмотря на желание собрать доказательства перехода переносного значения *колокольчика* в основное мы их не находим: предложенная НКРЯ статистика показывает значительно бóльшую частотность употребления исконного значения. Таким образом, общая частотность употреблений у *колокольчика*-цветка интенсивно увеличивается, но до сих пор не превышает общего количества употреблений исторически исходного значения. Однако если обратить внимание на частотность «предметно-звуковых» значений лексемы относительно «цветочно-зрительных», то окажется, что у авторов русской литературы XIX в. была пропорция с соотношением 30/1, у авторов художественной литературы XX в. (плюс 2 примера из XXI в.) – 5/1, а в сплошной выборке примеров, предложенной НКРЯ за период рубежа XX–XXI вв. (1967–2008 гг.), – почти 2/1.

Таблица 4

Абсолютное и относительное количественное соотношение примеров употребления лексемы *колокольчик*

Период	Соотношение «предметно-звуковых» / «цветочно-зрительных» употреблений		Процент «цветочно-зрительных» употреблений
	Общее количество примеров	Пропорция	
XIX в. (художественные тексты)	400/13	30/1	3%
XX в. (художественные тексты)	264/53	5/1	17%
Рубеж XX–XXI вв. (1967–2008 гг., сплошная выборка)	31/13	2,3/1	30%

Таким образом, важно отметить, что темпы роста относительной частотности употребления намного выше темпов роста частотности абсолютной. А иерархические статусы исконного и переносного значений меняются местами, и этот процесс в наше время приближается к переломному моменту.

Источники

- Брокгауз, Ефрон 1900 – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 30. СПб.: Акционерное издат. об-во «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1900. 480 с.
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.: ООО «Словарное издательство “Электронные и традиционные словари”», 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bse/2005830.html> (дата обращения: 12.12.2023).
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. М.: ООО «Словарное издательство “Электронные и традиционные словари”», 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy/2092467.html> (дата обращения: 12.12.2023).
- Видеоролик – Видеоролик «Идеальный колокольчик для рыбалки». URL: <https://youtu.be/CTF0-yTe5ng> (дата обращения: 09.02.2024).
- Камелин 2023 – *Камелин П.В.* Колокольчиковые // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 08.06.2023. URL: <https://bigenc.ru/c/kolokol-chikovyue-88790a/?v=7507612> (дата обращения: 09.02.2024).
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2: К–О. 736 с.
- НКРЯ – Колокольчик // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/s/b4400> (дата обращения: 09.02.2024).
- Ожегов, Шведова – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 12.12.2023).
- РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1: От стимула к реакции; Т. 2: От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 12.12.2023).
- САРЯ – Словарь ассоциаций русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/as> (дата обращения: 12.12.2023).
- СЭС – Современный энциклопедический словарь. 2012. URL: <https://slovar.cc/enc/sovremenniy/1840477.html> (дата обращения: 12.12.2023).
- Фасмер 2004 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд., стереотип. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Астрель, 2004. 2960 с.
- Шанский – *Шанский Н.М.* Этимологический онлайн-словарь. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 12.12.2023).
- Яндекс.Картинки – Поискковая система «Яндекс». URL: <https://www.yandex.ru/> (дата обращения: 31.07.2023).

Литература

- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 540 с.
- Семенова 2004 – Семенова С.Ю. О коннотациях красоты у наименований наблюдаемых объектов // Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 573–584.
- Стародубцев 2001 – Стародубцев О.В. Из истории церковных колоколов // Сретенский монастырь. 2001. URL: <https://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/kolokola.htm> страницы такой нет (дата обращения: 12.12.2023).

References

- Semenova, S.Yu. (2004), “On the connotations of beauty in the names of observed objects”, in Arutyunova, N.D., ed., *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki estetiki: Kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness], Indrik, Moscow, Russia, pp. 573–584.
- Starodubtsev, O.V. (2001), “From the history of church bells”, in *Sretenskii monastyr'* [Sretenskij monastyr'], available at: <https://www.pravoslavie.ru/sretmon/uchil/kolokola.htm> (Accessed 12 Dec. 2023).
- Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. and Sidorova, M.Yu. (2004), *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language], Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья Ю. Муравьева, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Natalia.yur.2012@gmail.com

Information about the author

Natalia Yu. Muravyova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Natalia.yur.2012@gmail.com

Сферы лингвистических исследований: история и современный взгляд

УДК 81(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-108-134

Н. Хомский и советское языкознание
1970–1980-х гг.

Яков Г. Тестелец

*Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, testelets@gmail.com*

Аннотация. В работе рассматривается восприятие философии языка и теоретических моделей, предложенных Н. Хомским, наиболее влиятельным лингвистом второй половины XX и начала XXI вв., в советской лингвистике 1970–1980-х гг. Авторы, которые в 1960-е гг. были увлечены трансформационной моделью Хомского и использовали формальные методы исследования языка, – формалисты к этому времени утратили интерес к его работам, так как порождающая семантика Дж. Лакоффа, Дж. Мак-Коли и их сторонников, а затем построенная на сходных предпосылках модель И.А. Мельчука «Смысл ↔ Текст» представлялась им более перспективной.

Развитие генеративной грамматики от теории правил к теории ограничений и победа лексикализма над порождающей семантикой в 1970-е гг. прошли мимо внимания исследователей в СССР. Группа лингвистов, пытавшихся найти опору в официальной идеологии, – «ортодоксы» – развернула ожесточенную кампанию против Хомского; несмотря на то, что эта критика в определенной мере представляла научный интерес, она не вызвала содержательной дискуссии и закончилась неудачей.

Ключевые слова: лингвистическая теория, философия языка, генеративизм, формализм, идеология, история лингвистики, лингвистика в СССР

Для цитирования: Тестелец Я.Г. Н. Хомский и советское языкознание 1970–1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 108–134. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-108-134

© Тестелец Я.Г., 2025

Noam Chomsky and the Soviet linguistics in the 1970s – 1980s

Yakov G. Testelets

*The Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
testelets@gmail.com*

Abstract. The author outlines the reception of Noam Chomsky's philosophy of language and his theoretical linguistic models, in Soviet linguistics of the 1970s–1980s. Authors who in the 1960s were fascinated by Chomsky's transformational model and used formal methods of studying language (the 'formalists') by that time lost interest in his works, because the generative semantics project led by George Lakoff, James McCawley and others, and later Igor Mel'čuk's "Meaning \leftrightarrow Text" built on similar assumptions, seemed to them more promising. The development of generative grammar from rule theory to constraint theory and the triumph of lexicalism over generative semantics in the 1970s went unnoticed by researchers in the USSR. The "orthodox" group of Soviet linguists who tried to find support in the official ideology, launched a fierce campaign against Chomsky which in spite of some theoretical interest, raised no contentful discussion and ended in failure.

Keywords: linguistic theory, philosophy of language, generative linguistics, formalism, ideology, history of linguistics, linguistics in the USSR

For citation: Testelets, Ya.G. (2025), "Noam Chomsky and the Soviet linguistics in the 1970s – 1980s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 12, pp. 108–134, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-108-134

Предмет нашей статьи – обсуждение идей Н. Хомского и основанного им научного направления – генеративной лингвистики, или генеративизма, в советской лингвистике последних десятилетий ее истории; термин «трансформационная» применительно к генеративной грамматике, переставший употребляться в англоязычной литературе после радикального уменьшения роли трансформационного компонента в 1970-е гг., использовался в СССР и в рассматриваемый период.

Ноам Хомский (Чомски) – самый влиятельный лингвист второй половины XX и начала XXI в., деятельность которого привела к революционным изменениям в науке о языке. В исследованиях грамматики и других компонентов языка реализовался эвристи-

ческий потенциал предложенных им теоретических моделей, беспрецедентно расширивших область известных фактов. Сам Хомский и его последователи видят главный результат генеративного теоретического проекта в том, что им удалось приблизиться к пониманию абстрактной структуры, лежащей в основе любого человеческого языка – структуры, которая может быть описана с помощью простой математической модели. Амбициозная попытка свести все многообразие конструкций в языках мира к небольшому числу универсальных принципов – наподобие того, как в физике мнимо бесконечное разнообразие природных явлений удалось объяснить с помощью небольшого числа законов – позволила увидеть сходства между явлениями одного и того же или разных языков, которые нельзя было обнаружить, используя традиционную или структуралистскую технику анализа. В то же время теория Хомского столкнулась с немалыми трудностями, и у нее по-прежнему много достаточно влиятельных противников – например представителей эмпирически ориентированной типологии и когнитивной лингвистики [Evans, Levinson 2009; Haspelmath 2021].

Кроме своей роли в языкознании, Хомский известен как один из наиболее заметных общественных деятелей современного мира, критик западной социально-политической системы и политики США, близкий по убеждениям к анархо-синдикализму. Политический радикализм Хомского несколько раз навлек на него обвинения в поддержке бесчеловечных режимов, идеологий и преступных групп, и один из таких сюжетов будет упомянут ниже в связи с событиями в советской лингвистике.

Выступление Хомского в конце 1950-х гг. встретило в СССР в целом заинтересованный отклик со стороны лингвистов разных направлений. Его попытка разработки теории по образцу естественных наук воспринималась как новый и более успешный сравнительно со структурализмом способ описания языка, хотя теоретические цели Хомского восприняты не были [Падучева 1959 (2009); Апресян 1966]; близки к раннему генеративизму были работы К.И. Бабицкого [Бабицкий 1965]. Характерно, что трансформационная грамматика рассматривалась в разделе книги Ю.Д. Апресяна, который назывался «Модели речевой деятельности», то есть подразумевалось, что ее целью является моделирование поведения говорящего, а не знания языка, как в действительности у Хомского. Основные работы Хомского 1950–1960-х гг. вскоре были изданы в русском переводе [Хомский 1962 (1957); Хомский 1965 (1962); Хомский 1972a (1965); Хомский 1972б (1968)] и довольно активно обсуждались.

В 1970-е гг. ситуация изменилась. Последним проявлением положительного интереса к генеративной грамматике и к генера-

тивной семантике, которая тогда считалась ее ответвлением, была московская конференция в декабре 1972 г. «Глубинные и поверхностные структуры в языке», проведенная совместно МГПИИЯ и Институтом языкознания АН СССР, в которой приняли участие в том числе многие известные языковеды, далекие от формального моделирования. Но уже к тому времени приверженцы точных описательных методов, увлеченные новыми перспективами, которые открывала модель «Смысл ↔ Текст» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского и Ю.Д. Апресяна, особенно в области семантики и словаря, надолго потеряли интерес к его «устаревшей модели». Критичным было и отношение В.А. Звегинцева [Звегинцев 1973; Звегинцев 1976], который, несмотря на это, считался его главным сторонником в СССР. Однако для группы «лингвистических ортодоксов» (термин В.А. Звегинцева [Звегинцев 1990, с. 23]), занимавших тогда руководящее положение в советской лингвистике, Хомский стал неприемлем, и ему была объявлена война.

Сразу отметим, что, в отличие от США и Европы, в СССР с Хомским, насколько нам известно, никто не пытался спорить с позиций структурализма. Ю.К. Лекомцев [Лекомцев 1983], С.К. Шаумян [Шаумян 1971] и И.И. Ревзин продолжали относить себя к структурной лингвистике, но с Хомским в полемику не вступали. Как писал Ревзин, «порождающие грамматики, несомненно, подняли грамматическое мышление на новую более высокую ступень» [Ревзин 1977, с. 70], но возможности классификационного подхода, усиленные новыми математическими методами, по его мнению, были далеко не исчерпаны.

И.А. Мельчук, Ю.Д. Апресян и их последователи в 1970-е гг. уже избегали самоназвания «структурная лингвистика», видимо, осознав масштаб различий между собой и пражским структурализмом с его верой в объяснительные возможности оппозиций или тем более американской дескриптивной лингвистикой или «глоссематикой» Л. Ельмслева, к тому времени сошедшими со сцены. По той же причине не очень удобен и предложенный С.А. Крыловым [Крылов 1997; Крылов 2004] для обозначения советского лингвистического направления, ставящего задачей формальное моделирование языка, термин «неоструктурализм».

Деятельность Хомского рассматривалась как пройденный этап, до появления новых эффективных методов работы с семантикой и словарем, а генеративная семантика – как ее естественное, хотя и недостаточно решительное развитие: например, использование структур составляющих у Дж. Лакоффа, Дж. МакКоли, Дж.Р. Росса и других представителей генеративной семантики рассматривалось как досадный рудимент модели Хомского. О Хомском в обеих фун-

даментальных монографиях лидеров этого направления, опубликованных в 1974 г., говорилось немного. И.А. Мельчук полагал, что успех Хомского «расчистил территорию для построения интересующих нас моделей» [Мельчук 1974, с. 15]. Ю.Д. Апресян писал, что «сделать правильные выводы из нового понимания отношений между грамматикой и лексикой удалось не сразу», – имея в виду закономерный, по его мнению, переход от ранних версий трансформационной грамматики к порождающей семантике [Апресян 1974 (1995), с. 18].

Сторонники формальных методов в лингвистике, за исключением В.А. Звегинцева и отчасти С.К. Шаумяна [Шаумян 1971], читали только собственно лингвистические разделы работ Хомского, рассматривали его философию языка как чудачество и не видели ее связи с лингвистическими идеями. Они отстранялись от любой философии – не только от марксистско-ленинской, но и, например, от близкого к ним раннего Л. Витгенштейна. Ортодоксы и В.А. Звегинцев, наоборот, интересовались только методологическими и философскими воззрениями Хомского – тут показателен, например, интерес и Звегинцева [Звегинцев 1971], и марксиста-ортодокса В.З. Панфилова [Панфилов 1979] к работе Э. Леннеберга [Lenneberg 1967], исследователя биологических основ языковой способности, оказавшего большое влияние на Хомского [Хомский, Бервик 2019 (2016); Di Sciullo, Voeckx 2011]. К такой проблематике И.А. Мельчук и его последователи не проявляли интереса. Иногда это приводило к недоразумениям – например Мельчук понял философский «аргумент от бедности стимула» (argument from poverty of the stimulus¹) Хомского в том смысле, что тот планирует, наряду с моделью описания языка, предложить еще модель онтогенеза – и отклонял такую постановку задачи как преждевременную и непосильную [Мельчук 1974, с. 8].

Общее направление, в котором развивался генеративизм, – упрощение модели языка, редукция сложного формата правил к максимально простому и переход от «грамматики правил» к «грамматике ограничений» в 1970-е гг. – не было воспринято советскими лингвистами. Даже работа, положившая начало этому переходу – «Ограничения на переменные в синтаксисе» Дж.Р. Росса [Ross 1967 (1986)], в которой на материале нескольких языков, в том числе русского, была показана роль ограничений, прошла незамеченной – если не считать терминологического

¹ *Cowie F.* “Innateness and language”, in *Stanford encyclopedia of philosophy*. 2008. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/innateness-language> (дата обращения 15.09.2025).

словаря В.З. Демьянкова². Отсутствие интереса, наряду с нерегулярным поступлением научной информации в СССР³, привело в данном случае к «изобретению велосипеда». В статье [Зализняк, Падучева 1979 (2009)] на материале русских относительных предложений были вновь открыты островные ограничения (island constraints) Росса, находившиеся в то время в центре обсуждения в генеративной лингвистике. Россу для получения того же результата потребовался более разнообразный материал.

Не была вовремя (до 1980-х гг.) замечена и победа лексикализма над генеративной семантикой в начале 1970-х – не замечена, потому что ее никто не ждал; ожидалось, наоборот, поражение лексикалистов с их странной идеей автономности синтаксического компонента, см. ее критику в [Апресян 2002]. Статья Хомского «Заметки о номинализации» [Chomsky 1970] и последующая за ней критика генеративной семантики лексикалистами прошли незамеченными. Автор оригинальной версии генеративной семантики Е.В. Падучева, у которой был текст «Заметок о номинализации» [Падучева 1974, с. 17], не реагировала на критические доводы лексикалистов. Как и предлагалось в генеративной семантике, Падучева использовала «синтаксически минимальный» язык глубинной структуры, совпадающий с семантическим представлением или близкий к нему [Падучева 1974, с. 194]; анафорические местоимения вводились с помощью трансформаций. Однако впоследствии Е.В. Падучева независимо от лексикалистов [Wasow 1979] нашла аргументы против трансформационной трактовки анафоры [Падучева 1983 (2009)].

Лексикализм не упоминается и в работах Ю.С. Мартемьянова, автора еще одной версии генеративной семантики – в его статье 1976 г. сказано, что «с порождающей семантикой начался новый,

² Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста: Порождающая грамматика / сост. В.З. Демьянков. М.: Всесоюзный центр переводов научно-технической литературы и документации, 1979. (Тетради новых терминов; № 23)

³ Ф.М. Березин утверждал, что «основные библиотеки Советского Союза получают все зарубежные лингвистические журналы» [Березин 1977, с. 5]. Даже если принять, что в этой цитате кванторное местоимение «все» имеет широкую сферу действия – то есть что комплект каждого авторитетного лингвистического журнала содержался в какой-либо из крупных библиотек Москвы – не в той, так в другой, она будет далека от истины. Продукция издательств, выпускающих литературу по генеративной лингвистике, – Kluwer, Foris, Reidel и MIT Press, в библиотеки СССР не поступала вообще.

наиболее интересный этап в развитии идей порождающей грамматики» [Мартемьянов 2004, с. 683]. О том, что модели типа его «валентно-юнктивно-эмфазной» грамматики [Martem'janov 1973] вообще подвергались критике, Мартемьянов, по-видимому, так и не узнал.

Наконец, в работах советских лингвистов не удастся найти ссылки на «трилогию» Хомского 1970-х гг., которая вместе с «Заметками о номинализации» закрепила победу лексикализма [Chomsky 1973; Chomsky 1977; Chomsky 1980]. А.Е. Кибрик выразил общее умонастроение, когда с некоторым удивлением отметил в 1982 г., что «борьба Хомского и с Хомским не окончена» [Кибрик 1982, с. 7].

Мнение о работах Хомского, господствующее среди советских лингвистов, близких тогда по взглядам к И.А. Мельчуку, наиболее четко сформулировали С.В. Кодзасов и О.Ф. Кривнова: «Уже сам подход к изучению языка с позиции кибернетического моделирования дает исследователю известные преимущества, заставляя его увидеть многие проблемы, которые остаются незамеченными при применении более традиционных методов. Однако этот подход отнюдь не гарантирует успеха: логическая строгость может переродиться в пустой формализм при отсутствии глубокого понимания эмпирической природы исследуемого объекта» [Кодзасов, Кривнова 1981, с. 77].

И далее: «Естественно предположить, что грамматика носителя языка ориентирована на его функциональные потребности: на потребности в выражении смысла и в его извлечении из речи собеседника. Такая грамматика должна иметь вид преобразователя “смысл ↔ звучание”, а не вид генератора произвольных фраз» [Кодзасов, Кривнова 1981, с. 78].

Таким образом, грамматика ориентирована на ту функцию языка, которая наиболее доступна наблюдению и поэтому признается основной – коммуникативную. Отсюда делался вывод о том, что структура знания языка должна соответствовать этой функции – в том же смысле, в каком строение, например, человеческой руки определяется ее функциями. Этот ход рассуждений представлялся для круга лингвистов, близких к модели «Смысл ↔ Текст», очевидным. Поэтому можно было ожидать, что кто-то из них вскоре перейдет на позиции функционализма – что и произошло.

В 1983 г. (в виде доклада в 1982 г.) появляется один из первых в мировой лингвистике манифестов нового функционализма – «Лингвистические постулаты» А.Е. Кибрика [Кибрик 1983]; анализ этого текста и объяснение его места в истории языкознания см. в [Алпатов 2013]. Бывший до того приверженцем модели

«Смысл \Leftrightarrow Текст», правда, с преимущественным интересом к грамматике и типологии, а не к семантике и словарю, находившимся тогда в центре внимания сторонников Мельчука и Апресяна, А.Е. Кибрик решительно порывал с идеологией формального моделирования. Критика не названного по имени эмигрировавшего Мельчука по умолчанию распространялась и на модель Хомского, которой в то время А.Е. Кибрик приписывал неприемлемый для него недостаток модели Мельчука, т. е. тенденцию к «экспоненциальному усложнению». О том, что генеративизм на самом деле движется в противоположном направлении, А.Е. Кибрик узнал не скоро.

А.Е. Кибрик не публиковал критики Хомского и его последователей, но не скрывал своего отношения в личных беседах. Как и советские формалисты, из круга которых он вышел, А.Е. Кибрик долго не считал новые версии генеративизма чем-то серьезным, но с началом регулярных международных контактов в 1990-е гг. убедился в том, что это направление доминирует, и вынес из общения с генеративистами самое неблагоприятное впечатление. Как и западным функционалистами, Кибрику пришлось обнаружить, что сторонники генеративной лингвистики, за малым исключением, не воспринимают идей, не базирующихся на структуре составляющих, ибо для них это такая же реальность, как для химиков атомная структура молекул.

Особое раздражение А.Е. Кибрика вызывало то, что Хомский приписывает объяснительную силу параметрам самой модели – например, абстрактному формату правил или последовательно бинарной структуре составляющих, усматривая в них фундаментальные свойства, базирующиеся на генетических предпосылках языковой способности. А.Е. Кибрик считал, что такая теоретическая модель «объясняет» только саму себя; по его представлениям, *explanans* и *explanandum* в лингвистике должны быть разведены, и объясняющие устройство языка факторы могут быть только внеязыковыми.

Ортодоксы – противники Хомского и вообще формальной лингвистики – Ф.П. Филин, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов, В.З. Панфилов, Ф.М. Березин и их последователи группировались вокруг журнала «Вопросы языкознания». В течение 1971–1982 гг., когда журналом руководил Ф.П. Филин, в нем было опубликовано не менее двадцати оригинальных и переводных статей и рецензий, резко критических по отношению к Хомскому и его теории [Олдер, Сэйлз, Гаррингтон 1971; Будагов 1971; Будагов 1979; Либерман 1972; Будагов 1974а; Будагов 1974б; Будагов 1979; Ахманова, Минаева 1979; Курманбаев 1975; Андреев 1976; Пазухин 1976; Солнцев 1976;

Кривоносов 1977; Холл 1978; Небиеридзе 1978; Панфилов 1979; Филин 1978; Филин 1981; Ахметова 1981; Будагов 1981; Панфилов 1982; Будагов 1982].

Для научной периодики такая заикленность на одном противнике – исключительное явление.

В посмертно изданной статье В.А. Звегинцев не преувеличивал, когда писал «Имя этого последнего [Хомского. – Я. Т.] и ныне не рекомендуется помянуть на ночь. Усилиями лингвистических ортодоксов Н. Хомский превратился в почти мистическую зловещую фигуру, в которой сосредоточивается вся буржуазная скверна» [Звегинцев 1990, с. 23].

Группа ортодоксов состояла из непримиримых противников восходящей к Ф. де Соссюру идеи автономности языка, пытавшихся найти опору в официальной советской идеологии. Термин «неомарризм», который употребил Б.А. Серебrenников [Серебrenников 1983], верен в том смысле, что эта группа пыталась восстановить определенную преемственность с эпохой господства «нового учения о языке» Н.Я. Марра, против которого в свое время, как напомнил В.А. Звегинцев [Звегинцев 1990], выступали и некоторые ее участники. Но все же ортодоксы не восстанавливали марризм, хотя бы в какой-то более респектабельной версии типа стадильной типологии И.И. Мещанинова, задуманной как аналог марксистской теории формаций. Единственный лингвист, стремившийся на новой основе реализовать замысел Мещанинова, – Г.А. Климов [Климов 1981] – от этой группы дистанцировался.

Позитивной программы, которая бы увеличивала объем достоверного знания и могла бы увлечь начинающих лингвистов, ортодоксы выдвинуть не смогли, и провозглашаемые ими основные положения и задачи советского теоретического языкознания формулировались нечетко или подменялись риторикой [Филин 1970; Будагов 1974а]. Лучшее, что они могли предложить, – продолжать фонетические, грамматические, лексикографические и т. д. исследования в традиционной форме с некоторыми усовершенствованиями, игнорируя «новомодные» веяния. Подчеркивалась связь фонетики, грамматики и лексики с общественными явлениями в тех случаях, когда эта связь никем не оспаривается, но оставалось неясным, в чем особые преимущества именно марксистского подхода. В.А. Звегинцев [Звегинцев 1973] и за ним В.М. Алпатов [Алпатов 2002] относят взгляды этой группы к младограмматизму – вероятно, исходя из того, что, отвергая структурализм, они остались на предыдущем историческом этапе развития науки. На наш взгляд, неоправданно «обвинять» в младограмматизме авторов, не внесших (если не считать деклараций) вклада в сравнительно-истори-

ческое языкознание и не предложивших – в отличие, например, от структуралиста Л. Блумфилда – ни одной реконструкции.

Критика Хомского с позиций советских ортодоксов велась по нескольким направлениям.

Наиболее серьезными были два утверждения: во-первых, что Хомский отрывает язык от определяющих его функционирование интересубъективных факторов – коммуникации, общества, культуры и т. д., например, в [Андреев 1977; Панфилов 1979], и, во-вторых, что его модель применима только к наиболее регулярно организованной части грамматики, а за ее пределами терпит неудачу – например, в [Солнцев 1976]. Обсуждать здесь эти аргументы невозможно, так как им посвящен необозримый объем литературы на многих языках (представительный обзор см. в [Antony, Hornstein 2003]). Спор между сторонниками и противниками автономности языка (и лингвистики) продолжается со времен публикации «Курса» де Соссюра в 1916 г., и нет признаков, что он будет завершен в обозримом будущем. Об основных этапах этого спора в XX в., см. в учебнике В.М. Алпатов⁴; о конфликте формалистов и функционалистов в лингвистике США см. [Кибрик и др. 2002]. Советские критики Хомского не внесли в этот спор ничего принципиально нового.

Далее, утверждалось, что Хомский понимает врожденный компонент знания языка идеалистически. «Признать “врожденные идеи” абстрактными мыслительными категориями, воплощающимися в глубинных структурах, не имеющими первоначально языкового выражения, – значит открыто перейти в лагерь идеализма, что Хомский и делает»⁵.

На самом деле Хомский считает, что врожденный компонент интеллектуальных способностей раскрывается в результате эпигенетического процесса – запускаемого с участием генов роста организма, который определяется как внутренними факторами, изучаемыми в биологии, в том числе в молекулярной, так и внешними. Этот взгляд, по-видимому, не противоречит материализму. Хомский пишет, что онтологизация его методологической установки – исследовать ментальные явления методами естественных наук – приводит к философскому материализму и что хотя он сам этого шага не делает, он кажется ему естественным [Chomsky 2003, p. 268].

⁴ Алпатов В.М. История лингвистических учений. 5-е изд., переработ. и доп. М.: Юрайт, 2019.

⁵ Березин Ф.М. История лингвистических учений. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1984. С. 251.

Критики указывали, что Хомский не ссылается на классиков марксизма. «Все авторы, на которых ссылается Н. Хомский, известны как философы-идеалисты» [Курманбаев 1975, с. 23]; «Ни малейших признаков хотя бы поверхностного знакомства с ленинской теорией отражения в его трудах обнаружить невозможно» [Жлуктенко 1981, с. 45].

Обвинение справедливо. Хомский знает Маркса и Ленина, но не пошел за ними – ни в лингвистике, ни в общественно-политической деятельности. Его отношение к Ленину и Троцкому всегда было отрицательным, а к Марксу – неоднозначным, и он явно не считает, что у Маркса и Ленина надо искать ключ к решению проблем философии языка.

Биологическая природа языка опровергалась ссылкой на судьбу детей-«маугли». Этот довод всерьез был выдвинут В.З. Панфиловым и Н.Д. Андреевым: «Одним из сильнейших аргументов против картезианской лингвистики является тот многократно подтвержденный факт, что младенцы, потерянные в джунглях и через несколько лет найденные живыми, не только не вырабатывают языка сами, но и практически не в состоянии овладеть речью своих спасителей» [Андреев 1977, с. 276]. Соображение, что фенотип не может нормально сформироваться без благоприятных условий внешней среды, не пришло им в голову.

Настойчиво повторялась мысль, что часть советских лингвистов (по имени назывался только В.А. Звегинцев)⁶ продолжает всерьез воспринимать теорию, которая давно опровергнута и всеми оставлена даже в США – в статье О.С. Ахмановой и Л.В. Минаевой фраза «давно прошедший этап в истории американской лингвистики» была целиком выделена разрядкой [Ахманова, Минаева 1979, с. 26]. То же у Ф.П. Филина: «И на западе интерес к всеобъемлющим “специальным теориям” типа генеративной грамматики в настоящее время резко упал» [Филин 1978, с. 23]. В другой статье Филин, ссылаясь на составленный О.С. Ахмановой и Ф.М. Березиным, руководителем лингвистического отдела ИНИОНа, сборник рефератов зарубежных противников генеративизма [Ахманова,

⁶ Для обозначения оппонентов использовались громоздкие эвфемизмы: «некоторые советские языковеды, в той или иной степени пораженные теоретической “всеядностью” или пассивностью» [Филин 1981, с. 5]; «находятся люди и, что самое печальное, даже в странах, где господствующим философским учением является марксизм-ленинизм, продолжающие серьезно говорить о “генеративной лингвистике” как о “современном языкознании” и с удивительным упорством продолжающие отвлекать молодых ученых от занятия языками» [Ахманова 1976, с. 137] и т. п.

Березин 1980], которые, по его мнению, «камня на камне не оставляют от этой грамматики, показывая ее полную научную несостоятельность и вредность для общества (sic – Я. Т.) [Филин 1981, с. 5]», удивлялся тому, что кто-то из идейно незрелых советских лингвистов продолжает воспринимать ее всерьез⁷. По-видимому, Филин был убежден, что преподнесенный ему сборник рефератов, критических статей и книг, отобранных по принципу «всё, что против Хомского», имеет силу окончательного вердикта, ставящего точку в дискуссии. Если в 1920–1940-е гг. Филин и его товарищи уверовали в гениальность Н.Я. Марра и его «нового учения» и в поддержку его советским руководством и самим Сталиным [Алпатов 2004], то в 1970-е ставка – с тем же успехом – была сделана на то, что Хомский шарлатан, теории которого рассыпаются от первого прикосновения профессиональной критики.

Некоторые работы, содержание которых было пересказано в реферативном сборнике, представляют исторический интерес как реакция дескриптивистов на генеративную грамматику или отражение полемики вокруг генеративизма во Франции и в Нидерландах; часть критики сохраняет актуальность поныне. Однако и сама роль ИНИОНа и его реферативных журналов, кратко излагавших для советских гуманитариев на русском языке содержание нерегулярно поступающих в СССР в единственном экземпляре книг и журналов, и существование в Москве, помимо библиотеки ИНИОНа, учреждения с названием «Библиотека иностранной литературы», которое вряд ли бы кто-нибудь понял в дореволюционной России, и издание переводов научных статей (не классических монографий и не учебников) в серии «Новое в зарубежной лингвистике» издательства «Прогресс», и невозможность для ортодоксов – сразу по нескольким причинам – вступить в очный спор с неприятелем означало, что советская наука в соревновании с серьезным против-

⁷ Не знавшие о предпрятии Ахмановой и Березина, П. Кольер и Д. Хоровиц в 2004 г. составили и издали *The Anti-Chomsky Reader «Антологию против Хомского»* на 240 страниц [Collier, Horovitz 2004], в основном посвященную политической проблематике, но и с разделом «Испорченная лингвистика», написанным Р. Ливайном и П. Посталом в не менее воинственном тоне. Излишне указывать, что раздел представлял собой оригинальную статью, а не реферат. П. Постал, противник Хомского с конца 1960-х гг., явно не знал и о статьях [Либерман 1972; Небиеридзе 1978], в которых резко критиковалась его монография 1968 г. по генеративной фонологии. (Вскоре эмигрировавшего из СССР фонолога А.С. Либермана не следует путать с известным американским фонологом Ф. Либерманом, публиковавшимся в те же годы.)

ником проигрывает уже на старте. Даже если Филин, Ахманова и Березин понимали это, изменить ситуацию они не могли.

В.М. Алпатов с удивлением отмечает, перечисляя лингвистов, подвергшихся атаке Филина во время идеологической кампании 1948 г.: «Филину не откажешь во вкусе: он не задел ни одного малозначительного ученого» [Алпатов 2004, с. 148]. Возможно, у Филина, не обладавшего научной квалификацией в общелингвистических вопросах, все же была некая темная интуиция, позволявшая безошибочно решать задачу, с которой не всегда справляются выдающиеся ученые, – отличать лингвистику высокого уровня от посредственной, и тем же «талантом» в какой-то степени обладали его коллеги.

Для полноты картины стоит добавить еще один пункт, который в полемике не затрагивался. В своей последней монографии, посвященной происхождению языка [Хомский, Бервик 2019 (2016)], Хомский отвергает градуальную эволюцию человеческих когнитивных способностей по Ч. Дарвину, высказанную в его книге «Происхождение человека» 1871 г., точнее, признает постепенное развитие только тех компонентов языка, которые обеспечивают «экстернализацию» – связь мыслительных, в том числе языковых, структур с «внешним» миром. Он считает, что к формированию главного компонента языка – «вычислительной системы» с единственной простой операцией Merge («соединение») привел единственный эволюционный сдвиг («одна мутация»). Вычислительная система, сыграв роль «когнитивного клея» (cognitive glue), обеспечила предкам человека новый уровень взаимодействия различных когнитивных способностей. Это взаимодействие, в свою очередь, привело одну из ветвей приматов к быстрому прогрессу интеллекта и беспрецедентному эволюционному успеху.

Хомский высказал это мнение только в XXI в., лишив советских критиков козырной карты. В отличие от второго автора эволюционной теории А.Р. Уоллеса (Дарвин признавал, что Уоллес пришел в основном к тем же выводам независимо от него) с его – неприемлемыми для Дарвина – ссылками на «невидимую вселенную духа», Хомский не объясняет разрыв в когнитивных способностях человека и животных и происхождение культурных универсалий – таких, как искусство, юмор, язык и т. п. действием внеприродной силы. Но вряд ли это обстоятельство удержало бы критиков от вывода, что взгляд Хомского на происхождение языка «льет воду на мельницу идеализма и поповщины».

Отвечать на эту критику – в «Вопросах языкознания» или в другом издании, советском или зарубежном – было некому. Сторонников Хомского в СССР в рассматриваемый нами период

не было, что отмечал и В.А. Звегинцев [Звегинцев 1990, с. 59]. Подставляться под удар, защищая ученого, взгляды которого не разделяешь, желающих не оказалось бы и при более благоприятных обстоятельствах. Сам Хомский, всегда интересовавшийся советской лингвистикой, знал о кампании понаслышке и, возможно, был бы не прочь ответить, но, не владея русским языком, не имел возможности с ней ознакомиться. Генеративисты-слависты, знавшие русский язык, а в то время их было немного – М. Халле, Л. Бэбби, К. Чвани, Р. Брехт, Д. Ворт не реагировали – может быть, опасаясь, что в результате их выступления контакты с советскими коллегами, и без того затрудненные, будут затруднены еще более, а может быть, не видя в такой дискуссии научного смысла.

Хомского, однако, не запретили в СССР даже после истории с Р. Форриссоном 1980 г., и сообщение об этом в нашей публикации 2001 г.⁸ – ошибка, основанная на личном воспоминании. В 1981 г. историк лингвистики Н.А. Слюсарева, читавшая лекцию аспирантам Института языкознания АН СССР, заявила, что советские лингвисты решили не упоминать в положительном контексте «защитника фашистов». На наивные вопросы части аудитории, в чем заключалась «защита фашистов», Н.А. Слюсарева не могла дать вразумительного ответа. Ей пришлось бы затронуть тему, публичное обсуждение которой в СССР допускалось очень дозированно. В 1980 г. Хомский разрешил опубликовать свое письмо в защиту свободы слова в качестве предисловия к книге французского отрицателя нацистского геноцида евреев и в результате последовавшего скандала на тридцать лет потерял возможность посещать Францию.

В самом ли деле по этому поводу было принято некое «решение» и в какой именно инстанции, автору неизвестно, но академически корректные, в том числе критические, упоминания Хомского в советских лингвистических публикациях в 1981–1984 гг. были, в том числе [Кодзасов, Кривнова 1981; Степанов 1981; Кибрик 1982; Касевич 1983], обзор М.М. Пещак [Пещак 1983] и потерявший актуальность на момент публикации, но вполне содержательный обзор И.Ф. Андерша [Андерш 1983] о дискуссии между генеративной и интерпретирующей семантикой; курьезом можно считать то, что там, возможно, в последний раз в печати СССР появился изъятый из употребления с 1950-х гг. термин «буржуазное языкознание» [Андерш 1983, с. 125], ранее у Панфилова [Панфилов 1979, с. 16].

Последним «выстрелом» кампании было, по-видимому, сообщение во втором издании «Истории лингвистических учений»

⁸ *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.

Ф.М. Березина, что «до недавнего времени пользовавшийся репутацией либерала» Хомский «выступил прямым защитником гитлеровских фашистов»⁹, со ссылкой на заметку Ю. Жукова в «Правде» 4 февраля 1981 г. – конечно, без ненужных подробностей. В вышедшем в 1984 г. учебном пособии ученицы Ахмановой О.В. Александровой¹⁰, в отличие от ее предыдущей книги¹¹, не было уже не только идеологических нападок на Хомского, но даже упоминаний его.

В 1982 г. скончался Филин, а его соратникам по борьбе вскоре стало не до Хомского. В «Вопросах языкознания» к 1983 г. сменилась редакционная коллегия, и в том же году была опубликована произведшая тогда эффект взорвавшейся бомбы, а ныне забытая книга академика Б.А. Серебренникова «О материалистическом подходе к явлениям языка».

Как отметил В.М. Алпатов [Алпатов 2002], Серебренников, участник дискуссии 1950 г. на стороне противников марризма, был едва ли не первым советским лингвистом, понявшим принципиальное отличие взглядов Хомского от Соссюра и структуралистов. Однако в книге Хомский не был упомянут ни разу, зато были высмеяны его главные ниспровергатели, которых Серебренников назвал неомарристами. Под «раздачу» попали и деятели, не участвовавшие в кампании: не упоминавший Хомского (вероятно, и не интересовавшийся им) выдающийся иранист и противник структурализма В.И. Абаев и старый недруг Серебренникова глава советской социолингвистики Ю.Д. Дешериев. Серебренников с жестким и всем понятным сарказмом обыграл эмоциональные призывы В.И. Абаева [Абаев 1965 (1995)] и Р.А. Будагова [Будагов 1974в] сохранить «гуманитарный», «человеческий» характер лингвистики и не допустить продвигаемой структуралистами и хомскианцами «дегуманизации», именуя обоих авторов гуманистами [Серебренников 1983, с. 7].

Нельзя сказать, что Филина и других до 1983 г. нельзя было критиковать, но ничего похожего на произведенный Серебренниковым залп из всех орудий по всей группе ортодоксов – кроме Ф.М. Березина, которого Серебренников, видимо, не воспринимал как равного ему по статусу противника, – представить было невозможно.

⁹ Березин Ф.М. История лингвистических учений. С. 251.

¹⁰ Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: Высшая школа, 1984.

¹¹ Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. М.: Высшая школа, 1980.

События ускоряли ход не только в советской, но и в мировой лингвистике. Генеративизм после публикации «Лекций по управлению и связыванию» Хомского [Chomsky 1981], казалось, приблизился к своей цели – т. е. к сведению многообразия грамматических явлений к небольшому числу абстрактных принципов – и переживал новый подъем популярности и расширял охват языков – предложенная его автором модель «принципов и параметров» обещала вскоре установить границы их разнообразия.

Не знавшие об оценках и прогнозах Филина и Ахмановой молодые лингвисты, увлеченные этой перспективой, присоединялись к лагерю Хомского. С 1977 г. начала активную деятельность ассоциация европейских генеративистов GLOW (Generative Linguistics of the Old World). В 1983 г. появился авторитетный журнал *Natural Language and Linguistic Theory*, нацеленный на реализацию типологической программы генеративизма. Позднее в 1990-е гг. произошло объединение генеративной грамматики с другим популярным направлением – формальной семантикой Р. Монтэгу¹².

В 1980-е гг. появились основополагающие работы наиболее влиятельных противников Хомского – Ч. Филлмора [Fillmore, Kay, O'Connor 1988], Дж. Лакоффа [Lakoff, Johnson 1980], Р. Лангакера [Langacker 1987], Б. Комри [Comrie 1981], Дж. Байби¹³; о А.Е. Кибрике речь шла выше.

Обозначилась расстановка сил в мировой, а затем и в российской лингвистике, во многом сохраняющаяся донныне.

Благодарности

Автор благодарен В.М. Алпатову и С.А. Крылову за ценные подсказки и библиографические указания; все ошибки и неточности принадлежат автору.

Acknowledgments

The author is indebted to Vladimir M. Alpatov and Sergej A. Krylov for their valuable comments and bibliographic clues; all errors and other shortcomings are the author's.

¹² Heim I., Kratzer A. *Semantics in generative grammar*. Oxford: Blackwell, 1998. 324 p. (Blackwell textbooks in linguistics)

¹³ Bybee J. *Morphology. A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1985.

Литература

- Абаев 1965 (1995) – *Абаев В.И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 22–43. (*Абаев В.И.* Избранные труды. Т. 2: Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. С. 84–113.)
- Алпатов 2002 – *Алпатов В.М.* Пятьдесят лет журнала «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. 2002. № 1. С. 4–34.
- Алпатов 2004 – *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 282 с.
- Алпатов 2013 – *Алпатов В.М.* Александр Евгеньевич Кибрик: от структурализма к новым идеям // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). М.: РГГУ, 2013. Вып. 12 (19): В 2 т. Т. 1. С. 17–26.
- Андерш 1983 – *Андерш И.Ф.* Интерпретативная и генеративная семантика // Современное зарубежное языкознание: Вопросы теории и методологии: К IX Международному съезду славистов / отв. ред. А.С. Мельничук. Киев: Наукова думка, 1983. С. 125–140.
- Андреев 1976 – *Андреев Н.Д.* Квазилингвистика Хомского (О причинах неудачи порождающих грамматик) // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 58–73.
- Андреев 1977 – *Андреев Н.Д.* Хомский и хомскианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании / под ред. В.З. Панфилова. М.: Наука, 1977. С. 257–283.
- Апресян 1966 – *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
- Апресян 1974 (1995) – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 368 с. (*Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.)
- Апресян 2002 – *Апресян Ю.Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 10–29.
- Ахманова 1981 – *Ахметова О.С.* [Рец.:] *Долгова О.В.* Синтаксис как наука о построении речи // Вопросы языкознания. 1981. № 5. С. 140–143.
- Ахманова, Березин 1980 – Трансформационно-генеративная грамматика в свете современной научной критики: Реферативный сборник / под ред. О.С. Ахмановой, Ф.М. Березина. М.: ИНИОН АН СССР, 1980. 185 с.
- Ахманова, Минаева 1979 – *Ахманова О.С., Минаева Л.В.* Еще раз о так называемой теоретической лингвистике // Вопросы языкознания. 1979. № 5. С. 17–27.
- Бабицкий 1965 – *Бабицкий К.И.* О синтаксической синонимии предложений в естественных языках // Научно-техническая информация. 1965. № 6. С. 21–25.
- Березин 1977 – *Березин Ф.М.* Советскому языкознанию – 60 лет // Вопросы языкознания. 1977. № 5. С. 14–26.

- Будагов 1971 – *Будагов Р.А.* [Рец.:] Ленинизм и теоретические проблемы языкознания // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 104–107.
- Будагов 1979 – *Будагов Р.А.* К теории грамматики и языковых контактов // Вопросы языкознания. 1979. № 2. С. 11–28.
- Будагов 1974а – *Будагов Р.А.* [Рец.:] *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория // Вопросы языкознания. 1974. № 1. С. 127–132.
- Будагов 1974б – *Будагов Р.А.* Категория значения в разных направлениях современного языкознания // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 3–20.
- Будагов 1974в – *Будагов Р.А.* Человек и его язык. М.: Изд-во МГУ, 1974. 262 с.
- Будагов 1981 – *Будагов Р.А.* К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике // Вопросы языкознания. 1981. № 3. С. 15–26.
- Будагов 1982 – *Будагов Р.А.* [Рец.:] Язык и идеология: Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка / под ред. Ю.А. Жлуктенко // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 127–129.
- Жлуктенко 1981 – Язык и идеология: Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка / под ред. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Изд-во «Вища школа» при Киевском гос. ун-те, 1981. 244 с.
- Зализняк, Падучева 1979 (2009) – *Зализняк А.А., Падучева Е.В.* Синтаксические свойства местоимения *который* // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Наука, 1979. С. 289–329. (*Падучева Е.В.* Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 86–118.)
- Звегинцев 1971 – *Звегинцев В.А.* [Рец.:] *Lenneberg E.H.* Biological foundations of language // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 124–131.
- Звегинцев 1973 – *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во МГУ, 1973. 248 с.
- Звегинцев 1976 – *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. 307 с.
- Звегинцев 1990 – *Звегинцев В.А.* Что происходит в советской науке о языке // Язык и социальное познание / отв. ред. В.В. Петров. М.: Центральный совет философских (методологических) семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. С. 3–39.
- Касевич 1983 – *Касевич В.Б.* Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
- Кибрик 1982 – *Кибрик А.Е.* Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / сост. А.Е. Кибрик. М.: Прогресс, 1982. 460 с.
- Кибрик 1983 – *Кибрик А.Е.* Лингвистические постулаты // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 621. Тарту: ТГУ, 1983. С. 24–39.
- Кибрик и др. 2002 – Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. 2-е изд., испр. и доп. / ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозева, И.А. Секерина. М.: УРСС. 2002. 480 с.

- Климов 1981 – *Климов Г.А.* Типологические исследования в СССР: 20–40-е годы. М.: Наука, 1981. 111 с.
- Кодзасов, Кривнова 1981 – *Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф.* Современная американская фонология. М.: Изд-во МГУ, 1981. 194 с.
- Кривоносов 1977 – *Кривоносов А.Т.* Открывает ли «трансформационная» грамматика новые горизонты в лингвистике? // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 59–70.
- Крылов 1997 – *Крылов С.А.* «Русское именное словоизменение» А.А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецензии с позиций неоструктуралистской морфологии // *Studia linguarum* / под ред. А.С. Касьяна, Ф.Р. Минлоса. М.: РГГУ, 1997. С. 252–315.
- Крылов 2004 – *Крылов С.А.* Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: В 6 ч. Ч. 1: Морфемика, морфология, элементы фонологической трансформаторики (в аспекте общей теории морфологических и морфонологических моделей). М.: Издат. фирма «Восточная литература», 2004. 479 с.
- Курманбаев 1975 – *Курманбаев Н.М.* Заметки о картезианских основаниях генеративной лингвистики // Вопросы языкознания. 1975. № 4. С. 18–23.
- Лекомцев 1983 – *Лекомцев Ю.А.* Введение в формальный язык лингвистики. М.: Наука, 1983. 264 с.
- Либерман 1972 – *Либерман А.С.* Порождающая фонология: претензии и результаты // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 40–54.
- Мартемьянов 2004 – *Мартемьянов Ю.С.* Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М.: Языки славянской культуры, 2004. 1058 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Мельчук 1974 – *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст»: Семантика. Синтаксис. М.: Наука, 1974. 314 с.
- Небиеридзе 1978 – *Небиеридзе Г.С.* Трансформационная генеративная фонология и ее отношение к классическим фонологическим теориям // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 67–75.
- Оллер, Сэйлз, Гаррингтон 1971 – *Оллер Дж.В.* (младший), *Сэйлз Б.Д., Гаррингтон Р.В.* Круговорот в традиционной и современной лингвистической теории // Вопросы языкознания. 1971. № 2. С. 115–123.
- Падучева 1959 (2009) – *Падучева Е.В.* [Рец.:] *Chomsky N.* Syntactic structures // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 133–137. (*Падучева Е.В.* Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 561–569.)
- Падучева 1974 – *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974. 292 с.
- Падучева 1983 (2009) – *Падучева Е.В.* Возвратное местоимение с косвенным antecedentом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. М., 1983. Вып. 21. С. 3–33. (*Падучева Е.В.* Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 181–203.)

- Пазухин 1976 – *Пазухин Р.В.* «Кибернетические» модели в лингвистике // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 26–36.
- Панфилов 1979 – *Панфилов В.З.* Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания // Вопросы языкознания. 1979. № 4. С. 3–18.
- Панфилов 1982 – *Панфилов В.З.* О некоторых аспектах социальной природы языка // Вопросы языкознания. 1982. № 6. С. 28–44.
- Пещак 1983 – *Пещак М.М.* Трактровка связи между значением и звуковым выражением // Современное зарубежное языкознание: Вопросы теории и методологии: К IX Международному съезду славистов / отв. ред. А.С. Мельничук. Киев: Наукова думка, 1983. С. 105–125.
- Ревзин 1977 – *Ревзин И.И.* Современная структурная лингвистика: Проблемы и методы. М.: Наука, 1977. 264 с.
- Серебренников 1983 – *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 317 с.
- Солнцев 1976 – *Солнцев В.М.* Относительно концепции «глубинной структуры» // Вопросы языкознания. 1976. № 5. С. 13–25.
- Степанов 1981 – *Степанов Ю.С.* Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. М.: Наука, 1981. 360 с.
- Филин 1978 – *Филин Ф.П.* О специальных теориях в языкознании // Вопросы языкознания. № 2. 1978. С. 17–25.
- Филин 1981 – *Филин Ф.П.* Об актуальных задачах советского языкознания // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 3–6.
- Филин 1970 – Ленинизм и теоретические проблемы языкознания: сб. статей / отв. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1970. 382 с.
- Холл 1978 – *Холл Р.А. (мл.)* Критика теории Хомского // Вопросы языкознания. 1978. № 5. С. 55–65.
- Хомский 1962 (1957) – *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2 / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 411–526. (*Chomsky N. Syntactic structures. s'-Gravenhage: Mouton, 1957. 117 p.*)
- Хомский 1965 (1962) – *Хомский Н.* Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. Вып. 4 / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1965. С. 464–574. (*Chomsky N. The logical basis of linguistic theory // Preprints of papers for the 9th International Congress of Linguists / ed. by M. Halle. Cambridge, Mass, 1962. P. 509–574.*)
- Хомский 1972а (1965) – *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. М.: Изд-во МГУ, 1972. 260 с. (*Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965. 282 p.*)
- Хомский 1972b (1968) – *Хомский Н.* Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. 122 с. (*Chomsky N. Language and mind. N.Y.: Harcourt: Brace & World, 1968. 88 p.*)
- Хомский, Бервик 2019 (2016) – *Хомский Н., Бервик Р.* Человек говорящий: Эволюция и язык. СПб.: Питер, 2019. 304 с. [*Berwick R., Chomsky N. Why only us. Language and evolution. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2016. 215 p.*]

- Шаумян 1971 – *Шаумян С.К.* Философские вопросы теоретической лингвистики. М.: Наука, 1971. 160 с.
- Antony, Hornstein 2003 – Chomsky and his critics / ed. by L.M. Antony and N. Hornstein. Oxford: Blackwell. 2003. 356 p.
- Chomsky 1970 – *Chomsky N.* Remarks on nominalization // Readings in English transformational grammar / ed. by R. Jacobs, P. Rosenbaum. Waltham, Mass.: Ginn and Co, 1970. P. 184–221.
- Chomsky 1973 – *Chomsky N.* Conditions on transformations // A festschrift for Morris Halle / ed. by S. Anderson, P. Kiparsky. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 232–286.
- Chomsky 1977 – *Chomsky N.* On Wh-movement // Formal syntax / ed. by P. Culicover, Th. Wasow, A. Akmadjan. N.Y.: Academic Press, 1977. P. 71–132.
- Chomsky 1980 – *Chomsky N.* On binding // Linguistic Inquiry. vol. 11. 1980. P. 1–46.
- Chomsky 1981 – *Chomsky N.* Lectures on government and binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981. 388 p.
- Chomsky 2003 – *Chomsky N.* Reply to Strawson // Chomsky and his critics / ed. by L.M. Antony and N. Hornstein. Oxford: Blackwell, 2003. P. 266–268.
- Collier, Horowitz 2004 – The anti-Chomsky reader / ed. by P. Collier, D. Horowitz. N.Y.: Encounter Books. 2004. 240 p.
- Comrie 1981 – *Comrie B.* Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 264 p.
- Di Sciullo, Boeckx 2011 – The biolinguistic enterprise: New perspectives on the evolution and nature of the human language faculty / ed. by A.M. Di Sciullo, C. Boeckx. Oxford: Oxford University Press, 2011. 559 p.
- Evans, Levinson 2009 – *Evans N., Levinson S.C.* The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 32. Iss. 5. 2009. P. 429–492.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 – *Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M.C.* Regularity and idiomacity in grammatical constructions: The case of *Let Alone* // Language. Vol. 64. No. 3. P. 501–538.
- Haspelmath 2021 – *Haspelmath M.* General linguistics must be based on universals (or nonconventional aspects of language) // Theoretical Linguistics. 2021. Vol. 47. No. 1-2. P. 1–31.
- Lakoff, Johnson 1980 – *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Langacker 1987 – *Langacker R.* Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
- Lenneberg 1967 – *Lenneberg E.H.* Biological foundations of language. N.Y.; L.: Wiley, 1967. 489 p.
- Martem'janov 1973 – *Martem'janov Yu.S.* 1973. Valency-junction-emphasis relations as a language for text description // Trends in Soviet theoretical linguistics / ed. by F. Kiefer. Dordrecht: Reidel, 1973. P. 335–388.

- Ross 1967 (1989) – Ross J.R. Constraints on variables in syntax. Ph.D. dissertation. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology, 1967. 529 p. (Ross J.R. Infinite syntax! Ablex, Norwood, N.J., 1989. 312 p.)
- Wasow 1979 – Wasow T. Anaphora in generative grammar. Ghent: E. Story-Scientia, 1979. 181 p.

References

- Abaev, V.I. (1965), “Linguistic modernism as de-humanization of linguistics”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 3, pp. 22–43. (Abaev, V.I. (1995), *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 2, Ir, Vladikavkaz, Russia, pp. 84–113.)
- Akhmanova, O.S. and Berezin, F.M., eds. (1980), *Transformatsionno-generativnaya grammatika v svete sovremennoi nauchnoi kritiki: Referativnyi sbornik* [Transformational generative grammar in the light of the modern scientific criticism], INION AN SSSR, Moscow, USSR.
- Akhmanova, O.S. and Minaeva, L.V. (1979), “Again on the so-called ‘theoretical linguistics’”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 17–27.
- Akhmetova, O.S. (1981), “Review: Dolgova, O.V., *Sintaksis kak nauka o postroenii rechi* [Syntax as a science of speech structuring], Moscow, 1980”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 140–143.
- Alpatov, V.M. (2002), “Fifty years of the journal *Voprosy yazykoznaniya*”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 4–34.
- Alpatov, V.M. (2004), *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The history of a myth. Marr and Marrism], Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Alpatov, V.M. (2013), “Alexandr Evgenjevich Kibrik. From structuralism to new ideas”, in *Komp'yuternaya lingvistika i informatsionnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.)* [Computational linguistics and informational technologies. On the materials of the international conference “Dialogue 2013” (Bekasovo, 29 May – 2 June 2013)], vol. 1, iss. 12 (19), RGGU, Moscow, Russia, pp. 17–26.
- Andersh, I.F. (1983), “Interpretive and generative semantics”, in Mel'nichuk, A.S., ed., *Sovremennoe zarubezhnoe yazykoznanie: Voprosy teorii i metodologii: K IX Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Modern foreign linguistics. Issues of theory and methodology. On the 9th International Congress of Slavists], Naukova dumka, Kiev, USSR, pp. 125–140.
- Andreev, N.D. (1976), “Chomsky's quasi-Linguistics: On the reasons for the failure of generative grammars”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 58–73.
- Andreev, N.D. (1977), “Chomsky and Chomskyanism”, in Panfilov, V.Z., ed., *Filosofskie osnovy zarubezhnykh napravlenii v yazykoznanii* [Philosophical base for the foreign trends in linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 257–283.
- Antony, L.M. and Hornstein, N., eds. (2003), *Chomsky and his critics*, Blackwell, Oxford, UK.

- Apresyan, Yu.D. (1966), *Idei i metody sovremennoi strukturalnoi lingvistiki* [Ideas and methods of the modern structural linguistics], Prosveshchenie, Moscow, USSR.
- Apresyan, Yu.D. (1974), *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: Synonymic resources of language], Nauka, Moscow, USSR.
- (Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannye trudy* [Selected works], vol. 1, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Moscow, Russia.)
- Apresyan, Yu.D. (2002), "Interrelation between lexicon and grammar: the lexicographic aspect", *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, vol. 3, no. 1, pp. 10–29.
- Babitskii, K.I. (1965), "On the syntactic synonymy of sentences in the natural languages", *Nauchno-tekhmicheskaya informatsiya*, no. 6, pp. 21–25.
- Berezin, F.M. (1977), "The Soviet linguistics is 60 years old", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 5, pp. 14–26.
- Budagov, R.A. (1971), "Review: Leninizm i teoreticheskie problemy yazykoznanija [Leninism and the theoretical issues of linguistics], Moscow: Nauka, 1970", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 104–107.
- Budagov, R.A. (1974), "Review: Zvegin'tsev V.A. Yazyk i lingvisticheskaya teoriya [Language and linguistic theory], Moscow: MGU, 1973", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 127–131.
- Budagov, R.A. (1974), "Category of meaning in different trends of the modern linguistics", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 3–20.
- Budagov, R.A. (1974), *Chelovek i ego yazyk* [Man and his language], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Budagov, R.A. (1979), "Toward a theory of grammar and language contact", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 11–28.
- Budagov, R.A. (1981), "On the place of the Soviet linguistics in the modern linguistics", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 3, pp. 15–26.
- Budagov, R.A. (1982), "Review: Yazyk i ideologiya: Kritika idealisticheskikh kontsept-sii funkcionirovaniya i razvitiya yazyka [Language and ideology. Criticism of the idealistic concepts on the functioning and development of language]. Kiev, 1981", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 5, pp. 127–129.
- Chomsky, N. (1965), "The logical basis of linguistic theory", in Zvegin'tsev, V.A., ed., *Novoe v lingvistike* [New trends in linguistics], iss. 2, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 464–574. (Chomsky, N. (1962), The logical basis of linguistic theory, in Halle, M., ed., *Preprints of papers for the Ninth International Congress of Linguists*, Cambridge, Mass, USA, pp. 509–574.)
- Chomsky, N. (1972), *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the theory of syntax], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR. (Chomsky, N. (1965), *Aspects of the theory of syntax*, MIT Press, Cambridge, Mass., USA.)
- Chomsky, N. (1972), *Yazyk i myshlenie* [Language and mind], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR. (Chomsky, N., (1968), *Language and mind*, Harcourt, Brace & World, New York, USA.)
- Chomsky, N. and Bervik, R. (2019), *Chelovek govoryashchii: Evolyutsiya i yazyk* [Speaking man. Evolution and language], Piter, Saint Petersburg, Russia. [Berwick, R.

- and Chomsky, N. (2016), *Why only us. Language and evolution*, The MIT Press, Cambridge, Mass, USA.]
- Chomsky, N. (1962), “Syntactic structures”, in Zvegintsev, V.A., ed., *Novoe v lingvisti-ke* [New trends in linguistics], iss. 4, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR, pp. 411–526. (Chomsky, N. (1957), *Syntactic structures*, Mouton, s'-Gravenhage, Netherlands.)
- Chomsky, N. (1970) “Remarks on nominalization”, in Jacobs, R. and Rosenbaum, P., eds., *Readings in English transformational grammar*, Ginn and Co, Waltham, Mass., USA, pp. 184–221.
- Chomsky, N. (1973), “Conditions on transformations”, in Anderson, S. and Kiparsky, P., eds., *A Festschrift for Morris Halle*, Holt, Rinehart and Winston, New York, USA, pp. 232–286.
- Chomsky, N. (1977), “On Wh-movement”, in Culicover, P., Wasow, Th. and Akmadjan, A. eds., *Formal syntax*, Academic Press, New York, USA, pp. 71–132.
- Chomsky, N. (1980), “On binding”, *Linguistic Inquiry*, vol. 11, pp. 1–46.
- Chomsky, N. (1981), *Lectures on government and binding*, Foris, Dordrecht, Netherlands.
- Chomsky, N. (2003), “Reply to Strawson”, in Antony, L.M. and Hornstein, N., eds., *Chomsky and his critics*, Blackwell, Oxford, UK, pp. 266–268.
- Collier, P. and Horowitz, D., eds. (2004), *The anti-Chomsky reader*, Encounter Books, New York, USA.
- Comrie, B. (1981), *Language universals and linguistic typology: Syntax and morphology*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Di Sciullo, A.M. and Boeckx, C., eds. (2011), *The biolinguistic enterprise: New perspectives on the evolution and nature of the human language faculty*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Evans, N. and Levinson, S.C. (2009), “The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science”, *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 32, iss. 5, pp. 429–492.
- Filin, F.P. (1978), “On special theories in linguistics”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 17–25.
- Filin, F.P. (1981), “On current tasks of the Soviet linguistics”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 3–6.
- Filin, F.P., ed. (1970), *Leninizm i teoreticheskie problemy yazykoznaniya: sbornik statei* [Leninism and the theoretical issues of linguistics. Collected papers], Nauka, Moscow, USSR.
- Fillmore, Ch., Kay, P. and O'Connor, M.C. (1988), “Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The Case of Let Alone”, *Language*, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Haspelmath, M. (2021), “General linguistics must be based on universals (or nonconventional aspects of language)”, *Theoretical Linguistics*, vol. 47, no. 1-2, pp. 1–31.
- Heim, I. and Kratzer, A. (1998), *Semantics in generative grammar*. Oxford: Blackwell.
- Holl, R.A., jr. (1978), “Criticism of Chomsky's theory”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 55–65.

- Kasevich, V.B. (1983), *Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya* [Phonological issues in the general and oriental linguistics], Nauka, Moscow, USSR.
- Kibrik, A.A., Kobozev, I.M. and Sekerin, I.A., eds. (2002), *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya* [Modern American linguistics. Fundamental trends], URSS, Moscow, Russia.
- Kibrik, A.E. (1982), "The issue of syntactic relations in the universal grammar", in Kibrik, A.E., comp., *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 11: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike* [New trends in the foreign linguistics, iss. 11. Modern syntactic theories in the American linguistics], Progress, Moscow, USSR.
- Kibrik, A.E. (1983), "Linguistic postulates", *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta* [Papers of the Tartu State University], iss. 621, TGU, Tartu, USSR, pp. 24–39.
- Klimov, G.A. (1981), *Tipologicheskie issledovaniya v SSSR: 20–40-e gody* [Typological studies in the USSR: 1920s – 1940s], Nauka, Moscow, USSR.
- Kodzasov, S.V. and Krivnova, O.F. (1981), *Sovremennaya amerikanskaya fonologiya* [Modern American phonology], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Krivonosov, A.T. (1977), "Does the 'transformational' grammar open new horizons in linguistics?", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 59–70.
- Krylov, S.A. (1997), "A.A. Zalizniak's 'Russian nominal inflection' after thirty years. An attempt of a retrospective review from the viewpoint of the neo-structural morphology", in Kas'yan, A.S. and Minlos, F.R., eds., *Studia linguarum*, RGGU, Moscow, Russia, pp. 252–315.
- Krylov, S.A. (2004), *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye problemy obshchei lingvistiki* [Theoretical grammar of Mongolian and related issues of general linguistics], part 1, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", Moscow, Russia.
- Kurmanbaev, N.M. (1975), "Notes on the Cartesian basis of the generative linguistics", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 18–23.
- Lakoff, G. and Johnson, M. (1980), *Metaphors we live by*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Langacker, R. (1987), *Foundations of cognitive grammar*, vol. 1: Theoretical prerequisites, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Lekomtsev, Yu.A. (1983), *Vvedenie v formal'nyi yazyk lingvistiki* [Introduction to the formal language of linguistics], Nauka, Moscow, USSR.
- Lenneberg, E.H. (1967), *Biological foundations of language*, Wiley, New York, USA, London, UK.
- Lieberman, A.S. (1972), "Generative phonology: its claims and results", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 40–54.
- Martem'janov, Yu.S. (1973), *Valency-junction-emphasis relations as a language for text description*, in Kiefer, F., ed. *Trends in Soviet theoretical linguistics*. Reidel, Dordrecht, Netherlands, pp. 335–388.
- Martem'janov, Yu.S. (2004), *Logika situatsii. Stroenie teksta. Terminologichnost' slov* [Logic of situations. Text composition. Words as terms], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

- Mel'chuk, I.A. (1974), *Opyt teorii lingvističeskikh modelei "Smysl – Tekst": Semantika. Sintaksis* [An essay in the theory of linguistick models "Meaning ⇔ Text. Semantics. Syntax"], Nauka, Moscow, USSR.
- Nebieridze, G.S. (1978), "The transformational generative phonology and its relationship with the classical phonological theories", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 67–75.
- Oller, Dzh.V., (jr.), Sjejlz, B.D., and Garrington, R.V. (1971), "Circularity in the traditional and modern linguistic theory", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 115–123.
- Paducheva, E.V. (1974), *O semantike sintaksisa: Materialy k transformacionnoi grammatike russkogo yazyka* [On semantics of syntax. On a transformational grammar of Russian], Nauka, Moscow, USSR.
- Paducheva, E.V. (1983), "Reflexive pronouns with oblique case antecedents and the semantics of reflexivity", *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics], iss. 21, Moscow, USSR, pp. 3–33. (Paducheva, E.V. (2009), *Stat'i raznykh let* [Selected papers], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 181–203.)
- Paducheva, E.V. (1959), "Review: *Chomsky N. Syntactic structures*. s'-Gravenhage: Mouton, 1957", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 1, pp. 133–137. (Paducheva, E.V. (2009), *Stat'i raznykh let* [Selected papers], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 561–569.)
- Panfilov, V.Z. (1979), "Marxism-Leninism as the philosophical basis of linguistics", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 4, pp. 3–18.
- Panfilov, V.Z. (1982), "On some aspects of the social nature of language", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 28–44.
- Pazukhin, R.V. (1976), "Cybernetic models in linguistics", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 26–36.
- Peshchak, M.M. (1983), "Approaches to the relationship between meaning and sound expression", in Mel'nichuk, A.S., ed., *Sovremennoe zarubezhnoe yazykoznanie: Voprosy teorii i metodologii: K IX Mezhdunarodnomu s'ezdu slavistov* [Modern foreign linguistics. Issues of theory and methodology. On the 9th International Congress of Slavists], Naukova dumka, Kiev, USSR, pp. 105–125.
- Revzin, I.I. (1977), *Sovremennaya strukturnaya lingvistika: Problemy i metody* [Modern structural linguistics. Issues and methods], Nauka, Moscow, USSR.
- Ross, J.R. (1967), *Constraints on variables in syntax*, Ph.D. dissertation, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Mass., USA. (Ross J.R. (1989), *Infinite syntax!* Ablex, Norwood, N.J., USA.)
- Serebrennikov, B.A. (1983), *O materialisticheskom podkhode k yavleniyam yazyka* [On the materialistic approach to the phenomena of language], Nauka, Moscow, USSR.
- Shaumyan, S.K. (1971), *Filosofskie voprosy teoreticheskoi lingvistiki* (Philosophical issues in theoretical linguistics), Nauka, Moscow, USSR.
- Solntsev, V.M. (1976), "On the concept of deep structure", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 5, pp. 13–25.
- Stepanov, Yu.S. (1981), *Imena, predikaty, predlozheniya: Semiologicheskaya grammatika* [Nouns, predicates, sentences. Semiological grammar], Nauka, Moscow, USSR.
- Wasow, Th. (1979), *Anaphora in generative grammar*, Story-Scientia, Ghent, Belgium.

- Zaliznyak, A.A. and Paducheva, E.V. (1979) “Syntactic properties of the pronoun *kotoryj*”, in Nikolaeva, T.M., ed., *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [The category of (in)definiteness in the Slavic languages], Nauka, Moscow, USSR, pp. 289–329, (Paducheva, E.V. (2009), *Stat'i raznykh let* [Selected papers], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, pp. 86–118.)
- Zhlukenko, Yu.A., ed. (1980), *Yazyk i ideologiya: Kritika idealisticheskikh kontseptsii funkcionirovaniya i razvitiya yazyka* [Language and ideology. Critics of the idealistic concepts on the language functioning and development], Izdatel'stvo “Vishcha shkola” pri Kievskom gosudarstvennom universitete, Kiev, USSR.
- Zvegintsev, V.A. (1971), “[Review]: Biological foundations of language. N.Y.; L.: Wiley & Sons, 1967. 489 p.”, *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 124–131.
- Zvegintsev, V.A. (1973), *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and linguistic theory], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Zvegintsev, V.A. (1976), *Predlozhenie i ego otnoshenie k yazyku i rechi* [Sentence and its relationship with language and speech], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Zvegintsev, V.A. (1990), “What is going on in the Soviet linguistics”, in Petrov, V.V., ed., *Yazyk i sotsial'noe poznanie* [Language and social cognition], Tsentral'nyi sovet filosofskikh (metodologicheskikh) seminarov pri Prezidiume AN SSSR, Moscow, USSR, pp. 3–39.

Информация об авторе

Яков Г. Тестелец, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; testelets@gmail.com

Information about the author

Yakov G. Testeleets, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 1-1, Bol'shoi Kislovskii Line, Moscow, Russia, 125009;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; testelets@gmail.com

О предметных областях
когнитивной этнолингвистики и лингвокультурологии
на фоне современных лингвистических исследований
в России и Польше

Валентина Г. Кульпина

*Институт научной информации по общественным наукам
(ИНИОН РАН), Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен ряд базовых положений польских лингвистических направлений – этнолингвистического и лингвокультурологического, работающих в рамках тематики *язык и культура*. Эта проблематика в наши дни исключительно популярна во всем мире, активно развивается и порождает все новые области и аспекты исследований. Материал представлен на фоне проблематики российских лингвистических направлений соответствующего профиля. Устанавливаются сходства и различия внутри польских национальных школ и между ними и профилем российских исследований, подчеркивается общность теоретической базы польских и российских исследований. Специфические особенности направлений, сосредоточенных на тематике *язык и культура*, рассматриваются в свете соответствующих теоретических, так и лексикографических работ. Даются истоки целого ряда ядерных понятий и терминов, которыми оперируют представители описываемых направлений. Кратко характеризуются достижения рассматриваемых направлений. Подчеркивается специфика национальных школ и традиций, выделяются особенности исследовательских подходов и стилей. Обращается внимание на фундаментальный характер и научную достоверность трудов, порождаемых учеными, работающими в рамках представленных направлений; эффективность труда и надежность его результатов обеспечиваются также общей родословной и единой теоретической основой.

Ключевые слова: лингвистические дисциплины, этнолингвистика, лингвокультурология, направление *язык и культура*, когнитивная лингвистика, русский язык, польский язык

Для цитирования: Кульпина В.Г. О предметных областях когнитивной этнолингвистики и лингвокультурологии на фоне современных лингвистических исследований в России и Польше // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 135–149. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-135-149

On the subject areas
of cognitive ethnolinguistics and linguoculturology
against the background of modern linguistic research
in Russia and in Poland

Valentina G. Kulpina

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
vgrkulpina@mail.ru*

Abstract. The article presents a number of basic provisions of Polish linguistic trends – ethnolinguistic and linguacultural, working within the framework of ‘*language and culture*’. Nowadays, the issue is extremely popular all over the world, it is actively developing and giving rise to new areas and aspects of research. The material is presented against the background of the problematics of Russian linguistic trends of the relevant profile. The similarities and differences within Polish national schools and between them and the profile of Russian studies are established, and the common character of the theoretical basis of Polish and Russian studies is emphasized. The specific features of trends focused on the topic of ‘*language and culture*’ are considered in the light of both relevant theoretical and lexicographical works. The sources of a number of nuclear concepts and terms used by representatives of the described areas are given. The achievements of the considered directions are briefly characterized. The specifics of national schools and traditions are emphasized, and the features of research approaches and styles are highlighted. Attention is drawn to the fundamental nature and scientific reliability of the works produced by scientists working in the framework of the presented areas; the effectiveness of work and the reliability of its results are also ensured by a common parentage and a unified theoretical basis.

Keywords: linguistic disciplines, ethnolinguistics, linguoculturology, ‘*language and culture*’, cognitive linguistics, Russian language, Polish language

For citation: Kulpina, V.G. (2025), “On the subject areas of cognitive ethnolinguistics and linguoculturology against the background of modern linguistic research in Russia and in Poland”, *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 135–149, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-135-149

Современное языкознание порождает все новые направления и области исследований; процессы филиации в нашей науке никогда ранее так бурно не развивались и не обсуждались. В данной статье нашей целью является представить исследования на

линии *язык и культура* в Польше и в какой-то мере установить расхождения и точки пересечения с соответствующими типами исследований в России.

*Этнолингвистика и лингвокультурология
как популярные исследовательские направления
наших дней*

Этнолингвистика и лингвокультурология, будучи динамично развивающимися исследовательскими направлениями, не имеют на сегодняшний день в достаточной мере очерченных предметных областей. И существуют ли линии, являющиеся для них разграничительными? Хотя многие векторы уже обозначены, тем не менее можно сказать, что эти дисциплины (разделы языкознания / направления / области исследований) по-прежнему находятся в стадии становления. Вместе с тем общие очертания предметного поля этих дисциплин могут быть предметом обсуждения.

В русле лингвокультурологии работают многие наши ученые. Это направление выковывалось в ходе целого ряда научных мероприятий, в том числе и на Круглом столе «Лингвистика и “нелингвистика”: как междисциплинарность меняет границы» (Москва, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, 07.11.2019). Пути современной лингвистики масштабно обсуждались на конференции «Понимание в коммуникации 2025» (2–3.04.2025, ГАУГН, МГПУ). Этим вопросам был посвящен доклад В.М. Алпатова «О кризисе в лингвистике»: «История лингвистики показывает, что ни одна лингвистическая проблема не исчезает. Что-то может уйти на периферию, что-то может “впасть в спячку”, что-то может быть пересмотрено, но все остается в арсенале науки»¹.

Примечательно, что у направления, занимающегося языком и культурой, во многих странах утвердилось название *этнолингвистика*. Обращает на себя внимание, что между *лингвокультурологией* и *этнолингвистикой* есть очевидное фамильное сходство. Как далеко оно простирается? И в чем, собственно говоря, эти направления разнятся? Обратимся к мнению ученых, которые возделывают это поле.

¹ Алпатов В.М. О кризисе в лингвистике: Доклад на конференции «Понимание в языке и коммуникации 2025». 2–3 апреля 2025 г. ГАУГН. Организаторы конференции: ГАУГН, МГПУ.

О предметном поле этнолингвистики

Имеется авторитетное мнение Е. Бартминьского, С. Небжеговской-Бартминьской и других представителей Люблинской этнолингвистической школы, что предметом этнолингвистики является именно язык как инструмент изучения культуры. Ряд российских исследователей солидарны с этой точкой зрения. Вместе с тем о предмете этнолингвистики в среде российских ученых высказывается и несколько отличное мнение в плане подключения этнографических и социолингвистических данных, что запечатлел в своем «Введении в этнолингвистику» А.С. Герд². Впрочем, исследователи направления *язык и культура* нередко успешно обращались к такого рода данным. Е.В. Перехвальская, как и большинство этнолингвистов (и лингвокультурологов также), в содержательном наполнении дисциплины акцентирует связь языка с этнокультурой³. Возможно, компонент *когнитивная* в названии дисциплины (*когнитивная этнолингвистика*), который в наши дни часто добавляется к названию *этнолингвистика*, мог бы способствовать более отчетливому пониманию и сближению точек зрения на предмет исследования.

Название *этнолингвистика* в отечественной традиции связывается с исследованиями круга С.М. Толстой, ранее Н.И. Толстого, концентрирующих внимание на проблематике диалектологии и фольклористики, что роднит данное направление с Люблинской этнолингвистикой, выросшей на фольклористическом субстрате. В орбиту интересов этнолингвистики исследовательского круга С.М. Толстой включена и обрядовость, и ряд других присущих народной культуре сюжетов и атрибутов – с упором на старину, на исторический срез (см. словарь, созданный исследователями этого направления: «Славянские древности. Этнолингвистический словарь»⁴). Лингвистика играет здесь свою сущностную и даже определяющую роль, оправдывая название *этнолингвистика*. Н.И. Толстой и С.М. Толстая «создали стандарты этнолингвистических исследований и вошли в историю науки под названием Московской этнолингвистической школы (МЭШ)» [Бартминьский 2021, с. 19].

² Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2005. 457 с.

³ Перехвальская Е.В. Этнолингвистика: Учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 352 с.

⁴ Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Институт славяноведения РАН; под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1–5. М.: Международные отношения, 1995–2012.

В этнолингвистике Е. Бартминьского доминирует синхронный аспект и стремление сохранить народные представления о мире в языковом сознании нации. Отсюда в Люблинском центре с самых его истоков углубленный интерес проявлялся к текстам фольклора, рассматриваемым как особая ценность, – что роднит этот центр с «толстовцами», для которых опора на диалектологический и фольклорный материал принципиально важна.

Название дисциплины (субдисциплины, отрасли, раздела, направления языкознания), ее предмет и терминология как поле для дискуссий

Очевидно, что относительно предмета *лингвокультурологии* существует определенный разнобой во мнениях. В данном случае, думается, стоит отметить различия в самих названиях направления в разных языковых ареалах. Обратим внимание на то, что в польском лингвистическом дискурсе, наряду с названием *этнолингвистика*, выступает также название *lingwistyka kulturowa*, которое можно передать по-русски как «лингвистика культуры» или «культурологическая лингвистика» (далее возьмем на вооружение последнее). Это название в среде польских коллег более раннее по сравнению с *этнолингвистикой*. Как видим, в названии *lingwistyka kulturowa* на первое место вынесено слово *лингвистика*, соответственно, именно на него приходится акцент со всеми вытекающими отсюда последствиями. Название *культурологическая лингвистика* – это, можно сказать, визитная карточка лингвистов Вроцлавского университета [Anusiewicz 1994]. В то же время к ней непосредственно причастен Е. Бартминьский, основатель польской этнолингвистики и одновременно, несколько ранее, один из главных основателей направления *lingwistyka kulturowa*. В результате конструктивного сотрудничества в 1980 г. увидел свет знаковый «Словарь народных языковых стереотипов»⁵, возвестивший начало нового двуединого направления исследований, оказавшегося исключительно плодотворным, вовлекшим в лингвистические исследования массу нового материала, как-то: опросы студентов, сельских жителей, других носителей языка, в том числе разговорного. Был накоплен большой материал, что послужило изданию в Люблине ежегодника «Этнолингвистика» и серийного сборника «красной серии» (в красной обложке) по проблемам ценностей в языковой картине мира славян, а во Вроцлаве – сборника «белой серии» (в белой обложке) «Язык и куль-

⁵ Słownik ludowych stereotypów językowych. Wrocław, 1980.

тура»; обе серии популярны и уважаемы. На основе разветвления и обогащения «Словаря народных стереотипов» впоследствии возникла целая многотомная плеяда словарей, объединенных общим названием «Словарь народных стереотипов и символов»⁶.

У нас в России устоялось название *лингвокультурология*, как бы фокусирующее внимание на проблематике культуры. Однако такой подход с упором на культуру не соответствовал бы представлениям лингвокультурологов о своем исследовательском поле. Во введении к «Словарю лингвокультурологических терминов»⁷ лингвокультурология предстает как «взаимодействие двух семиотических областей – языка и культуры, которые понимаются как формы сознания, отражающие мировоззрение человека, и описываются в синтезе как целостный феномен»⁸.

В связи с названиями вышеназванных дисциплин хотелось бы обратить внимание на то, что родной язык исследователя способен серьезно влиять на исследовательскую теорию и практику, на презентацию исследовательского материала, в целом на подходы ко многим профессионально значимым вопросам [Алпатов 2017, с. 24–35]. Хотелось бы еще добавить, что в исследовательских подходах к предмету изучения немалую роль играет и язык, с которым в силу полученного образования и профиля работы профессионально связан исследователь. Вместе с тем обозначилась и национальная специфика в употреблении некоторых терминов. Так, российские исследователи употребляют термин *семантизация*, польские языковеды говорят о *семантической экспликации* (польск. *eksplicacja semantyczna*). При этом, собственно говоря, в обоих языковых ареалах имеется в виду описание значения какой-либо языковой единицы). Важно, чтобы различия внутренней формы термина не становились помехой в его восприятии. Мы говорим о *фоновых знаниях*, пользуясь аппаратом, предоставленным нам лингвострановедением, в Люблинской же этнолингвистической школе говорят о *приязыковых знаниях* (польск. *wiedza przyjęzykowa*), но принципиальных различий в понимании указанных понятий и терминов не имеется. На базе русского языка удачным образом сложился термин *лингвокультура*. Он шагнул и в польскую этнолингвистику.

⁶ Słownik stereotypów i symboli ludowych / koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński; zastpca redaktora S. Niebrzegowska-Bartmińska. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1996–2017. Т. 1 (z. 1–4). Т. 2 (z. 1–5).

⁷ Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с.

⁸ Там же. С. 6.

Филиация дисциплин, произрастающих из направления «язык и культура»

Ветвление названий дисциплин/субдисциплин, связанных с направлением *язык и культура*, не мешает коллегам понимать друг друга. У Люблинского центра акцентируется познавательная функция языка, поэтому в последние годы принялось название *когнитивная этнолингвистика*. При этом за этнолингвистикой Никиты Ильича Толстого закрепилось название *диалектологическая этнолингвистика* [Bartmiński 2018]. Можно здесь упомянуть и о других плодах филиации направлений/ответвлений (с определенной долей субъективной оценочности): *концептологическая лингвокультурология* (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев), *коммуникативная лингвокультурология* (Н.Г. Брагина, И.Т. Вепрева, И.А. Шаронов), *ономастическая этнолингвистика* (А.К. Матвеев, М.Э. Рут, Е.Л. Березович), *фольклористическая лингвокультурология* (М.Л. Ковшова), *этнолингвистика цвета* (В.Г. Кульпина, Т.В. Сивова), *этнолингвистика перцепции* (О.А. Мещерякова) и так далее.

Так сложилось, и не случайно, что в наши дни оба названия – *etnolingwistyka* и *lingwistyka kulturowa* – в польском лингвистическом дискурсе принято рассматривать как взаимозаменяемые [Bartmiński 2018].

Об истоках понятия когнитивной дефиниции у Е. Бартминьского и разработке понятия «языковая картина мира»

В основополагающем «Словаре языковых народных стереотипов»⁹ особо значимой Е. Бартминьский считал словарную статью «Лексикографическая дефиниция и описание языка». В ней был обрисован прообраз понятия когнитивной дефиниции, применяемой в наши дни исследователями в Люблинском центре к описанию концептов и представляющей собой реконструированный фрагмент языковой картины мира какого-либо языка. Таким образом, когнитивная дефиниция в своей протоипостаси заявила о себе в 1980 г. На нынешнем этапе она имеет весьма развернутый вид – это крупный текст, помогающий воссоздать лингвосоциокультурный образ предмета в комплексе его взаимосвязей. Это инструмент описания *языковой картины мира*, у Ю.Д. Апресяна – *наивной картины мира*; это тип интерпретации действительности

⁹ Słownik ludowych stereotypów...

и средство выражения менталитета; в таковую входят и неядерные компоненты, в том числе коннотативные (см. о языковой картине мира: [Алпатов 2014, с. 11–21]). Когнитивная дефиниция предстает как итог анализа стереотипов и воссоздания концепта [Bartmiński 1988, s. 169–183]. Человек есть средоточие языка, а его восприятие реальности проникнуто его системой ценностей. Прагматический эффект: этнолингвистика в когнитивной версии способна выступать как диагност понимания/непонимания между народами.

Во вводной статье к открытию журнала «Этнолингвистика» в качестве главного предмета ее интереса названа *языковая картина мира*, а в сборнике «Язык и культура» говорилось о многоаспектности подхода лингвистов к исследованиям культуры. В обоих периодических изданиях подчеркивалась необходимость подхода к проблемам культуры от языковых фактов (а не наоборот). При этом воодушевлялись американской *лингвистической антропологией* / *культурной антропологией*, прежде всего Э. Сепира и Б. Уорфа (об этом же пишет и Й. Цинкен, автор предисловия к книге Е. Бартминьского “Aspects of cognitive ethnolinguistics” [Zinken 2009, pp. 1–5]). Во Вроцлавском центре особый интерес проявлялся к немецкому языкознанию (И.Г. Гердеру, В. фон Гумбольдту, Й. Триру). В обоих центрах с энтузиазмом встречали книги А. Вежбицкой. Труды этих ученых хорошо известны и в нашей стране (о чем, в частности, писал А.Е. Кибрик: [Кибрик 2005]).

Польская этнолингвистика сосредоточена на реконструкции языковой картины мира, понимаемой как «произведение прошлого, плод определенного человеческого опыта, национальной истории и культуры. Концепция языковой картины мира носит исключительно семантический характер и включается в когнитивную и коммуникативную революцию в современной лингвистике в познавательном и коммуникативном аспектах» [Bartmiński 2006, s. 15].

В центре внимания польской лингвистики по-прежнему находится *изучение стереотипов* польского этноязыкового сознания. При этом «стереотипы как фрагменты языковой картины мира являются обычными коллективными представлениями людей о людях, предметном мире, событиях» [Bartmiński 2006]. Вместе с тем изучаются ценностно маркированные понятия и этностереотипы и у других славянских народов и их соседей (см. подробнее: [Федорова 2018; Кульпина, Татаринцов 2012]). Речь идет о таких, к примеру, культурных и идеологических концептах, как семья, свобода, честь, труд, родина, демократия, народ и др., которым посвящены огромные, уже изданные и запланированные к изданию тома коллективных монографий, идеей которых является сопо-

ставление картин мира славянских лингвокультур. К разработке таких концептов в рамках проекта EUROJOS – «Европейская языковая картина мира» – подключен коллектив зарубежных исследователей. Результаты исследований издаются под объединяющим тома названием *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* («Аксиологический лексикон славян и их соседей») ¹⁰.

Лингвокультурология в России: концептология как ведущее направление исследований в русле тематики «язык и культура»

В нашей стране лингвокультурология относится к самым динамично развивающимся направлениям лингвистических исследований. Далее кратко обратим внимание на некоторые аспекты исследований наших отечественных лингвокультурологов. Созданный Д.Б. Гудковым и М.Л. Ковшовой «Словарь лингвокультурологических терминов» (СЛТ) может служить ориентиром в широком и плотном поле лингвокультурологических исследований (см. о словаре подробнее: [Kulpińska, Tatarinova 2018]). В ядерном термине *лингвокультурология*¹¹ в соответствующей словарной статье указывается: «В центре внимания лингвокультурологии находится язык, конструирующий ментальность человека, в том числе его культурное самосознание»¹². Из приведенной дефиниции можно сделать вывод, что язык и есть главное для лингвокультурологии в российских ракурсах, впрочем, так и для культурологической лингвистики и этнолингвистики польских коллег. Основная цель лингвокультурологии состоит в выявлении «способов и средств воплощения “языка” культуры в языковые структуры и исследованиях культурно-языковой компетенции субъекта лингвокультурного сообщества, проявляемой им в процессе употребления языковых знаков...»¹³.

Отечественная лингвокультурология содержит в своих категориях достижения семантики, лингвострановедения, когнитивистики. В Польше такая дисциплина, как лингвострановедение, не зафиксирована. Российская лингвокультурология принципиально

¹⁰ *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów* / pod redakcją J. Bartmińskiego. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2015–, no. 1–5.

¹¹ Словарь лингвокультурологических терминов. С. 96–103.

¹² Там же. С. 96.

¹³ Там же. С. 97.

весьма разнообразна (см. исследования Н.Г. Брагиной, И.Т. Вепревой, С.Г. Воркачева, М.Л. Ковшовой и других исследователей). Исследования по линии *языковая картина мира / наивная картина мира* имеют в России богатейшую традицию и литературу, связанную с такими именами, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Вяч.Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой, С.М. Толстая. Исследования, опубликованные в серийном издании «Логический анализ языка», в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой и других российских исследователей Московской семантической школы, лексикографически запечатлены, в частности, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»¹⁴, в «Активном словаре русского языка»¹⁵ и других словарных и теоретических изданиях. Эти исследования во многом близки по духу и даже родственны изысканиям польских коллег. Российская лингвокультурология обладает уже развитой инфраструктурой: по этому направлению написана масса статей, более того, солидный массив монографий, учебники и хрестоматии.

Затронем один из аспектов лингвокультурологических исследований. На сегодняшний день одним из существеннейших достижений отечественной лингвокультурологии является развитие *концептологии* (как ее раздела) в широком смысле с ее этническим базированием, с ориентацией на лингвокультуру данного конкретного народа. Концептология, которой углубленно занимаются как отечественные, так и польские исследователи, стала продолжением семантических исследований, вбирая в себя изыскания на линии *язык и культура*, к которым исследователи в нашей стране проявляли интерес с давних времен. В.И. Карасик указывает: «Концептологическое направление лингвокультурологии исходит из признания концепта-кванта переживаемого знания – основной единицей описания языкового сознания и коммуникативного поведения» [Карасик 2022, с. 9]; «в рамках лингвокультурологии как одного из активно развивающихся направлений антропологической лингвистики разработана *теория лингвокультурных концептов*» [Карасик 2022, с. 7, 68]. Очевидно, что в разработку этой теории решающий вклад внес сам В.И. Карасик целым рядом своих монографий

¹⁴ Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с. (Studia philologica)

¹⁵ Активный словарь русского языка / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки русской культуры, 2014. Т. 1–3.

и сборников под его редакцией [Карасик 2025]. Представленная В.И. Карасиком методология концептологических исследований, основы воссоздания концепта имеют точки соприкосновения с методологией, применяемой в Люблинской школе этнолингвистики. Расхождения вряд ли принципиальны. Знаковой для российских исследований языка в сопряженности с культурой является книга Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры»¹⁶.

Исследователи могут не декларировать свою приверженность лингвокультурологии или же этнолингвистике, тем не менее в исследовательских позициях могут проступать очертания того и другого как единого кластера. Так, проводимые в Тамбове когнитивные исследования ориентированы на изучение языковой картины мира, и, можно сказать, в той же мере этнолингвистичны, как и лингвокультурологичны (см. широкую издательскую деятельность по линии «Ассоциации лингвистов-когнитологов» и Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (ТГУ), монографии, учебники и журналы – «Вопросы когнитивной лингвистики» и «Когнитивные исследования языка»).

Отечественной лингвокультурологии не чужды подходы к языковому материалу, присущие польским коллегам. Можно здесь говорить не только о единстве научного пространства и общих направлениях научного поиска, но и о конкретном взаимодействии российских лингвокультурологов и этнолингвистов с польскими коллегами. Примечательно, что созданный в России «Словарь лингвокультурологических терминов» (СЛТ) своим содержанием созвучен подходам Люблинской школы. Не случайно на страницах этого словаря немало места отведено высказываниям о языке и культуре Е. Бартмиńskiego¹⁷. Стоит также отметить внимание польских коллег к достижениям российских ученых. Так, последний номер люблинской «Этнолингвистики» посвящен Юрию Дерениковичу Апресяну, мы видим здесь его портрет и статьи, непосредственно ему посвященные А. Пайдзиньской «Юрий Дереникович Апресян, или как идти в ногу со своим временем» [Pajdzińska 2025], П. Сobotки «Понятие и место прагматики в концепции интегрального описания языка» [Sobotka 2025]. Можно отметить как знаменательный факт весомое участие российских исследователей в грандиозном «I Международном этнолингвистическом конгрессе» (I Międzynarodowy Kongres Etnolingwistyczny, Lublin, Poland, 20–24.06.2021), в материалах которого нашел отражение вклад российских ученых в раз-

¹⁶ Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.

¹⁷ Словарь лингвокультурологических терминов. С. 182.

работку «Аксиологического словаря славян и их соседей»¹⁸, а также участие в заседании Этнолингвистической комиссии на XVII Международном съезде славистов в Париже (28.08.2025).

Можно сказать со всей определенностью, что в польской этнолингвистике и культурологической лингвистике, как и в российской лингвокультурологии, главенствует *аксиологический подход*, и это постоянно подчеркивается представителями этой отрасли знаний (см.: [Аксиологическая лингвистика 2005; Бартми́нский 2021, с. 4–39]). Достижением когнитивной лингвистики Е. Бартми́нский считает ее целостность, целостный взгляд на мир, на язык и мышление на основе понятия языковой картины мира. Аналогично о целостности взгляда на мир пишут и российские ученые, подчеркивая, что язык и культура рассматриваются как «целостный феномен»¹⁹.

Российская лингвокультурология и этнолингвистика, с одной стороны, и польская этнолингвистика и культурологическая лингвистика, с другой стороны, отмечены спецификой национальных школ и традиций, а также имеют индивидуально-авторские особенности исследовательских подходов и стилей. Тем не менее они глубоко погружены в языковую и социокультурную стихию, имеют общую родословную и теоретическую основу, что обеспечивает их фундаментальный характер и научную достоверность.

Литература

- Аксиологическая лингвистика 2005 – Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. трудов / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. 310 с.
- Алпатов 2014 – *Алпатов В.М.* Что такое картина мира и как до нее добраться // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика. СПб.: Алетейя, 2014. С. 11–21.
- Алпатов 2017 – *Алпатов В.М.* Описание языка и родной язык лингвиста // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2017. № 4. С. 24–35.
- Бартми́нский 2021 – *Бартми́нский Е.* В какой степени этнолингвистика как дисциплина реализует определенную научную парадигму? / пер. с польского яз. В.Г. Кульпиной // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 63 / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 4–39.
- Карасик 2022 – *Карасик В.И.* Языковая лестница познания. М.: Государственный ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. 462 с.

¹⁸ Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów...

¹⁹ Словарь лингвокультурологических терминов. С. 96.

- Карасик 2025 – *Карасик В.И.* Языковые мосты понимания. М.: Гнозис, 2025. 592 с.
- Кибрик 2005 – *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2005. 720 с.
- Кульпина, Татаринов 2012 – *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2012. № 1. С. 82–88.
- Федорова 2018 – *Федорова Л.Л.* Место «Аксиологического лексикона славян и их соседей» среди современных словарей культурных концептов (на примере тома «Дом») // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. T. 4: Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych* / red. S. Niebrzegowska-Bartmińska, J. Szadura, B. Żywicka. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2018. S. 25–43.
- Anusiewicz 1994 – *Anusiewicz J.* Lingwistyka kulturowa: Zarys problematyki. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 180 s.
- Bartmiński 1988 – *Bartmiński J.* Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji // *Bartmiński J. Konotacja* / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1988. S. 169–183.
- Bartmiński 2006 – *Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2006. 318 s.
- Bartmiński 2009 – *Bartmiński J.* Aspects of cognitive ethnolinguistics / ed. by J. Zinken. L.: Equinox, 2009. 250 p. (Advances in cognitive linguistics)
- Bartmiński 2018 – *Bartmiński J.* O założeniach i postulatach lingwistyki kulturowej (na przykładzie definicji PRACY) // *Półrocznik Językoznawczy Tertium (Tertium Linguistic Journal)* 2018. No. 1 (3). P. 26–55. <http://dx.doi.org/10.7592/Tertium.2018.3.1.Bartmiński>
- Kulpina V., Tatarinov V. 2018 – *Kulpina V., Tatarinov V.* [Review of:] “Dictionary of linguocultural terms” as a solution to the current research problem // *Open Journal for Studies in Linguistics*. 2018. No. 1 (1). P. 15–20.
- Pajdzińska A. 2025 – *Pajdzińska A.* Juri Derenikowicz Apresjan, czyli Jak sprostać swoim czasom // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. 2025. T. 37. S. 11–28.
- Sobotka 2025 – *Sobotka P.* Pojęcie i miejsce pragmatyki w koncepcji integralnego opisu języka Jurija Derenikowicza Apresjana // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. 2025. T. 37. S. 29–44.
- Zinken 2009 – *Zinken J.* The ethnolinguistic school of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics // *Aspects of cognitive ethnolinguistics* / ed. by J. Bartmiński. L.: Equinox Publishing, 2009. P. 1–5.

References

- Alpatov, V.M. (2014), “What is it worldview and how to reach it”, in *Yazyk. Konstanty. Peremennye: Pamyati Aleksandra Evgen’evicha Kibrika [Language. Constants. Variables. In memory of Alexander Kibrik]*, Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp, 11–21.

- Alpatov, V.M. (2017), "Description of language and mother language of linguist", *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, no. 4, pp. 24–35.
- Anusiewicz, J. (1994), *Lingwistyka kulturowa: Zarys problematyki* [Linguistic of culture. Feature-story of problems], Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław, Poland.
- Bartmiński, J. (1988), "Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji", in Bartmiński, J., ed., *Konotacja*, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Poland, pp. 169–183.
- Bartmiński, J. (2006), *Językowe podstawy obrazu świata*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Poland.
- Bartmiński, J. (2009), *Aspects of cognitive ethnolinguistics*, Equinox, London, UK. (*Advances in cognitive linguistics*)
- Bartmiński, J. (2018), "O założeniach i postulatach lingwistyki kulturowej (na przykładzie definicji PRACY)", *Półrocznik Językoznawczy Tertium. Tertium Linguistic Journal*, t. 3, no. 1, pp. 26–55. <http://dx.doi.org/10.7592/Tertium.3.1>. Bartmiński.
- Bartmiński, E. (2021), "To what extent ethnolinguistics as a discipline achieves a certain scientific paradigm?", in Krasnykh, V.V. and Izotov, A.I., eds., *Yazyk, soznanie, komunikatsiya: Sbornik statei*, iss. 63, MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 4–39.
- Fedorova, L.L. (2018), "The role of the 'Axiological Lexicon of Slaves' and their neighbours on the background of modern dictionaries. Exemplified by volume 'Dom' ", in Niebrzegowska-Bartmińska, S., Szadura, J. and Żywicka, B., eds., *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów, t. 4, Słownik językowy – leksykon – encyklopedia w programie badań porównawczych*, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, Lublin, Poland, pp. 25–43.
- Karasik, V.I., ed., (2005), *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: Sbornik nauchnykh trudov* [Axiological linguistics. Linguocultural types. Collected articles], Paradigma, Volgograd, Russia.
- Karasik, V.I. (2022), *Yazykovaya lestnitsa poznaniya* [Linguistic stairs of cognition], Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina, Moscow, Russia.
- Karasik, V.I. (2025), *Yazykovye mosty ponimaniya* [Linguistic bridges of comprehension], Gnozis, Moscow, Russia.
- Kibrik, A.E. (2005), *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables in language], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Kulpina, V.G. and Tatarinov, V.A. (2012), "About comparative aspects of Polish cognitive ethnolinguistics" *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, no. 1, pp. 82–88.
- Kulpina, V. and Tatarinov, V. (2018), "[Review] 'Dictionary of linguoculturology terms' as a solution to the current research issue", *Open Journal for Studies in Linguistics*, vol. 1, no. 1, pp. 15–20.
- Pajdzińska, A. (2025), "Juri Derenikowicz Apresjan, czyli Jak sprostac swoim czasem", *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. T. 37, pp. 11–28.

- Sobotka, P. (2025), "Pojęcie i miejsce pragmatyki w koncepcji integralnego opisu języka Jurija Derenikowicza Apresjana", *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*, T. 37, pp. 29–44.
- Zinken, J. (2009), "The ethnolinguistic school of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics", in Bartmiński, J. ed., *Aspects of cognitive ethnolinguistics*, Equinox Publishing, London, UK, pp. 1–5.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 51/21, Nachimowskij Av., Moscow, Russia, 117418; vgrkulpina@mail.ru

УДК 81'25(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-150-162

Современные тенденции в российском переводоведении

Наталья И. Рейнгольд

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalya.reinhold@gmail.com*

Аннотация. В статье освещается ситуация в отечественной науке о переводе в период 1990–2010-х гг. Определяющую тенденцию автор видит в фактах сосуществования в одном научном поле лингвистической теории перевода, традиционной для отечественной науки, и переводоведения, – междисциплинарного направления, сложившегося в описываемый период. Автор рассматривает термин «переводоведение» как заимствование в форме кальки с английского словосочетания “Translation Studies”; устанавливает первоисточник употребления данного научного понятия в историко-гуманитарном контексте; определяет значение, в котором оно было воспринято российскими специалистами в области перевода. В обзоре научных публикаций российских переводоведов 1990–2010-х гг. автор статьи выделяет три основных направления: развитие лингвистической теории перевода, междисциплинарные исследования перевода и процесс ассимиляции концепций западного переводоведения. В частности, автор останавливается на научных трудах Н.В. Иванова, И.В. Убоженко, В.И. Шадрина и др., которые способствовали внедрению междисциплинарного подхода в изучение перевода на стыке семиотики и культурологии. В результате проведенного анализа выявлена необходимость издания на русском языке корпуса научных переводов наиболее значимых трудов по зарубежному переводоведению 1970–2000-х гг. и специального словаря переводоведческой терминологии.

Ключевые слова: переводоведение, теория перевода, национальные школы, междисциплинарный подход, ассимилирование научных концепций

Для цитирования: Рейнгольд Н.И. Современные тенденции в российском переводоведении // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 150–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-150-162

© Рейнгольд Н.И., 2025

Current trends in Russian Translation Studies

Natalya I. Reinhold

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, natalya.reinhold@gmail.com*

Abstract. The article focuses on the state of things in the field of Russian Translation Studies in the 1990s and 2010s. The author assumes that the definitive tendency has been the coexistence of linguistic theory of translation as a traditional one for the Russian humanities, and Translation Studies as the interdisciplinary approach to translation research as it shaped itself in the given period. The term “perevodovedeniye” is considered to be a calque borrowing from English “translation studies”. Also, the primary source of the original notion is referred to and contextualized, and the special meaning of its Russian counterpart is defined. Three trends are explicated in the author’s survey of the theses and publications of the Russian Translation Studies scholars of the period in question. First, the recent developments within the framework of linguistic theory of translation are highlighted. Second, the interdisciplinary research projects are indicated. Third, the process of assimilating the Western Translation Studies concepts is outlined. In particular, the scholarly works of N.V. Ivanov, I.V. Ubozhenko and V.I. Shadrin, et al are referred to as the mainstream contributions to the shaping up of the interdisciplinary approach to translation research at the crossroads of linguistics, semiotics and cultural studies. By way of concluding, there is stated the urgent need of publishing the Russian translations of the most important works of foreign translation scholars of the 1970s and 2000s, alongside compiling a special dictionary of Translation Studies terminology.

Keywords: Translation Studies, translation theory, national research schools, interdisciplinary approach, assimilating scholarly concepts

For citation: Reinhold, N.I. (2025), “Current trends in Russian Translation Studies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 150–162, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-150-162

Введение

В статье рассматриваются изменения в направлениях развития российского переводедения как науки и области высшего образования, произошедшие за последние 25–30 лет.

Некоторое время назад автор выступила приглашенным составителем и редактором международного сборника статей о российском переводедении [Reinhold, Dolerup 1998]. С тех пор научное поле изменилось существенным образом.

До середины 1990-х гг. в отечественной науке и высшей школе было принято называть раздел сравнительного языкознания, изучавший вопросы перевода, «теорией перевода». Как известно, первый по времени появления (не только в советской лингвистической, но и мировой науке) труд по научному обоснованию перевода принадлежит Андрею Венедиктовичу Федорову [Федоров 1953]¹. Понятие же «переводоведение» российские специалисты по переводу использовали с начала 1990-х гг., когда стали участвовать в международных конференциях, конгрессах, посвященных вопросам исследования и преподавания перевода. Официальное употребление термин «переводоведение» получил с введением во второй половине 1990-х гг. в образовательные программы высших учебных заведений страны пятилетней специализации, а затем и специальности «Перевод и переводоведение». Наряду с дисциплинами по теории, истории и критике перевода как составными частями сравнительного языкознания, которые традиционно преподавались в нескольких специальных высших учебных заведениях, например, в МГПИИЯ им. Мориса Тореза и Военном институте иностранных языков, появились десятки переводческих (коммерческих) специализаций в разных вузах. Это нововведение породило большие сомнения у опытных специалистов в области теории и практики перевода относительно качества обучения иностранным языкам, собственно профессиональному переводу, критериев качества обучения, базовых основ новых учебных планов и, разумеется, научных оснований специализации, в наименование которой была включена новая языковая единица «переводоведение».

Небольшая справка. Заимствование «переводоведение» – калька с английского “Translation Studies”. История и значение этого словообразования примечательны. Его впервые предложил в качестве наименования новой научной области американский переводчик Джеймс С. Холмс в своей работе «Определение и природа переводоведения» (The Name and Nature of Translation Studies) [Holmes 2000]. Считается, что западное переводоведение как наука, область научных исследований перевода берет свое начало именно с этой работы Дж.С. Холмса. Благодаря ей, как водоразделу, донаучное изучение перевода сменилось научно корректным исследованием перевода в различных его видах и проявлениях.

В основу монографической статьи Холмса лег одноименный доклад, с которым он выступил в 1972 г. на III Международном конгрессе прикладной лингвистики в Копенгагене. В своем вы-

¹ См. также: *Федоров А.В.* Введение в теорию перевода: [Учеб. пособие для ин-тов иностр. яз.]. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1953.

ступлении Холмс призвал выделить новую научную дисциплину и назвать ее переводоведением (Translation Studies) [Holmes 2000, p. 175]. Холмс выдвинул аргументы в пользу основания переводоведения как отдельной дисциплины, систематизировал области переводоведческих исследований, предложив под переводоведением (Translation Studies) понимать следующее: “Translation studies is to be understood as a collective and inclusive designation for all research activities taking the phenomena of translating and translation as their basis of focus”² [Holmes 2000, p. 176]. Э. Прунч, автор монографии «Пути развития западного переводоведения», полагает, что в своем докладе Д. Холмс «провидчески наметил контуры науки, предвосхитив ее будущее развитие» [Прунч 2015, с. 254].

Сегодня, спустя 30 лет после появления и закрепления в отечественном узусе термина «переводоведение», важно отметить, по крайней мере, два обстоятельства. «Переводоведение» как отдельная научная специальность так и не вошла в перечень специальностей ВАК. То есть не получила статус научной квалификации. Во-вторых, этот термин не заменил и не отменил традиционное для отечественной науки наименование «теория перевода». Спустя 30 лет оба наименования сосуществуют, причем каждое сохраняет свои значение и импликации. Заведомо упрощая, можно сказать: теория перевода означает область сравнительного языкознания, ответвление лингвистики, тогда как переводоведение носит междисциплинарный характер. Часто под термином «переводоведение», как под большим зонтиком, собирательно подразумевают различные междисциплинарные исследования: историко-культурное переводоведение (Ю.Д. Левин, О.Б. Кафанова), международные литературные связи (В.Е. Багно), сравнительное литературоведение (П.М. Топер), гендерные исследования перевода (А.В. Ачкасов, А.В. Кирилина) и т. д.

В таком параллельном сосуществовании нескольких направлений изучения перевода можно увидеть осевую тенденцию современной российской науки: эклектическое сочетание традиционализма лингвистического изучения перевода как аспекта сравнительного языкознания, традиционализма филологического подхода к изучению перевода как объекта сравнительного литературоведения и эмпирики междисциплинарных исследований, представляющих собой разнообразный опыт изучения перевода вне чисто лингвистических или литературоведческих, филологических подходов.

² См. перевод с английского: «Под “переводоведением” следует понимать общее наименование всех научных исследований, чьим предметом является процесс и продукт перевода» [Прунч 2015, с. 254].

В этом общем контексте рассмотрим частные тенденции последних двух или трех десятилетий.

Тенденции в развитии лингвистической теории перевода

К ним можно отнести научные проекты, сложившиеся на базе Военного университета и РГГУ. Исследования лингвистов в области теории перевода, которые последние 20–25 лет ведутся в Военном университете, носят междисциплинарный характер, на стыке семиотики и культурологии. Среди наиболее репрезентативных работ следует назвать докторскую диссертацию Н.В. Иванова «Символическая функция языка в аспектах семиогенезиса и семиозиса» [Иванов 2002а] и его монографию [Иванов 2002б]. Ученый-лингвист заявляет, что целью его исследования служит всестороннее описание символической реальности языка как логического процесса развития языкового символизма (семиогенезиса), трансформирующегося в опыт семантического функционирования, или семиозис [Иванов 2002а, с. 1]. Н.В. Иванов подчеркивает свою солидарность со сторонниками символической и семиотической школ в современной культурологии, такими как Э. Кассирер (Ernst Cassirer), К. Леви-Стросс (Claude Lévi-Strauss), Ю.М. Лотман, Вяч. Вс. Иванов, Б.А. Успенский и др. Примечательно, что современные переводоведческие исследования Н.В. Иванова основаны на его ранней работе по языкознанию «Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка)» [Иванов 1994].

В РГГУ последователи академика Вяч.Вс. Иванова занимаются изучением вербально-невербальных аспектов знака и проблемой «трансмутации, или межсемиотического вида перевода», впервые выделенной Р. Якобсоном в его статье «О лингвистических аспектах перевода» [Jakobson 2000; Якобсон 1978]. Данное направление в современном отечественном переводоведении – одно из наиболее динамично развивающихся в области киноперевода и разных видов адаптации³ [Покидышева 2007].

³ Под «адаптацией» имеется в виду заимствованное из английского языка узко трактуемое понятие обработки текста средствами разных медиа. См. «теорию адаптации» канадской исследовательницы Л. Хатчен [Hutcheon 2006].

Междисциплинарный подход к описанию, обзору и анализу национальных школ переводоведения

Современные российские переводоведы в курсе существующих в мире переводоведческих школ. Определения «скопос-теория», «гендерные исследования в переводоведении», «перформативный аспект перевода драмы», «культурный поворот» и т. д., наряду с персоналиями Ханса Фермеера (Hans J. Vermeer), Луизы фон Флотов (Luise von Flotow), Сьюзан Баснетт (Susan Bassnett), Андре Лефевра (другое написание – Лефевера) (André Lefevere) и многих других западных переводоведов, встречаются в докторских и кандидатских диссертационных исследованиях. Но, видимо, эти сведения имеют исключительно узкоспециальное хождение среди специалистов по современному переводоведению. Переводов на русский язык теоретических трудов вышеупомянутых авторов нет. Последнее обстоятельство имеет, по крайней мере, два отрицательных последствия для развития современного отечественного переводоведения. Магистранты и аспиранты, обучающиеся по научной специальности «сравнительное языкознание» (история, теория и критика перевода), лишены качественных научно-практических пособий (хрестоматий, курсов лекций, сборников научных статей и т. д.) по актуальным проблемам современного переводоведения. Второе негативное последствие – это отсутствие общей устоявшейся терминологической базы понятий, специфических для различных научных школ западного или восточного переводоведения. Часто одно и то же понятие передается на русский язык разными авторами по-разному: например, «видимость/невидимость переводчика» и «заметность/незаметность переводчика» (translator's in/visibility); «описательное переводоведение» и «дескриптивное переводоведение» (descriptive translation studies) и т. д. Передача же персоналий в переводе на русский язык часто являет собой хаотическую картину имен, транскрибированных или транслитерированных по желанию автора конкретной работы.

На фоне такого положения дел обращает на себя внимание основательный исследовательский проект, запущенный на рубеже 1990-х и 2000-х гг. ныне покойным Виленом Наумовичем Комиссаровым, долгие годы возглавлявшим кафедру теории, истории и критики перевода в МГПИИЯ им. М. Горького (ныне МГЛУ). Актуальность проекта состояла в изучении опыта национальных школ переводоведения в Великобритании, Франции, Канаде и США. Проект вылился в написание и защиту трех кандидатских диссертаций: «Теоретические основы лингвистического переводоведения в Великобритании» И.В. Убоженко [Убоженко 2000],

«Концептуально-историческое исследование переводоведения в США» О.Н. Полютовой [Полютова 1999] и «Современное переводоведение Франции и Канады (концептуально-историческое исследование)» И.В. Калинина [Калинин 1999].

Согласно Убоженко, современное состояние переводоведения, разнообразного по теоретическим концепциям и методам исследования, ставит актуальную задачу анализа и оценки перевода как продукта и как процесса переводческой деятельности [Убоженко 2000, с. 1].

Ввиду недоступности переводов на русский язык текущих британских исследований по переводоведению⁴, Убоженко в своей диссертации предлагает обзор прошлого и настоящего британского переводоведения, выделяя в качестве основных направлений лингвистическое, эмпирическое и интегративное и высоко оценивая вклад Питера Ньюмарка (Peter Newmark) и Мэри Снелл-Хорнби (Mary Snell-Hornby) в британскую и мировую науку [Убоженко 2000, с. 6–7]. Автор диссертации обосновывает свой выбор тем, что П. Ньюмарк, по ее мнению, – убежденный сторонник смыслового способа перевода, а подход М. Снелл-Хорнби представляет собой интегративный метод, основанный на концепции прототипологии текста [Убоженко 2000, с. 22–23]. Расширенная версия диссертации И.В. Убоженко легла в основу ее монографии «Зарубежное переводоведение. Великобритания» [Убоженко 2014].

В своей диссертации «Концептуально-историческое исследование переводоведения в США» О.Н. Полютова делает обзор состояния переводоведческой науки в США, выявляя наиболее значимые, с ее точки зрения, направления и теоретические подходы. К последним она относит этнографические, культурно-религиозные (Eugene Nida, John Beekman, John Callow, Richard K. Larson, Ellis W. Deibler), литературно-критические (Ezra Pound, I.A. Richards, Reuben A. Brower, William Arrowsmith и др.), лингвистические (Roman Jakobson, John R. Ross, Joseph L. Malone и др.) и культурно-идеологические (Lawrence Venuti, André Lefevre, Douglas Robinson, Eric Cheyfitz и др.) концепции как наиболее характерные для американского переводоведения. Отдельную главу Полютова посвящает «религиозно-культурологическому» подходу, принятому в работах Ю. Найда, Дж. Бикмана, Дж. Кэллоу, Р.К. Ларсона и др., как наиболее взвешенному. Ее высокая оценка связана с концепцией «динамической эквивалентности», разрабо-

⁴ На момент подготовки диссертационного исследования исключение составляли работы Ю. Найда «К науке переводить» [Найда 1978] и Катарины Райс «Классификация текстов и методы перевода» [Райс 1978].

танной Ю. Найда в качестве методологии исследования переводного текста на основе корпуса переводов Библии на разные языки мира в различных историко-культурных контекстах.

В своем обзоре современного переводоведения Франции и Канады И.Н. Калинин выделил лингвистическое, психологическое и прагматическое направления как наиболее значимые в научном пространстве обеих стран. Особое внимание автор диссертации обратил на переводоведческие проекты, связанные с терминологическими базами данных в условиях двуязычия.

Монография Н.С. Автономовой «Познание и перевод» [Автономова 2008] посвящена эпистемологическим, когнитивным и междисциплинарным сторонам перевода. Она знакомит читателя с актуальной проблематикой западного переводоведения, в частности, исследованием проблемы непереводаемости с точки зрения «универсальных и специфических концептов культурной идентичности» [Автономова 2008, с. 620–640].

Отметим и относительно недавние попытки заполнить существующие лакуны в переводах научных работ и упорядочить русскую орфографию иностранных персоналий. В частности, авторы перевода и редактор русского издания монографии австрийского переводоведа Эриха Прунча «Пути развития западного переводоведения» составили указатель имен иностранных переводоведов на русский язык [Прунч 2015, с. 474–490] в попытке упорядочить и закрепить научно корректную форму написаний персоналий. В 2022 г. вышло электронное издание сборника работ по переводоведению, в который вошли полнотекстовые или сокращенные переводы ряда известных мировому сообществу научных работ по переводоведению [Рейнгольд и др. 2022].

Тенденция к ассимиляции западной теории переводоведения

Данная тенденция видна в повышенном интересе российских ученых к переводческим аспектам гендерной теории. Так, А.В. Ачкасов замечает в статье «Перевод и гендер: к постановке вопроса», что гендерные аспекты перевода с 1970-х гг. представляли особый интерес для феминистской школы критики, поскольку перевод мыслился ими как возможность женщинам получить доступ в мир литературы, а работа с текстом представлялась особым видом перевода как переписывания (rewriting). В последнее десятилетие, писал Ачкасов в 2005 г., вопрос «гендера и перевода» перешел из разряда проблем феминистской критики в область художествен-

ного перевода, лингвистики перевода, устного последовательного перевода и т. д. [Ачкасов 2005].

О значимости данной тенденции, сложившейся в русле психолингвистики и когнитивистики, говорит и проведение в начале 2000-х гг. в Московском государственном лингвистическом университете международной конференции по гендерной лингвистике, а также открытие лаборатории по исследованию гендера.

Другая область западного переводоведения, привлекающая внимание отечественных специалистов, это скопос-теория. Например, В.И. Шадрин в своих работах «Теория Skopos в современном переводоведении» [Шадрин 1999] и «Параллельный текст как объект переводоведения» [Шадрин 2005] подробно разбирает труды Х. Фермеера и К. Райс, полагая, что они составляют корректную научную основу для рассмотрения некоторых проблем, относящихся к текстологическим ограничениям и роли параллельных текстов для описания переводческих стратегий.

Использование Шадриним концепций западных переводоведов вызывает вопросы употребления специальной терминологии. Насколько вводимый понятийный аппарат совпадает с похожими по форме и при этом далекими по смыслу терминами иностранных переводоведов? Так, указывает Шадрин, он понимает под «параллельными текстами» «тексты на двух языках, обладающие одинаковой степенью информативности и созданные в идентичных коммуникативных ситуациях» [Шадрин 2005, с. 451], тогда как определение «параллельный текст» «в корпусной лингвистике ... относится лишь к корпусу оригинальных текстов и их переводов на другие языки» [Шадрин 2005, с. 451]. Понятие же «параллельный перевод» (*parallel translation*) в западном переводоведческом лексиконе означает «процесс... близкий к обратному переводу, при котором исходный текст переводится синхронно на несколько различных целевых языков» [Shuttleworth, Cowie 1999, pp. 120–121].

Подобные случаи терминологических расхождений наводят на мысль о назревшей необходимости создания специального многоязычного словаря русских соответствий современной переводоведческой терминологии с научно корректной понятийной базой.

Заключение

Результатом краткого обзора современных тенденций в российском переводоведении служит следующий вывод. Динамика развития современного российского переводоведения связана с изданием на русском языке корпуса научных переводов наиболее значимых

трудов по зарубежному переводоведению 1970–2000-х гг. и специального словаря переводоведческой терминологии.

Литература

- Автономова 2008 – *Автономова Н.С.* Познание и перевод: Опыт философии языка. М.: РОССПЭН, 2008. 704 с. (Humanitas)
- Ачкасов 2005 – *Ачкасов А.В.* Перевод и гендер: к постановке проблем // Университетское переводоведение: Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 39–45.
- Иванов 1994 – *Иванов Н.В.* Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 90–96.
- Иванов 2002а – *Иванов Н.В.* Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 377 с.
- Иванов 2002б – *Иванов Н.В.* Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Мн.: ПроPILEI, 2002. 175 с.
- Калинин 1999 – *Калинин И.В.* Современное переводоведение Франции и Канады: Концептуально-историческое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 23 с.
- Найда 1978 – *Найда Ю.* К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В.Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978. С. 114–136.
- Покидышева 2007 – *Покидышева С.Н.* Киноадаптация литературного произведения как объект филологического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 19 с.
- Полутова 1999 – *Полутова О.Н.* Концептуально-историческое исследование переводоведения в США: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 24 с.
- Прунч 2015 – *Прунч Э.* Пути развития западного переводоведения: От языковой асимметрии к политической / под науч. ред. Н. Рейнгольд; пер. с немецкого С. Архипова, О. Кашкиной, О. Боковой, С. Семочко, В. Шубина. М.: Р. Валент, 2015. 512 с.
- Райс 1978 – *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В.Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978. С. 202–222.
- Рейнгольд и др. 2022 – Судьбы переводчиков и переводов в зеркале русской и европейской истории: Статьи, тексты, комментарии: Сб. научных публикаций / под общ. ред. Н.И. Рейнгольд, М.А. Смирновой, В.В. Шубина. М.: РГГУ, 2022. 423 с.
- Убоженко 2000 – *Убоженко И.В.* Теоретические основы лингвистического переводоведения в Великобритании: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 283 с.

- Убоженко 2014 – *Убоженко И.В.* Зарубежное переводоведение: Великобритания. М.: Р. Валент, 2014. 236 с.
- Федоров 1953 – *Федоров А.В.* Лингвистические основы учения о переводе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания Академии наук СССР. Л., 1953. 20 с.
- Шадрин 1999 – *Шадрин В.И.* Теория skopos в современном переводоведении // Актуальные проблемы теории и практики перевода: Материалы XXVIII межвузовской конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 5. СПб., 1999. С. 5–10.
- Шадрин 2005 – *Шадрин В.И.* Параллельный текст как объект переводоведения // Университетское переводоведение: Материалы VI Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 450–455.
- Якобсон 1978 – *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Holmes 2000 – *Holmes J.S.* The name and nature of translation studies (orig. 1972) // The Translation Studies reader / ed. by L. Venuti. L.: Routledge, 2000. P. 172–185.
- Hutcheon 2006 – *Hutcheon L.* A theory of adaptation. L.: Routledge, 2006. 232 p.
- Jakobson 2000 – *Jakobson R.* On linguistic aspects of translation (orig. 1959) // The Translation Studies reader / ed. by L. Venuti. L.: Routledge, 2000. P. 113–118.
- Reinhold, Dolerup 1998 – Perspectives. Studies in translatology / ed. by N.I. Reinhold, C. Dollerup, H. Gottlieb, V.H. Pedersen. Copenhagen: Museum Tusulanum Press: University of Copenhagen, 1998. 144 p.
- Shuttleworth, Cowie 1999 – *Shuttleworth M., Cowie M.* Dictionary of Translation Studies. Repr. ed. Manchester: ST. Jerome Pub., 1999. 233 p.

References

- Achkasov, A.V. (2005), “Translation and gender: key issues”, *Universitetskoe perevodovedenie: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po perevodovedeniyu «Fedorovskie chteniya»* [University translation studies. Proceedings of the 6th International Scholarly Conference on Translation Studies dedicated to A.V. Fedorov], iss. 6, Izdatel'stvo SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 39–45.
- Avtonomova, N.S. (2008), *Poznanie i perevod: Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Essays in philosophy of language], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Fedorov A.V. (1953), *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o perevode* [Linguistic background of translation theory], D. Sc. Thesis (Philology), Leningrad, SSSR.
- Holmes, J.S. (2000), “The name and nature of translation studies”, in Venuti, L., *The Translation Studies reader*, Routledge, London, UK, pp. 172–185.
- Hutcheon, L. (2006), *A theory of adaptation*, Routledge, London, UK.

- Ivanov N.V. (1994), "The semantic function of article: An essay in logic and philosophical analysis (based on the Portuguese language)", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 90–96.
- Ivanov, N.V. (2002), *Problemye aspekty yazykovogo simbolizma (opyt teoreticheskogo rassmotreniya)* [The problem aspects of language symbolism: An essay in theory analysis, Propilei, Minsk, Belarus.
- Ivanov, N.V. (2002), *Simvolicheskaya funktsiya yazyka v aspektakh semiogeneza i semiozisa* [The symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis], D. Sc. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Jakobson, R. (1959), "On linguistic aspects of translation", in *Venuti, L., The Translation Studies reader*, Routledge, London, UK, pp. 113–118.
- Kalinin, I.V. (1999), *Sovremennoe perevodovedenie Frantsii i Kanady: Kontseptual'no-istoricheskoe issledovanie* [The current Translation Studies in France and Canada: The study of the historical and theoretical background], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Nida, E. (1978), "Towards the science of translating", in Komissarov, V.N., ed., *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [The problems of the theory of translation in foreign linguistics], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR, pp. 114–136.
- Pokidyseva, S.N. (2007), *Kinoadaptatsiya literaturnogo proizvedeniya kak ob'ekt filologicheskogo issledovaniya* [Screen adaptation of a literary text as the object of philological research], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Polyutova, O.N. (1999), *Kontseptual'no-istoricheskoe issledovanie perevodovedeniya v SShA* [The study of the historical and theoretical background of Translation Studies in the USA], Abstract of Ph.D. dissertation (Philology), Moscow, Russia.
- Prunč, E. (2015), *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya: Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi* [Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht], R-Valent, Moscow, Russia.
- Reinhold, N.I., Dollerup, C., Gottlieb, H. and Pedersen, V.H., eds. (1998), *Perspectives. Studies in translatology*, Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark.
- Reinhold, N.I. et al., eds. (2022), *Sud'by perevodchikov i perevodov v zerkale russkoi i evropeiskoi istorii: Stat'i, teksty, kommentarii: Sbornik nauchnykh publikatsii* [Translators and translations through the lens of Russian and European history], RGGU, Moscow, Russia.
- Reiss, K. (1978), "Text typology and the methods of translation", *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [The problems of the theory of translation in foreign linguistics], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR, pp. 202–222.
- Shadrin, V.I. (1999), "Theory Skopos in current Translation Studies", in *Aktual'nye problemy teorii i praktiki perevoda: Materialy XXVIII Mezhvuzovskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov* [Actual problems of translation theory and practice. Proceedings of the 28th Inter-Institutional Conference of the academics and students], iss. 5, Saint Petersburg, Russia, pp. 5–10.

- Shadrin, V.I. (2005), "Parallel text as an object of Translation Studies", in *Universitetskoe perevodovedenie: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po perevodovedeniyu "Fedorovskie chteniya"* [University translation studies. Proceedings of the 6th International Scholarly Conference on Translation Studies dedicated to A.V. Fedorov], iss. 6, Izdatel'stvo SPbGU, Saint Petersburg, Russia, pp. 450–455.
- Shuttleworth, M. and Cowie, M. (1999), *Dictionary of Translation Studies*, ST. Jerome Pub., Manchester, UK.
- Ubozhenko, I.V. (2000), *Teoreticheskie osnovy lingvisticheskogo perevodovedeniya v Velikobritanii* [The theoretical background of the linguistics-oriented approach to Translation Studies in Britain], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow, Russia.
- Ubozhenko, I.V. (2014), *Zarubezhnoe perevodovedenie: Velikobritaniya* [Foreign Translation Studies: Great Britain], R. Valent, Moscow, Russia.
- Yakobson, R. (1978), "On linguistic aspects of translation", in *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike* [The problems of the theory of translation in foreign linguistics], *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, USSR, pp. 16–24.

Информация об авторе

Наталья И. Рейнгольд, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; natalya.reinhold@gmail.com

Information about the author

Natalya I. Reinhold, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; natalya.reinhold@gmail.com

Инструментальное изучение ларингальных характеристик гласных слононосителей в иранских языках: вызовы, преимущества и результаты

Любовь Г. Силантьева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, lybovsilantieva@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена результатам инструментального исследования работы ларинкса с целью определения взаимосвязи ларингальных (характеризующих колебания гортани и голосовых складок) и акустических (частота основного тона, длительность и интенсивность) свойств гласных звуков в иранских языках с их ударностью. Методологическую базу исследования составили экспериментальный и статистический анализ, а также сравнительный подход. В качестве материала использованы студийные записи речи на иранских языках, полученные с использованием микрофона и электроглоттографа. Данный инструмент позволяет неинвазивно оценивать степень смыкания голосовых связок во время фонации и артикуляции звуков. При записи речи акустический и ларингальный сигналы записываются отдельно, что позволяет повысить качество анализируемых материалов и отделить речевой поток от посторонних внешних шумов. В исследовании приняли участие носители персидского (трое мужчин и три женщины), гильякского (три женщины) и ваханского (двое мужчин и две женщины) языков. Параметры гласных проанализированы с помощью программы речевого анализа Praat и статистически обработаны в программе IBM SPSS Statistics. Результаты показали, что в обследованных языках ударный слог маркируется различными средствами. Ударный гласный в персидском языке характеризуется одновременным повышением частоты основного тона и снижением инфразвуковой частоты колебаний гортани (ларингальный коррелят). В гильякском языке ключевую роль в маркировании ударности гласного играет длительность, несколько менее регулярно – повышение частоты основного тона и интенсивности, обнаружен также ларингальный коррелят – амплитуда вертикального смещения гортани. Ударение в ваханском языке имеет многокомпонентную природу, сочетая ведущие количественный и тонический компоненты с динамическим, помимо этого, значимо связана с ударением амплитуда вертикального движения гортани (ларингальный коррелят).

© Силантьева Л.Г., 2025

Ключевые слова: персидский, гилякский, ваханский, ударение, ларинкс, голосовые связки

Для цитирования: Силантьева Л.Г. Инструментальное изучение ларингальных характеристик гласных слононосителей в иранских языках: вызовы, преимущества и результаты // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 163–186. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-163-186

Instrumental study of laryngeal characteristics of vowel syllable nuclei in Iranian languages. Challenges, advantages, and results

Liubov' G. Silanteva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
lyubovsilantieva@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the results of an instrumental study of the larynx work in order to determine the correlation between laryngeal (characterizing larynx and vocal folds vibrations) and acoustic (pitch frequency, duration and intensity) properties of vowels and stress in Iranian languages. The methodological basis of the study is experimental and statistical analysis, as well as a comparative approach. The material used was studio recordings of speech in Iranian languages, obtained using a microphone and an electroglottograph. That tool allows non-invasive assessment of the degree of the vocal cords closure during phonation and sound articulation. When recording speech, the acoustic and laryngeal signals are registered separately, which improves the quality of the analyzed materials and separates the speech flow from extraneous noises. Native speakers of Persian (three men and three women), Gilaki (three women) and Wakhi (two men and two women) took part in the study. The vowel parameters were analyzed using the Praat speech analysis program and statistically processed in the IBM SPSS Statistics program. The results showed that in the languages examined, stressed syllables are marked by different means. The stressed vowel in Persian is marked by an increase in pitch and decrease in infrasonic frequency of laryngeal oscillations (laryngeal correlate). In Gilaki duration plays a key role in marking vowel stress, somewhat less regularly – an increase in the frequency of the pitch and intensity, a laryngeal correlate has also been discovered – the amplitude of the vertical displacement of the larynx. Wakhi stress proved to be multicomponent, combining the leading quantitative and tonic components with a dynamic one; in addition, the amplitude of the vertical movement of the larynx (laryngeal correlate) is significantly related to stress.

Keywords: Persian, Gilaki, Wakhi, stress, larynx, vocal cords

For citation: Silanteva, L.G. (2025), “Instrumental study of laryngeal characteristics of vowel syllable nuclei in Iranian languages: challenges, advantages, and results”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 163–186, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-163-186

Введение

Человеческая речь представляет собой сложный многоуровневый процесс, который начинается с формирования в дыхательной системе (легкие, бронхи, трахея, диафрагма) воздушного потока, необходимого для вибрации голосовых складок; продолжается его последующей модуляцией в фонационной системе (гортань и голосовые связки), что приводит к генерации первичного звукового сигнала – фонации; и завершается в артикуляционной системе, где органы артикуляции (язык, губы, зубы, твердое и мягкое небо, небный язычок, носовая полость) изменяют форму и размер резонаторных полостей и обеспечивают формирование конкретных звуков речи.

Таким образом, ларинкс и голосовые связки выступают одним из ключевых элементов речевого аппарата, посредством своих высокочастотных квазипериодических колебаний преобразуют воздушный поток, создавая основу для всего многообразия звуков речи.

Следственно, детальное понимание механизмов функционирования гортани в целом и голосовых складок в частности является не только фундаментальной задачей физиологии и биофизики, но и значимым фактором для развития теоретической и прикладной лингвистики, включая фонетику и фонологию, а также инженерных и компьютерных областей, связанных с речевыми технологиями.

Изучение работы речевого аппарата, включая ларинкс, прошло долгий путь от первых анатомических описаний до современных инструментальных методов. Значимым шагом в инструментальном изучении и визуализации гортани стало изобретение М. Гарсия ларингоскопа в середине XIX в., что позволило впервые наблюдать голосовые складки в действии.

Ранние попытки акустического анализа, в том числе спектрография, хотя и предоставили важные сведения о звуке, не могли напрямую раскрыть механизмы его генерации на уровне гортани, а также обеспечить представление качественных и количественных характеристик движений ларинкса при его произнесении.

Значительный прорыв в методах описания работы ларинкса связан с интенсивным внедрением в экспериментальные исследо-

вания компьютерных технологий, начавшимся во второй половине XX в. Использование ларингостробоскопии, рентгенографии, магнитно-резонансной томографии, высокоскоростной цифровой видеоэндоскопии и видеокимографии, фото- и электроглоттографии, ультразвуковых исследований и др. аппаратуры позволило значительно повысить точность и объективность данных о колебаниях гортани и голосовых связок.

Несмотря на дальнейшее развитие, значительные достижения и изобретение новых методов исследования, изучение движения гортани и голосовых складок долгое время проводилось преимущественно в медицинских целях.

За последние годы многие аспекты деятельности речевых органов были описаны с помощью данных аппаратов и установок, но до сих пор сохраняется большое количество вопросов относительно процессов артикуляции, в частности звуков, формируемых с помощью органов речи, находящихся в глубине речевого тракта, и взаимосвязи их акустических и ларингальных характеристик.

Данная проблема относится в том числе к исследованию иранских языков, включая наиболее изученный из них – персидский, что и определяет актуальность данного исследования.

За годы исследования иранских языков накоплен значительный лингвистический материал. При этом, сохраняется очевидная неравномерность в изучении этих языков, в том числе в части их фонетического строя и просодических особенностей. Это в значительной степени относится к экспериментальным исследованиям, которые преимущественно проводятся на материале персидского языка. Следовательно, прослеживается необходимость проведения комплексных экспериментальных исследований менее широко распространенных иранских языков.

Проведенные ранее экспериментальные акустические исследования обнаружили, что в мазандеранском [Иванов 2014], персидском [Иванов 1996; Иванов 1972; Иванов 2012; Поляков 1988; Силантьева 2022; Силантьева 2023] и таджикском [Хаскашев 1983] языках ударный гласный слогоноситель маркируется частотой основного тона (тоническое ударение).

Другие иранские языки, исследованные с применением методов экспериментальной фонетики, демонстрируют более сложную просодическую структуру и характеризуются многокомпонентным ударением:

- язык абьянеи – ведущий фактор – длительность, также присутствуют тонический и динамический компоненты [Иванов 2011; Ivanov, Dodykhudoeva 2010];

- ваханский язык – квантитативно-тоническое ударение со значимым динамическим компонентом [Силантьева 2025b; Ivanov, Silanteva 2023];
- гилякский язык – тоно-динамическое ударение [Иванов 2015], на основании последних данных уточнено до квантитативно-го со значимыми тоническим и динамическим компонентами [Силантьева 2025a];
- язык гявруни – для диалекта Кермана ведущий фактор – длительность, также присутствуют значимые тонический и динамический компоненты, для диалекта Йезда характерно квантитативно-динамико-тоническое ударение [Иванов 2009];
- язык дари – квантитативное ударение со значимыми психоакустическими тоническим и динамическим компонентами [Иванов 1996; Иванов 2012; Иванов 1988];
- осетинский язык – предположительно количественное ударение, требует уточнения [Дзахова 2010; Дзахова 2014];
- язык пушту – квантитативно-спектральное ударение [Ivanov 2001]¹;
- сарыкольский язык – квантитативное ударение со значимым тоническим компонентом [Иванов 2008].

Особенности работы ларинкса и голосовых связок при фонации и артикуляции ударных и безударных гласных слогоносителей в иранских языках исследовались на материале ваханского, гилякского и персидского языков ранее не исследовались.

Комплексное исследование акустических и артикуляторных параметров слогоносителей в иранских языках с акцентом на роль гортани и голосовых связок в процессе маркирования просодической выделенности иранских гласных проведено впервые (подробнее об этапах исследования см.: на ваханском материале – [Иванов, Силантьева 2019; Силантьева 2025b; Ivanov, Silanteva 2020; Ivanov, Silanteva 2023]², на гилякском материале – [Силантьева 2025a], на персидском материале – [Силантьева 2022; Силантьева 2023; Силантьева 2024]³).

¹ См. также: *Тарбеева Н.М.* Экспериментальное изучение словесного ударения в языке пашто. М.: ИСАА МГУ, 2010.

² См. также: *Silanteva L.G.* Multielement structure of Wakhi stress in the Pamir region // 9th International Conference on Iranian Linguistics (ICIL 9). Vienna, 2020. P. 35–36.

³ См. также: *Silanteva L.G.* Acoustic-glottographic correlates of prosody in Persian speech // Conference Abstracts. 10th European Conference of Iranian Studies (ECIS 10). Leiden, 2023. P. 179; *Idem.* Mechanisms of larynx and vocal cords work in Persian speech production // 10th International Conference on Iranian Linguistics (ICIL 10). Viterbo, 2025. P. 54–55.

С точки зрения генетической принадлежности исследуемые языки относятся к разным подгруппам иранских языков.

Персидский язык – ведущий по числу носителей и наиболее широко распространенный язык иранской группы, традиционно причисляется к юго-западной подгруппе (или западной согласно гипотезе [Korn 2016; Korn 2019]).

На современном этапе исследований отечественная, иранская и западная школы разделяют мнение, что акустически персидское ударение является тоническим [Иванов 1996; Abolhasanizadeh et al. 2012; Natel Khanlari 1959]. В этой связи фокус исследования был смещен на ларингальные параметры персидских гласных в ударной и безударной фонетической позиции.

Гилякский язык принадлежит к прикаспийским языкам, которые традиционно относятся к северо-западной группе иранских языков [Иванов, Додыхудоева 2017, с. 77; Расторгуева и др. 1971]⁴. В соответствии с новой теорией [Korn 2016; Korn 2019] является языком центральной группы.

Длительное время ударение в гилякском языке определялось как динамическое [Расторгуева и др. 1971; Rastorgueva et al. 2012, p. 18], однако инструментальное исследование [Иванов 2015] обнаружило также значимый тонический компонент, в свете чего гилякское ударение охарактеризовано как двухкомпонентное – тоно-динамическое.

Важно отметить, что гилякский язык, распространенный в Иране в провинции Гилян и ее окрестностях, испытывает значительное влияние персидского языка на различных уровнях, включая фонетический, что обусловлено двуязычием его носителей (персидский – официальный язык в стране). С влиянием персидского можно связать значимость частоты основного тона при маркировании ударного гласного в гилякском языке, отмеченную в эксперименте [Иванов 2015].

Ваханский язык входит в группу памирских языков, традиционно относимых к восточной подгруппе иранских языков [Додыхудоева 2014; Завьялова 1956; Пахалина, Лашкарбеков 2000]⁵. Если придерживаться теории [Korn 2016; Korn 2019], то следует рассматривать его как принадлежащий центральной подгруппе (наравне с рассмотренным ранее гилякским).

⁴ См. также: *Stilo D. Gilan x. languages // Encyclopædia Iranica. 2001. No 10 (6). P. 660–668. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-x> (дата обращения: 29.06.2025).*

⁵ См. также: *Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999.*

Стоит заметить, что носители ваханского языка проживают сравнительно рассеянно, на территориях, относящихся к нескольким странам: Таджикистану, Афганистану, Пакистану и Китаю (Синьцзян-Уйгурский автономный район). Принимая во внимание отсутствие литературной нормы и многоязычие ваханцев, зависящее от региона проживания, необходимо отметить, что в рамках исследования работа велась с таджикским вариантом ваханского языка.

Ваханское ударение долгое время на основании слуховых оценок определялось как динамическое [Пахалина, Лашкарбеков 2000, с. 175]. Природу ударения на основании экспериментальных данных о длительности ваханских гласных уточнил [Иванов 2019], охарактеризовав ударение в ваханском языке как многокомпонентное – квантитативно-динамико-тоническое. С помощью глоттографа был обследован пакистанский вариант ваханского языка [Hussain, Mielke 2018], однако данная работа посвящена консонантизму и не содержит сведений о просодии.

Основная цель проведенного исследования заключалась в анализе взаимосвязи между просодической выделенностью иранских гласных и их ларингальными параметрами, характеризующими работу гортани и голосовых складок, а также акустическими свойствами, отражающими длительность, частоту основного тона и интенсивность.

В качестве гипотезы выдвигалось предположение о наличии корреляции между просодической выделенностью слононосителей и их не только акустическими, но и ларингальными характеристиками.

Методология

В ходе исследования использованы записи речи носителей иранских языков, сделанные в Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ. Инструментальному анализу подверглась речь шести носителей персидского языка (трех мужчин и трех женщин), трех женщин-носителей гилякского языка и четырех носителей ваханского языка (двух мужчин и двух женщин).

Для исследования подобраны единые для всех информантов-носителей каждого из языков тексты, обеспечивающие наличие всех гласных, имеющихся в языке, в разных фонетических позициях и типах слогов. Для исследования персидской просодии отобран текст «*Xandān xandān*» («Смех смехом», автор – Хушанг Моради Кермани, объем текста – 735 словоформ, средняя дли-

тельность звучащей речи – 5 мин 30 сек у женщин, 6 мин 13 сек у мужчин). Трём информантам-носителям рещтского диалекта гиялякского языка был предложен текст “Mašt-ə Yahūā” («Машти Яхья», автор – М.Р. Jektāji, объем обработанного текста – 269 фонетических слов). Для инструментального исследования работы ларинкса в ваханском языке были выбраны тексты “Potšo” («Царь», приведенный в работе [Пахалина 1975, с. 152–154], объем текста – 430 слов) и “ŠUkor” («Охота», приведенный в труде [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976, с. 202–206], объем текста – 221 слово). Кроме того, для анализа проведена запись спонтанной речи спикеров, а также зафиксирована речь с перечислительной интонацией, для чего информантам было предложено просчитать от одного до двадцати. Это также позволило установить параметры фиксации речевого потока.

В рамках исследования в качестве инструмента для фиксации движений гортани и колебаний голосовых связок использовался электроглоттограф. В настоящее время его применение видится одним из наиболее точных методов аппаратного фонетического исследования. Установка обеспечивает возможность неинвазивного измерения степени контакта голосовых связок при фонации и артикуляции речевых сегментов, для чего на шее информанта размещается два электрода.

Электроглоттограф регистрирует изменения сопротивления тока ультравысокой частоты, который проходит через гортань и меняет силу в соответствии с колебаниями голосовых связок: смыкание понижает сопротивление тока, размыкание – повышает. При этом ток не ощущается информантом и не наносит ущерба его здоровью. Изменения силы тока в реальном времени фиксируются на экране монитора в виде глоттограммы – графика с выраженными фазами ларингальных движений, по которому можно судить о частоте и амплитуде колебательных движений гортани, а также фазы смыкания и размыкания голосовых связок.

Стоит отметить, что сигнал, поступающий с электроглоттографа, регистрируется синхронно с микрофонным сигналом, при этом записываясь в отдельный канал (рис. 1). Использование аппаратуры способствует также повышению качества записи и сегментации речи, так как данные электроглоттографа помогают отделить акустические эффекты, возникающие при произнесении звуков речи, от накладывающихся на речевой сигнал внешних шумов, которые не всегда возможно вычлениить на слух.

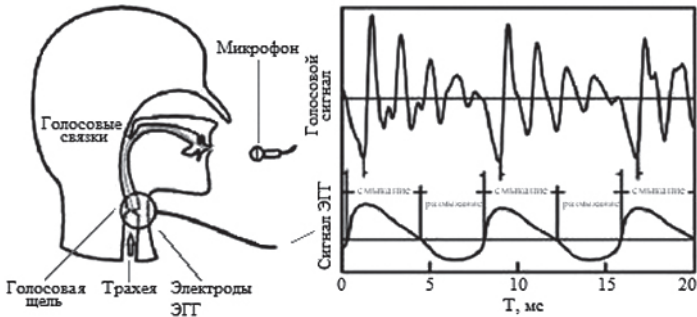

Рис. 1. Схематическое представление регистрации голосового и ларингального сигналов при работе с электроглоттографом

Значения акустических характеристик речевых сегментов, таких как длительность (T , мс), средняя частота основного тона (F_0 , Гц) и интенсивность (I_{mean} , Дб), вычисляются автоматически в программе речевого анализа Praat на основании данных первого канала, в который записывается голосовой сигнал.

При работе с акустическими параметрами помимо основных также рассматриваются производные интегральные параметры (рис. 2). Так, $F_0 \text{ area}$ (Гц \times с) представляет собой площадь фигуры, ограниченной кривой частоты основного тона (F_0) и осью времени (T), и в этой связи в значительной степени коррелирует с данными параметрами. Аналогична структура параметра $I \text{ area}$ (Дб \times с), так называемого энергетического коррелята, представляющего собой площадь фигуры, ограниченной кривой интенсивности (I_{mean}) и временной осью (T). Параметр Volume (V , Гц \times Дб \times с) представляется как трехмерная фигура, ограниченная кривыми частоты основного тона (F_0), интенсивности (I_{mean}) и осевой (нулевой) линией.

Значения ларингальных параметров определяются на основании данных глоттограммы, которая автоматически формируется в программе Real Time EGG на основе данных, получаемых с электродов электроглоттографа.

Инфразвуковая частота (F_{sub} , Гц) показывает частоту возвратно-поступательных движений ларинкса и рассчитывается по формуле $F_{\text{sub}} = 1 / \text{Length}$, где Length – расстояние между пиками ларингальный колебаний).

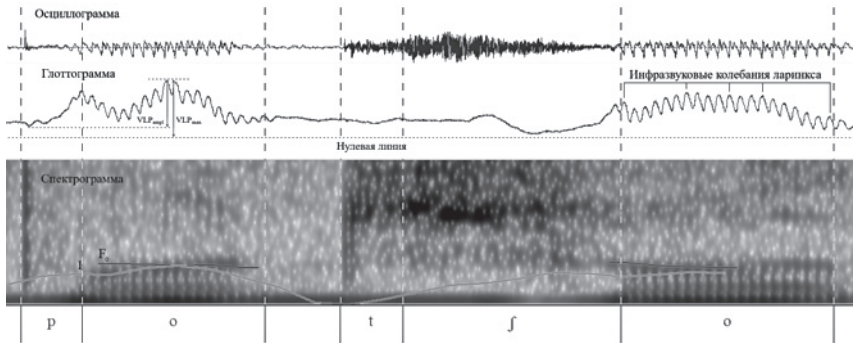

Рис. 2. Графическое представление инфразвуковых колебаний ларинкса и вертикального смещения ларинкса (VLP_{max} и VLP_{ampl}) на примере ваханского слова *potʃo* 'царь'

Вертикальное смещение ларинкса (vertical larynx position, VLP) позволяет оценить длину речевого тракта и в исследовании находит отражение в двух параметрах: VLP_{max} – расстояние от нулевой линии глоттограммы, отражающей состояние покоя, до вершины пика ларингального колебания; VLP_{ampl} – амплитуда вертикальных колебаний гортани от точки минимума до точки максимума колебания.

Коэффициент открытости голосовой щели (open quotient, OQ, %) показывает отношение времени, в течение которого голосовая щель открыта, ко всему периоду колебания голосовых связок (рис. 3). Данный параметр также позволяет косвенно судить о субглоттальном давлении при фонации и артикуляции речевых сегментов.

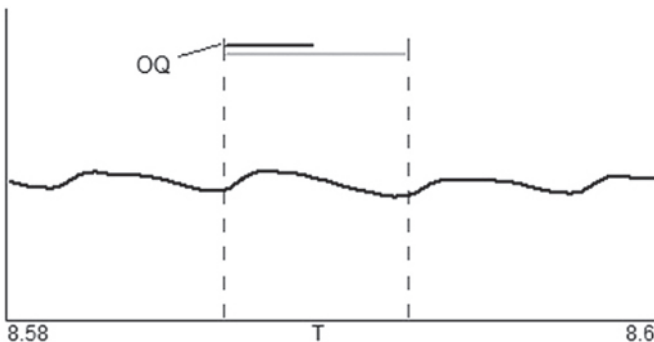

Рис. 3. Схематическое представление ларингального параметра «коэффициент открытости голосовой щели» (OQ)

В методологическом аспекте стоит отметить, что с целью выделения полезного сигнала в инфразвуковом диапазоне, а также подавления высокочастотных шумов в ходе исследования записи речи подвергались фильтрации. В многодорожечном аудиоредакторе Adobe Audition использовался линейный фильтр Бесселя, отличающийся наиболее пологой кривой вблизи точки среза. В качестве типа фильтрации выбран фильтр нижних частот, пропускающий частотный спектр ниже указанной частоты среза (с возможностью ее самостоятельного подбора). Экспериментально установлено, что оптимальная частота среза составляет 25 Гц, так как прошедший фильтрацию ларингальный сигнал на глоттограмме лишается своей зубчатой структуры и при этом сохраняет амплитуду и пики, идентичные исходному графику до фильтрации. В противном случае, при повышении значения частоты среза до 30–40 Гц на графике наблюдались зубцы – признаки присутствия гармонических колебаний слышимых частот, осложняющих анализ. При понижении же частоты среза до 20 Гц, что практически является порогом слышимости, существовала вероятность того, что фильтр будет удалять часть инфразвуковой составляющей сигнала.

Помимо этого, в целях снижения влияния индивидуальных особенностей речи информантов абсолютные значения параметров были переведены в более робастные по отношению к темпу и иным индивидуальным характеристикам речи дикторов относительные дериваты (% от наибольшего значения параметра у каждого информанта), а также подвергнуты нормализации значений путем стандартизированной оценки z-score (нахождение отклонения от среднего показателя, выраженного в единицах стандартных отклонений).

Нормализующая модель конкретизирует диапазон значений параметра с точки зрения некоторых контрольных точек, таких как верхнее и нижнее значения, что позволяет абстрагироваться от различий между говорящими и паралингвистических эффектов и выражает инвариантные характеристики в терминах идеализированного диапазона говорящего, который является результатом процесса выделения источников вариаций.

Простейшая возможная нормализующая модель будет определять самые высокие и самые низкие значения общего диапазона речи человека и определять фонетику относительно этих точек. Именно такой подход использовал [Earle 1975] в своем исследовании лексических тонов в односложных вьетнамских словах. Присвоив значение 100 верхней части среднего диапазона F_0 каждого говорящего и 0 нижней части, Эрл определяет формы цитирования каждого из шести контуров лексического тона с точки зрения движения по процентной шкале, определенной для каждого говорящего.

Ф. Роуз [Rose 1987] в своем исследовании китайского языка придерживается несколько иного подхода: его нормализованная шкала для конкретных говорящих основана на преобразовании оценки z-score, а не на верхней и нижней частях диапазона, что, по мнению автора, дает более корректную оценку.

Однако в обоих случаях нормализация обеспечивает фонетическое описание, не основанное на контексте высказывания, но, тем не менее, количественное и явное, а нормализованные описания контуров тона оказываются согласующимися и различаются в крайне малой степени [Ladd 1996, pp. 256–257]. Отметим, что данный тезис подтверждается в нашем исследовании.

Таким образом обследована статистическая связь акустических, интегральных и ларингальных параметров гласных с просодической структурой в обследуемых иранских языках. Данные были обработаны с помощью программы SPSS IBM Statistics по линейной многомерной модели, позволяющей выполнять регрессионный и дисперсионный анализ для нескольких зависимых переменных по одной или нескольким факторным переменным или ковариатам. Проверка гипотез может осуществляться как для сбалансированных, так и для несбалансированных моделей⁶.

В ходе статистического анализа, нацеленного на выявление коррелятов просодии в иранских языках, в качестве источника вариации выступал фактор ударности слононосителя, в качестве зависимых переменных – акустические и ларингальные параметры.

Для определения уровня значимости параметра использовались следующие пороговые значения: параметр считался значимым при $0,005 \leq p \leq 0,05$, высокозначимым – при $p < 0,005$, незначимым – при $p > 0,05$ ⁷.

Результаты

По результатам исследования выявлен ряд закономерностей в работе гортани и голосовых связок при фонации и артикуляции гласных слононосителей в иранских языках. Стоит отметить, что

⁶ Документация к IBM SPSS Statistics. URL: <https://www.ibm.com/docs/ru/spss-statistics/cd?topic=statistics-glm-multivariate-analysis> (дата обращения: 29.06.2025).

⁷ *Craparo R.M.* Significance level // Encyclopedia of measurement and statistics / ed. by N.J. Salkind. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2007. P. 889–891.

были обнаружены существенные различия как в акустических, так и в ларингальных характеристиках ударных гласных в персидском, гилякском и ваханском языках (табл. 1).

Таблица 1

Оценка статистической значимости акустических, интегральных и ларингальных параметров при маркировании ударных гласных в персидском, гилякском и ваханском языках⁸

Параметр	Персидский язык		Гилякский язык		Ваханский язык	
	Значение в ударном слоге	Р (nom)	Значение в ударном слоге	Р (nom)	Значение в ударном слоге	Р (nom)
Длительность (Т)	+ 17,01%	0,083	+ 34,19%	0,000*	+ 20,75%	0,000*
Частота основного тона (F ₀)	+ 5,65%	0,015*	+ 9,37%	0,054*	+ 4,97%	0,034*
Площадь под кривой частоты основного тона (F ₀ area)	+ 27,11%	0,001*	+ 52,17%	0,000*	+ 33,34%	0,000*
Интенсивность (I _{mean})	+ 0,05%	0,378	+ 1,95%	0,192	+ 1,52%	0,034*
Площадь под кривой интенсивности (I area)	+ 14,46%	0,14	+ 36,22%	0,000*	+ 23,55%	0,000*
Volume (V)	+ 27,21%	0,002*	+ 54,4%	0,000*	+ 33,84%	0,000*
Инфразвуковая частота (F _{sub})	- 15,36%	0,007*	- 1,83%	0,693	- 0,56%	0,537

⁸ Символом «*» обозначены статистически значимые параметры.

Окончание табл. 1

Параметр	Персидский язык		Гилякский язык		Ваханский язык	
	Значение в ударном слоге	р (погм)	Значение в ударном слоге	р (погм)	Значение в ударном слоге	р (погм)
Амплитуда вертикального смещения ларинкса ($VLP_{\text{ампл}}$)	+ 1,18%	0,589	+ 75,65%	0,034*	+ 92,77%	0,027*
Максимальное вертикальное смещение ларинкса (VLP_{max})	- 6,88%	0,992	+ 48,94%	0,099	- 0,44%	0,549
Коэффициент открытости голосовой щели (ОQ)	- 1,35%	0,117	+ 5,2%	0,296	- 2,02%	0,181

Персидский язык. Результаты инструментального исследования просодии персидского языка показали снижение в ударном слоге инфразвуковой частоты колебаний ларинкса, что является артикуляторным маркером (или так называемым ларингальным коррелятом), происходящее одновременно с повышением частоты основного тона (акустический маркер персидского ударения). Кроме того, ларингальный коррелят при маркировании ударения в персидском языке демонстрирует большую статистическую устойчивость, чем тонический коррелят: $p = 0,007$ для параметра инфразвуковой частоты, $p = 0,015$ для частоты основного тона [Силантьева 2023; Ivanov, Silanteva 2023; Silanteva 2023, p. 179; Silanteva 2025].

Помимо этого, обнаруживается тенденция, что при статистической незначимости величины максимального вертикального смещения ларинкса (VLP_{max} , $p = 0,992$) и коэффициента открытости голосовой щели (ОQ, $p = 0,117$) в ударном слоге снижаются по сравнению с безударным, а амплитудная составляющая вертикальных ларингальных колебаний ($VLP_{\text{ампл}}$, $p = 0,589$), напротив, возрастает [Силантьева 2024].

Разнонаправленность изменения частот F_0 и F_{sub} можно объяснить большими усилиями, необходимыми для произнесения ударного слога (по сравнению с безударным), которые складываются из таких составляющих, как более высокое субглоттальное (подглоточное) давление, а также зачастую большая длительность ($T, p = 0,083$) ударного слононосителя.

Повышение частоты основного тона (F_0), помимо прочих факторов, происходит за счет увеличения подглоточного давления, что позволяет сделать вывод о том, что субглоттальное давление в ударном слоге также повышается относительно безударного.

При фонации ударного гласного голосовая щель закрыта более длительное время, чем в случае безударного. Сужение гортани при смыкании голосовых связок создает большее сопротивление поступающему из дыхательной системы воздушному потоку и другим сопутствующим воздействиям, что и приводит к увеличению подглоточного давления. Для компенсации данного избыточного давления мышцы гортани больше напрягаются, что, в свою очередь, замедляет их движение и выражается в снижении инфразвуковой частоты (в среднем F_{sub} в ударном слоге на 15,36% (1,736 Гц) ниже, чем в безударном, $p = 0,007$). Это также ограничивает амплитуду вертикальных колебаний ларинкса (в среднем в ударном слоге VLP_{max} на 6,88% меньше, чем в безударном, а VLP_{ampl} возрастает всего на 1,18%, что значительно ниже значений данного показателя в ваханском и гилякском языках с квантитативным типом ударения). Таким образом, чем выше субглоттальное давление, тем большее напряжение мышц ларинкса требуется для его компенсации и тем ниже инфразвуковая частота и амплитуда ларингальных колебаний.

Подглоточное давление в момент смыкания голосовых складок превышает давление в надсвязочной полости, и разность этих давлений толкает ларинкс вверх. В результате этого объем подсвязочной полости увеличивается, давление в ней падает. Происходит выравнивание давлений в полостях над и под голосовыми связками, гортань возвращается в исходное положение. Если фонация продолжается, то описанный цикл повторяется.

Гилякский язык. Ввиду разнящихся сведений о природе гилякского ударения в исследовании помимо изучения работы ларинкса и голосовых связок значительное внимание уделялось инструментальной проверке акустических характеристик ударных слононосителей.

Согласно результатам проведенного исследования с использованием электроглоттографа, ударный гласный слононоситель в гилякском языке в абсолютном большинстве случаев маркируется

длительностью (Т), а также интегральными параметрами F_0 area, I area и Volume, коррелирующими с ней. Стоит отметить, что данные о высокой значимости вышеупомянутых параметров актуальны в том числе для абсолютных значений ($p \approx 0,000$). Кроме того, представляется обоснованным относить к значимым факторам частоту основного тона (F_0 , $p = 0,054$).

Помимо этого, статистически значимо связана с ударностью гласного амплитуда вертикального смещения ларинкса (VLP_{ampl} , $p = 0,034$). Значительное (в среднем на 75,65%) увеличение амплитуды колебаний гортани объясняется тем, что основным акустическим маркером гилякского удара является длительность, следовательно, замедлившие свое движение мышцы ларинкса располагают большим временным ресурсом на отклонение от состояния покоя, увеличивая тем самым амплитуду колебания.

Примечательна также разнонаправленность ларингальной инфразвуковой частоты (F_{sub}), которая в ударном слоге снижается относительно безударного (в среднем на 1,83%, $p = 0,639$), и остальных параметров, значения которых, напротив, в ударном слоге возрастают.

Ваханский язык. Ввиду отсутствия единства мнений о типе ваханского удара уточнение акустических маркеров ударного гласного в ваханском языке выступало одной из задач исследования наравне с изучением ларингальных характеристик.

Анализ значимости акустических характеристик гласных таджикского варианта ваханского языка обнаружил высокозначимую корреляцию длительности (Т) и интегральных параметров F_0 area, I area, Volume с ударностью гласного слогоносителя ($0,000 \leq p \leq 0,006$, в том числе для абсолютных значений параметров). Помимо этого, значимыми факторами выступают нормализованная частота основного тона (F_0) и интенсивность (I_{mean}). При этом стоит учитывать, что относительные и даже абсолютные значения частоты основного тона также близки к значимым ($0,066 \leq p \leq 0,081$), в то время как данные значения интенсивности оказываются незначимыми ($0,626 \leq p \leq 0,914$). В этой связи ударение определено как квантитативно-тоническое с динамическим компонентом.

Последние результаты обследования обнаружили ларингальный коррелят ваханского удара: статистически значимо возрастает (в среднем на 92,77%) амплитуда вертикального смещения ларинкса (VLP_{ampl} , $p = 0,027$). При этом выявлена тенденция, что в ударном слоге значения параметров инфразвуковой частоты (F_{sub}), максимального вертикального смещения ларинкса (VLP_{max}) и коэффициента открытости голосовой щели (OQ) снижаются по

сравнению с безударным (в среднем на 0,56, 0,44 и 2,02% соответственно).

Стоит отметить присутствие в ваханском языке разнонаправленности изменения значений частоты основного тона (F_0) и инфразвуковой частоты (F_{sub}), схожей с персидским и гилякским языками.

Кроме того, в ваханском и гилякском языках, одним из ведущих параметров при маркировании ударения в которых является длительность гласного, отмечается сходство значением связанного с просодией ларингального параметра (VLP_{ampl}).

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Акустические и ларингальные характеристики иранских гласных слогоносителей взаимосвязаны с их просодической выделенностью.

2. Ударный гласный слогоноситель в персидском языке наравне с повышением частоты основного тона характеризуется снижением инфразвуковой частоты колебаний ларинкса, что детерминировано как ларингальный коррелят персидского словесного ударения.

3. Ударность слогоносителя в гилякском языке (диалект Решта) акустически маркируется увеличением его длительности и повышением частоты основного тона. Помимо этого, обнаруживается ларингальный коррелят гилякского словесного ударения – амплитуда вертикального смещения ларинкса.

4. Маркирование ударного слога в ваханском языке (таджикский вариант) происходит за счет увеличения длительности, повышения частоты основного тона и несколько реже – интенсивности. С ударностью гласного также значимо связана амплитуда вертикального смещения ларинкса, – ларингальный коррелят ваханского словесного ударения.

5. Значительное увеличение амплитуды колебаний гортани в ударном слоге в ваханском и гилякском языках объясняется тем, что основным акустическим маркером ударения в них является увеличение длительности гласного, что обеспечивает ларинкс большим временным ресурсом на отклонение от позиции покоя.

6. Характерную для персидского, гилякского и ваханского языков разнонаправленность изменения частот – акустической частоты основного тона и инфразвуковой частоты колебаний ларинкса – можно объяснить большими усилиями, необходимыми для произнесения ударного слога, которые помимо прочих факто-

ров складываются из более высокого подглоточного давления, а также зачастую большей длительности ударного слононосителя. Подглоточное давление в ударном слоге становится выше, чем в безударном, влияя на понижение инфразвуковой частоты колебаний гортани и изменение амплитуды ларингальных колебаний.

Литература

- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 – *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Язык Восточного Гиндукуша. Ваханский язык: Тексты, словарь, грамматический очерк. М.: Наука, 1976. 670 с.
- Дзахова 2010 – *Дзахова В.Т.* Об осетинском удареии // Вестник РГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». 2010. № 9 (52)/10. С. 9–26.
- Дзахова 2014 – *Дзахова В.Т.* Реализация словесного ударения во фразе (на материале анализа простых повествовательных предложений осетинского языка) // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 4 (24). С. 31–40.
- Додыхудоева 2014 – *Додыхудоева Л.Р.* Памирские языки в условиях языкового сдвига // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Международная конференция: Доклады и сообщения. М.: Тезаурус, 2014. С. 430–437.
- Завьялова 1956 – *Завьялова В.И.* Новые сведения по фонетике иранских языков: Гилянский и мазендаранский языки // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 6. М., 1956. С. 92–112.
- Иванов 1972 – *Иванов В.Б.* О персидском словесном удареии (Опыт экспериментального исследования) // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 1972. № 2. С. 83–91.
- Иванов 1988 – *Иванов В.Б.* Ударение в дари (этап анализа) // Актуальные проблемы строя иранских языков / под ред. К.А. Лебедева, Б.Я. Островского. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 27–41.
- Иванов 1996 – *Иванов В.Б.* Вокализм и просодика в персидском языке и дари: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М., 1996. 48 с.
- Иванов 2008 – *Иванов В.Б.* Квантитативное ударение в сарькольском языке // Ломоносовские чтения: Востоковедение: научная конференция, апрель 2008 г.: Тезисы докладов / отв. ред. М.С. Мейер, Л.В. Гевелинг. М.: Гуманитарий, 2008. С. 205–207.
- Иванов 2009 – *Иванов В.Б.* Изучение ударения в языке гявруни // III Международная конференция по полевой лингвистике: сб. тезисов и материалов. М.: Тезаурус, 2009. С. 76–81.
- Иванов 2011 – *Иванов В.Б.* Ударение в языке селения Абыяне // Лексика. Этимология. Языковые контакты: К юбилею доктора филологических наук, профессора Джой Иосифовны Эдельман / отв. ред. Е.К. Молчанова. М.: Ин-т языкознания РАН: Тезаурус, 2011. С. 176–182.

- Иванов 2012 – *Иванов В.Б.* Синтез просодических моделей в языке дари // Речевые технологии. 2012. № 1. С. 29–45.
- Иванов 2014 – *Иванов В.Б.* Мазандеранская просодия // Ломоносовские чтения: Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля 2014 г.) / под ред. И.И. Абылгазиева, М.С. Мейера. М.: Ключ-С, 2014. С. 103–105.
- Иванов 2015 – *Иванов В.Б.* Гилякская просодия // Ломоносовские чтения: Востоковедение: Тезисы докладов научной конференции (Москва, 20 апреля 2015 г.) / отв. ред. И.И. Абылгазиев, М.С. Мейер. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 86–87.
- Иванов 2019 – *Иванов В.Б.* Гласные в речи ваханцев Пакистана, Таджикистана и Китая // Ломоносовские чтения: Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2019 г.). М.: Ключ-С, 2019. С. 108–110. (Востоковедение)
- Иванов, Додыхудоева 2017 – *Иванов В.Б., Додыхудоева Л.Р.* Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гилякском материале) // Вопросы языкознания. 2017. № 2. С. 77–95. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000971-7>
- Иванов, Силантьева 2019 – *Иванов В.Б., Силантьева Л.Г.* Акустико-глотографический анализ ваханского ударения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 525–527. URL: <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10224> (дата обращения: 15.09.2025).
- Пахалина 1975 – *Пахалина Т.Н.* Ваханский язык. М.: Наука, 1975. 341 с.
- Пахалина, Лашкарбеков 2000 – *Пахалина Т.Н., Лашкарбеков Б.Б.* Ваханский язык // Языки мира: Иранские языки. Т. 3: Восточноиранские языки / отв. ред. В.С. Расторгуева. М.: Индрик, 2000. С. 174–186.
- Поляков 1988 – *Поляков К.И.* Персидская фонетика: Опыт системного исследования. М.: Наука, 1988. 316 с.
- Расторгуева и др. 1971 – *Расторгуева В.С., Керимова А.А., Мамед-заде А.К., Пирейко Л.А., Эдельман Д.И.* Гилянский язык. М.: Наука, 1971. 320 с.
- Силантьева 2022 – *Силантьева Л.Г.* Результаты акустико-глотографического исследования персидской просодии // Ломоносовские чтения: Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции (Москва, 14–22 апреля 2022 г.) / отв. ред. А.А. Маслов. М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2022. С. 255–258.
- Силантьева 2023 – *Силантьева Л.Г.* Глотографический анализ ударения в персидском языке // Ломоносовские чтения: Востоковедение и африканистика: сб. материалов научной конференции (Москва, 4–7 апреля 2023 г.). М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2023. С. 193–195.
- Силантьева 2024 – *Силантьева Л.Г.* Коэффициент открытости голосовой щели в речи носителей персидского языка // Ломоносовские чтения: Востоковедение и африканистика: сб. материалов научной конференции (Москва, 28 марта – 3 апреля 2024 г.). М.: ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. С. 300–302.

- Силантьева 2025a – *Силантьева Л.Г.* Акустические и ларингальные корреляты словесного ударения в гилякском языке // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 2. С. 145–152. <https://doi.org/10.62257/2782-5329-2025-2>
- Силантьева 2025b – *Силантьева Л.Г.* Ларингальные характеристики ударных слогоносителей в ваханском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Т. 11. № 2. С. 113–126. <http://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-113>
- Хаскашев 1983 – *Хаскашев Т.Н.* Фонетическая природа словесного ударения в современном таджикском литературном языке. Душанбе: Дониш, 1983. 139 с.
- Abolhasanizadeh et al. 2012 – *Abolhasanizadeh V., Bijankhan M., Gussenhoven C.* The Persian pitch accent and its retention after the focus // *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 13. P. 1380–1394.
- Earle 1975 – *Earle M.A.* An acoustic study of Northern Vietnamese tones. Santa Barbara, California: Speech Communications Research Laboratory, 1975. 214 p.
- Hussain, Mielke 2018 – *Hussain Q., Mielke J.* Stop laryngeal contrasts of endangered languages of Northern Pakistan // *Journal of the Acoustical Society of America (JASA)*. 2018. Vol. 143. No. 3. P. 1754. <https://doi.org/10.1121/1.5035740>
- Ivanov 2001 – *Ivanov V.B.* Prosodic reduction of vowels in Pashto // Исследования по иранской филологии. М.: Издат. дом «Гуманитарий», 2001. Вып. 3. С. 5–17.
- Ivanov, Dodykhudoeva 2010 – *Ivanov V.B., Dodykhudoeva L.R.* Prosody of the Abyānei language // The First International Conference on Iran's Desert Area Dialects. December 1–2, Semnan: Semnan University Press, 2010. P. 28–29.
- Ivanov, Silanteva 2020 – *Ivanov V.B., Silanteva L.G.* Pitch and duration as main factors of Wakhi stress // *European Journal of Natural History*. 2020. No. 3. P. 115–119. <https://doi.org/10.17513/ejnh.34098>
- Ivanov, Silanteva 2023 – *Ivanov V.B., Silanteva L.G.* Research on word stress in Iranian languages by Soviet and Russian scholars // *Russian Journal of Linguistics*. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 392–417. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31015>
- Korn 2016 – *Korn A.* A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla // *Indogermanische Forschungen*. 2016. Vol. 121. No. 1. P. 401–434. <https://doi.org/10.1515/if-2016-0021>
- Korn 2019 – *Korn A.* Isoglosses and subdivisions of Iranian // *Journal of Historical Linguistics*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 239–281. <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>
- Ladd 1996 – *Ladd D.R.* Intonational phonology. Cambridge, 1996. 334 p. (Cambridge Studies in Linguistics; vol. 79).
- Natel Khanlari 1959 – *Natel Khanlari P.* Vazn-e šer-e fārsi [Метрика персидской поэзии]. Tehran, 1959. VI; 241 p.
- Rastorgueva et al. 2012 – *Rastorgueva V.S., Kerimova A.A., Mamed-zade A.K., Pireiko L.A., Edel'man D.I.* The Gilaki language. Uppsala, 2012. VIII; 445 p. (*Studia Iranica Upsaliensia*; vol. 19).
- Rose 1987 – *Rose Ph.* Considerations in the normalization of the fundamental frequency of linguistic tone // *Speech Communication*. 1987. Vol. 6. No. 4. P. 343–352. [https://doi.org/10.1016/0167-6393\(87\)90009-4](https://doi.org/10.1016/0167-6393(87)90009-4)

Stilo 2001 – *Stilo D. Gilan x. languages // Encyclopædia Iranica*. 2001. No 10 (6). P. 660–668. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-x> (дата обращения: 29.06.2025).

References

- Abolhasanizadeh, V., Bijankhan, M. and Gussenhoven, C. (2012), “The Persian pitch accent and its retention after the focus”, *Lingua*, vol. 122, no. 13, pp. 1380–1394.
- Dzakhova, V.T. (2010), “On stress in the Ossetian language”, *Vestnik RGGU. Seriya “Filologicheskie nauki. Yazykoznanie”*, vol. 52, no. 9/12, pp. 9–26.
- Dzakhova, V.T. (2014), “Implementation of verbal stress in a phrase (based on the analysis of simple declarative sentences in the Ossetian language)”, *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, vol. 24, no. 4, pp. 31–40.
- Dodykhudoeva, L.R. (2014), “Pamir languages in the context of language shift”, *Yazykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire: Mezhdunarodnaya konferentsiya: Doklady i soobshcheniya* [Language policy and language conflicts in the modern world. International Conference: Reports and presentations], Tezaurus, Moscow, Russia, pp. 430–437.
- Earle, M.A. (1975), *An acoustic study of northern Vietnamese tones*. Speech Communications Research Laboratory, Santa Barbara, CA, USA.
- Grunberg, A.L. and Steblin-Kamenskii, I.M. (1976), *Yazyki Vostochnogo Gindukusha: Vakhanskii yazyk: Teksty, slovar’, grammaticheskii ocherk* [Languages of the Eastern Hindu Kush. Wakhi. Texts, dictionary, grammar essay], Nauka, Moscow, USSR.
- Hussain, Q. and Mielke, J. (2018), “Stop laryngeal contrasts of endangered languages of Northern Pakistan”, *Journal of the Acoustical Society of America (JASA)*, vol. 143, no. 3, p. 1754, <https://doi.org/10.1121/1.5035740>
- Ivanov, V.B. (1972), “On Persian word stress (Experimental research experience)”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie*, vol. 2, pp. 83–91.
- Ivanov, V.B. (1988), “Stress in Dari (the analysis stage)”, in Lebedev, K.A. and Ostrovskii, B.Ya., eds., *Aktual’nye problemy stroya iranskikh yazykov* [Current issues of the structure of Iranian languages], Izdatel’stvo MGU, Moscow, USSR, pp. 27–41.
- Ivanov, V.B. (1996), *Vokalizm i prosodika v persidskom yazyke i dari* [Vocalism and prosody in Persian and Dari], Abstract of D. Sc. Dissertation (Philology), Institut yazykoznaniiya RAN, Moscow, Russia.
- Ivanov, V.B. (2001), “Prosodic reduction of vowels in Pashto”, *Issledovaniya po iranskoj filologii* [Research in Iranian philology], Gumanitarii, Moscow, Russia, iss. 3, pp. 5–17.
- Ivanov, V.B. (2008), “Quantitative stress in Sarykoli”, in Meier, M.S. and Geveling, L.V., eds., *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie. Nauchnaya konferentsiya: aprel’ 2008 g.: Tezisy dokladov* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental studies. April 2008. Abstracts of reports], Moscow, Russia, pp. 205–207.

- Ivanov, V.B. (2009), “Study of stress in Gavruni”, in *III Mezhdunarodnaya konferentsiya po polevoi lingvistike: sbornik tezisov i materialov* [3rd International Conference on Field Linguistics. Collected abstracts], Moscow, Russia, pp. 76–81.
- Ivanov, V.B. (2011), “Stress in the language of Abyane village”, in Molchanova, E.K., ed., *Leksika. Etimologiya. Yazykovye kontakty. K yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Dzhoi Iosifovny Edel'man* [Vocabulary. Etymology. Language contacts. On the anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor Joy Iosifovna Edelman], Institut yazykoznaniya RAN, Tezaurus, Moscow, Russia, pp. 176–182.
- Ivanov, V.B. (2012), “Synthesis of prosodic patterns in Dari”, *Rechevye tekhnologii*, no. 1, pp. 29–45.
- Ivanov, V.B. (2014), “Mazanderani prosody”, in Abylgaziev, I.I. and Meier, M.S., eds., *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Moskva, 14 aprelya 2014 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental studies: Abstracts of the Scientific Conference Reports (Moscow, 14 Apr. 2014)], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 103–105.
- Ivanov, V.B. (2015), “Gilaki prosody”, in Abylgaziev, I.I. and Meier, M.S., eds., *Lomonosovskie chteniya: Vostokovedenie: Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Moskva, 20 aprelya 2015 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental studies: Abstracts of the Scientific Conference reports (Moscow, 20 Apr. 2015)], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 86–87.
- Ivanov, V.B. (2019), “Vowels in the speech of Wakhis in Pakistan, Tajikistan and China”, in *Lomonosovskie chteniya: Vostokovedenie i Afrikanistika: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Moskva, 15 aprelya 2019 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental and African studies: Abstracts of the Scientific Conference reports (Moscow, 15 Apr. 2019)], Klyuch-S, Moscow, Russia, pp. 108–110.
- Ivanov, V.B. and Dodykhudoeva, L.R. (2010), “Prosody of the Abyānei language”, in *The First International Conference on Iran's Desert Area Dialects*, Semnan, 1–2 Dec. 2010, Semnan University Press, Semnan, Iran, pp. 28–29.
- Ivanov, V.B. and Dodykhudoeva, L.R. (2017), “Syntactic relations of names in the northwestern Iranian languages (based on Mazanderani and Gilaki material)”, *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 77–95. <https://doi.org/10.31857/S0373658X0000971-7>
- Ivanov, V.B. and Silanteva, L.G. (2019), “Acoustic-glottographic analysis of Wakhi stress”, in *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], vol. 79, no. 6, pp. 525–527. <https://doi.org/10.24411/1991-5497-2019-10224>
- Ivanov, V.B. and Silanteva, L.G. (2020), “Pitch and duration as main factors of Wakhi stress”, *European Journal of Natural History*, no. 3, pp. 115–119, <https://doi.org/10.17513/ejnh.34098>
- Ivanov, V.B. and Silanteva, L.G. (2023), “Research on word stress in Iranian languages by Soviet and Russian scholars”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 27, no. 2, pp. 392–417, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31015>

- Khaskashev, T.N. (1983), *Foneticheskaya priroda slovesnogo udareniya v sovremennom tadzhikskom literaturnom yazyke* [Phonetic nature of word stress in the modern Tajik literary language], Donish, Dushanbe.
- Korn, A. (2016), "A partial tree of Central Iranian: A new look at Iranian subphyla", *Indogermanische Forschungen*, vol. 121, no. 1, pp. 401–434, <https://doi.org/10.1515/if-2016-0021>
- Korn, A. (2019), "Isoglosses and subdivisions of Iranian", *Journal of Historical Linguistics*, vol. 9, no. 2, pp. 239–281, <https://doi.org/10.1075/jhl.17010.kor>
- Ladd, D.R. (1996), *Intonational phonology*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (*Cambridge Studies in Linguistics*; vol. 79)
- Natel Khanlari, P. (1959), *Vazn-e šer-e fārsi* [The metrics of Persian poetry], Tehran, Iran.
- Pakhalina, T.N. (1975), *Vakhanskii yazyk* [The Wakhi language], Nauka, Moscow, USSR.
- Pakhalina, T.N. and Lashkarbekov, B.B. (2000), "The Wakhi language", in Rastorgueva, V.S., ed., *Yazyki mira. Iranskie yazyki. T. 3: Vostochnoiranskie yazyki* [Languages of the world. Iranian languages. Vol. 3. Eastern Iranian languages], Indrik, Moscow, Russia, pp. 174–186.
- Polyakov, K.I. (1988), *Persidskaya fonetika. Opyt sistemnogo issledovaniya* [Persian phonetics. System research essay], Nauka, Moscow, USSR.
- Rastorgueva, V.S., Kerimova, A.A., Mamedzade, A.K., Pireiko, L.A. and Edel'man, D.I. (1971), *Gilyanskii yazyk* [The Gilaki language], Nauka, Moscow, USSR.
- Rastorgueva, V.S., Kerimova, A.A., Mamedzade, A.K., Pirejko, L.A., Edel'man, D.I. (2012), *The Gilaki Language*, Acta Universitatis Upsaliensis, Uppsala, Sweden. (*Studia Iranica Upsaliensia*; vol. 19)
- Rose, Ph. (1987), "Considerations in the normalization of the fundamental frequency of linguistic tone", *Speech Communication*, vol. 6, no. 4, pp. 343–352, [https://doi.org/10.1016/0167-6393\(87\)90009-4](https://doi.org/10.1016/0167-6393(87)90009-4)
- Silanteva, L.G. (2022), "Results of acoustic-glottographic study of Persian prosody", in *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i Afrikanistika: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Moskva, 14–22 aprelya 2022 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental and African Studies: Abstracts of the Scientific Conference Reports (Moscow, 14–22 Apr. 2022)], ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, Russia, pp. 255–258.
- Silanteva, L.G. (2023), "Glottographic analysis of stress in Persian", in *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika: sbornik materialov nauchnoi konferentsii (Moskva, 4–7 aprelya 2023 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental and African Studies. Scientific Conference Proceedings (Moscow, 4–7 Apr. 2023)], ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, Russia, pp. 193–195.
- Silanteva, L.G. (2024), "Open quotient in the speech of native Persian speakers", in *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika: sbornik materialov nauchnoi konferentsii (Moskva, 28 marta – 3 aprelya 2024 g.)* [Lomonosov Scientific Conference. Oriental and African Studies. Scientific Conference Proceedings

- (Moscow, 28 March – 3 Apr. 2024)], ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova, Moscow, R Scientific Conference Proceedings ussia, pp. 300–302.
- Silanteva, L.G. (2025), “Acoustic and laryngeal correlates of word stress in Gilaki”, *Philological Sciences Bulletin*, vol. 5, no. 2, pp. 145–152, <https://doi.org/10.62257/2782-5329-2025-2>
- Silanteva, L.G. (2025), “Laryngeal characteristics of stressed syllable nuclei in Wakhi”, *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, vol. 11, no. 2, pp. 113–126. <http://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-113>
- Stilo, D. (2001), “Gilān x. languages”, *Encyclopædia Iranica*, vol. 10, no. 6, pp. 660–668, available at: <https://iranicaonline.org/articles/gilan-x> (Accessed 29 June 2025).
- Zav’yalova, V.I. (1956), “New information on the phonetics of Iranian languages. Gilaki and Mazandarani”, *Trudy Instituta yazykoznaniiya AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Linguistics], vol. 6, Moscow, USSR, pp. 92–112.

Информация об авторе

Любовь Г. Силантьева, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Мохвая, д. 11, стр. 1; lyubovsilantieva@yandex.ru

Information about the author

Liubov’ G. Silanteva, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 11-1, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009; lyubovsilantieva@yandex.ru

In Memoriam

УДК 001.32

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-187-205

Памяти Григория Ефимовича Крейдлина

Светлана И. Переверзева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, P_Sveta@hotmail.com*

Лидия А. Хесед

*независимый исследователь, Москва, Россия,
lidakhe@yandex.ru*

Аннотация: Мемориальная статья посвящена лингвисту Г.Е. Крейдлину, скончавшемуся в июне 2025 г. в Москве. Г.Е. Крейдлин – доктор филологических наук, профессор РГГУ, ведущий специалист по невербальной коммуникации и основоположник науки о телесном поведении и взаимодействии людей – невербальной семиотики. Авторы вспоминают об основных трудах и достижениях своего учителя, о годах учебы и работы под его руководством.

Ключевые слова: in memoriam, Г.Е. Крейдлин, лингвистика, невербальная семиотика, русский язык, семиотическая концептуализация, жест, тело

Для цитирования: Переверзева С.И., Хесед Л.А. Памяти Григория Ефимовича Крейдлина // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 12. С. 187–205. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-187-205

In memory of Grigory Efimovich Kreydlin

Svetlana I. Pereverzeva,

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, P_Sveta@hotmail.com*

Lidia A. Khesed

independent researcher, Moscow, Russia, lidakhe@yandex.ru

Abstract. The memorial article is dedicated to the linguist Grigory Efimovich Kreydlin, who died in June 2025 in Moscow. G.E. Kreydlin was a doctor of philological sciences, professor at the Russian State University for the Hu-

© Переверзева С.И., Хесед Л.А., 2025

manities, a leading specialist in nonverbal communication and a founder of the science of human bodily behavior and interaction – nonverbal semiotics. The authors recall the main works and achievements of their teacher, the years of study and work under his supervision.

Keywords: in memoriam, G.E. Kreydlin, linguistics, nonverbal semiotics, Russian language, semiotic conceptualization, gesture, body

For citation: Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2025), “In memory of Grigory Efimovich Kreydlin”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 187–205, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-12-187-205

22 июня 2025 г., спустя месяц после 79-летия, ушел из жизни Григорий Ефимович Крейдлин – выдающийся ученый, талантливый учитель и замечательный человек. В научном мире он известен как лингвист, лексикограф, специалист по семантике, но прежде всего как основатель нового научного направления – невербальной семиотики, науки о телесном поведении людей в коммуникации и о соотношении невербальных знаковых кодов с естественным языком [Крейдлин 2002].

Мы, ученицы Григория Ефимовича – ГЕКа, как он часто подписывался (и как его называли между собой студенты), – пришли к нему в начале 2000-х. В то время он уже был доктором наук, профессором, признанным авторитетом в своей области, а слава о его студенческом семинаре гремела далеко за пределами РГУ. Все, что делал ГЕК до тех пор, мы можем проследить лишь пунктиром – по его текстам и биографическим заметкам. Примерно как дети, которые лишь понаслышке знают о той жизни, что была до них у родителей.

В 1969 г. Г.Е. Крейдлин окончил отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ (далее – ОСиПЛ), после университета работал в отделе семиотики ВИНТИ, где в 1979 г. под руководством Е.В. Падучевой защитил кандидатскую диссертацию на тему «Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения)» [Крейдлин 1979]. Занимался лексикографическим описанием, семантическим и синтаксическим анализом служебных слов (в частности, лексем *какой* и *даже*), структурой афоризмов и метафоризацией слов в языке (см., например, [Крейдлин 1985; Крейдлин 1990; Крейдлин 1997; Крейдлин, Рахилина 1984]). В 1982 г. был вынужден уйти из ВИНТИ и занялся преподаванием – в средней школе, затем в гимназии и лицее. Продолжить академическую карьеру ГЕК

смог лишь в начале 1990-х, когда был основан РГГУ. Вместе с А.Н. Барулиным он стоял у истоков факультета теоретической и прикладной лингвистики, на базе которого в 2000 г. был создан Институт лингвистики РГГУ.

По публикациям ГЕКа можно видеть, как менялась сфера его научных интересов. Так, в начале 1990-х он углубляется в исследование отдельных аспектов прагматики (в том числе вместе с А.Н. Барановым пишет об иллюкутивном вынуждении в диалоге [Баранов, Крейдлин 1992]), изучает таксономические единицы в тексте [Крейдлин 1993], отдает дань только начавшему захватывать умы анализу языковых концептов [Крейдлин 1992]. Параллельно, обобщая свой опыт преподавания математики (!) в школе, размышляет о подъязыках точных наук и о способах доступного объяснения основ математической логики учащимся-гуманитариям. По итогам этих исследований ГЕК совместно с А.Д. Шмелевым выпустил научно-популярную книгу «Математика помогает лингвистике»¹.

Поле деятельности ГЕКа расширяется в сторону невербальной семиотики: помимо анализа конкретных языковых единиц он занимается исследованием экстралингвистических средств коммуникации и тех смыслов, которые в них вкладывают люди. К этому же периоду относятся первые статьи о разных аспектах телесного поведения: тело в языке и культуре, характеристики голоса и тона, стереотипы возраста в диалоге и так далее [Крейдлин 1996; Крейдлин 2000а].

В 2001 г. вышел «Словарь языка русских жестов»² – первый и на сегодняшний день единственный из известных нам жестовых словарей, в котором с максимальной полнотой и систематичностью представлены лексикографические описания русских бытовых жестов. Словарь вырос, как вспоминают очевидцы, из занятий ГЕКа на Летней лингвистической школе. Вот как об этом рассказывал он сам: «Однажды я попал в Летнюю лингвистическую школу в Дубне, куда взрослые приехали с детьми <...> Сначала мы рисовали солнышко и эмоции самые разные, которые солнце способно выражать. Дети тоже были самого разного возраста – от 7 до 12 лет. А потом я говорю: “А чем мы дальше будем заниматься? Давайте строить какой-нибудь словарь”. – “Какой?” – “Давайте словарь

¹ Крейдлин Г.Е., Шмелев А.Д. Математика помогает лингвистике. М.: Просвещение, 1994. 176 с.

² Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. 256 с.

жестов”. Почему мне это пришло в голову – я сам не знаю. Вот так с нуля и начали мы строить словарь языка русских жестов»³.

Годом позже ГЕК обобщил результаты своих исследований в области невербальной семиотики в одноименной монографии [Крейдлин 2002], которая была написана с опорой на докторскую диссертацию, защищенную в РГГУ в 2000 г. [Крейдлин 2000б].

Безусловно, ГЕК не был первым, кто заинтересовался телесным поведением людей и его представлением в языке; в числе своих учителей и вдохновителей он называл А.А. Реформатского, Б.А. Успенского, Р. Бирдвистела, А. Вежбицкую. Однако именно ГЕК впервые изложил эту информацию системно и популярно для русскоязычного читателя, создал понятийный и терминологический аппарат невербальной семиотики и переложил релевантные наблюдения зарубежных коллег на русский языковой материал, предварительно их проверив, а затем существенно расширив и дополнив. Ему принадлежит, например, идея семиотической концептуализации тела в языке – совокупность представлений носителей бытового языка (не специалистов – биологов, врачей, физиологов и т. д.) о теле, его составе и функциях. Он же разработал признаковый подход, позволяющий не только всесторонне анализировать соматическую лексику, но и сопоставлять ее со знаками невербальных семиотических кодов в рамках единой методологии. Многочисленные примеры показывают, что языковые и жестовые единицы участвуют в коммуникации не порознь, а согласованно. Так, одна из функций плеч в русской культуре – служить разделителем времени [Крейдлин, Летучий 2006, с. 106–109] – проявляется в обоих знаковых кодах: мы не только говорим, что *за плечами* человека находится его прошлое (ср.: *У него за плечами пятьдесят лет трудового стажа*), но и указываем большим пальцем или кистью руки за плечи, рассказывая о прошедших событиях. Именно эта согласованность и позволяет построить метаязык и схему описания, пригодные для единообразного представления тела и его частей в естественном языке и невербальных семиотических кодах. К работе привлекался материал русского языка (2007–2009 гг.), а позже – самых разных языков и культур (2010–2012 гг.).

Как раз в тот период, когда минимальная научная база невербальной семиотики была готова и ГЕК продолжал увлеченно двигаться во всех направлениях, с энтузиазмом вовлекая в этот процесс коллег и учеников, к нему на семинар пришли – с разницей

³ Жукова Л. «Студентам могу предложить только “кровь, пот и слезы”»: Интервью с Г.Е. Крейдлиным. Проект “Booknik”. 2012. 4 дек. URL: <https://booknik.ru/today/faces/kreydlin> (дата обращения: 27.08.2025).

в несколько лет – две студентки. Нам повезло: мы имели возможность следить за работой ГЕКа и учиться у него. Поэтому дальше мы хотим рассказать о том, чему были свидетелями, и что, на наш взгляд, отличало Крейдлина-ученого и Крейдлина-учителя.

Прежде всего поражает невероятная широта его научных интересов. ГЕК, как человек эпохи Возрождения, занимался многими, казалось бы, несовместимыми вещами, но делал это одинаково глубоко и тщательно. Сама невербальная семиотика понималась им как наука, теснее всего связанная с лингвистикой (материалом, методами, ключевыми понятиями), но пересекающаяся с другими областями гуманитарного и естественнонаучного знания: культурологией, историей, философией, биологией, медициной.

К примеру, ГЕКа интересовала такая разновидность коммуникации, как диалог врача и пациента. Среди его близких друзей и родственников были известные врачи: так, его двоюродный брат Юлий Крейдлин был не только известным писателем, но и опытным хирургом. Благодаря этому у ГЕКа была возможность наблюдать эти диалоги вживую, часами просиживая в медицинском кабинете. Понимая, как важно «лечить больного, а не болезнь», ГЕК подчеркивал, что для правильной диагностики и назначения эффективной терапии врачу необходимо принимать во внимание то, как человек рассказывает о своей болезни и какими жестами сопровождает свои слова. В этой связи возникало сразу несколько задач на стыке лингвистики и семиотики – толкование слов *боль* и *болезнь* и их синонимов, сопоставление наивных и научных представлений о болях и болезнях и разных способов говорить о них; разработка общего для врача и пациента языка, который способствовал бы достижению взаимопонимания; описание разнообразных телесных манифестаций боли – жестов, поз, знаковых телодвижений, взглядов и выражений лица. Попытки решить некоторые из этих задач были предприняты в работах [Крейдлин 2015; Крейдлин и др. 2020].

Еще один коммуникативный жанр, ставший предметом изучения ГЕКа, – академическая лекция. На материале видеозаписей лекций преподавателей РГГУ, сделанных его студенткой П.Б. Печерской, видеозаписей его французской стажерки Флоранс Рико-Кассар, а также своих собственных наблюдений ГЕК описал ряд дидактических жестовых ударений (движений рук, выделяющих определенный фрагмент речи) и указательных жестов, рассмотрел механизмы их взаимодействия с речевыми актами и высказываниями разной иллокутивной силы. По этим темам он выступил с серией докладов на конференции «Диалог» [Крейдлин 2006; Крейдлин 2007; Крейдлин 2008а].

Отдельную область интересов ГЕКа составляли точки пересечения вербальных и невербальных знаковых кодов – в частности, жестовая фразеология. В соавторстве с А.Д. Козеренко был написан ряд статей, посвященных жестовым фразеологизмам (фразеологизмам, являющимся семантическими дериватами русских жестов) [Козеренко, Крейдлин 1999; Козеренко, Крейдлин 2011] и фразеологическим соматизмам (фразеологизмам, в состав которых входят имена соматических объектов или их признаков), связанным с идеей молчания [Козеренко, Крейдлин 2021; Козеренко, Крейдлин 2023а; Козеренко, Крейдлин 2023б; Козеренко, Крейдлин 2024]. Объектом исследования в работах 2020-х гг. являются устойчивые выражения со словом *язык* – *держат язык за зубами, слова не идут / не сходят с языка, вертеться на языке* и др. Описание некоторых из этих фразеологизмов было начато еще в 2002–2003 гг. на студенческом научном семинаре по невербальной семиотике, неизменно проходившем на кафедре русского языка РГГУ по понедельникам. ГЕК надеялся по итогам обсуждений написать большую коллективную работу «Язык в русской картине мира», однако, к сожалению, эти планы не удалось реализовать. Еще одному соматическому объекту, играющему важную роль во фразеологии, – сердцу – и его концептуализации в русской и испанской культурах были посвящены совместные работы с Е.С. Листратовой [Крейдлин, Листратова 2022; Крейдлин, Листратова 2024].

Нельзя не отметить интерес ГЕКа к жестам и позам в разных видах искусства – танце, живописи, театре [Крейдлин 2008б; Крейдлин 2008в; Крейдлин 2011а; Крейдлин 2012]. Он уделял внимание не только собственно семантике невербальных знаков, но и их композиции, а также телесному диалогу персонажей, демонстрирующему их отношения и характеры. Однажды он провел более шести часов в Милане в трапезной монастыря Санта-Мария-делле-Грацие, где находится знаменитая роспись Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Впоследствии ГЕК посвятил этой фреске подробное исследование, лежащее на пересечении библеистики, искусствоведения и невербальной семиотики [Крейдлин 2005, ч. 5, § 3–4].

ГЕКу довелось много путешествовать: он побывал в Америке, Австралии, Израиле, в разных странах Европы, СНГ и городах России. Он любил попадать в необычные и редкие места («В незнакомом городе я сажусь на произвольный автобус и доезжаю до последней остановки. Потом возвращаюсь пешком. Прекрасный способ узнать много интересного»). Где бы он ни был, он внимательно наблюдал за жизнью людей – их привычками, ритуалами, манерой поведения. Вернувшись, он с удовольствием рассказывал на своих семинарах об увиденных жестах и телесной коммуника-

ции в быту – о приветствиях чилийцев, о культурных ценностях финнов и о специфически финской позе, идиоматически называемой «увидел море», о манере поведения в гостях молодых американских студентов, о казахском жесте стыда *уципнуть* (себя или адресата) *за щеку*... Эти наблюдения отразились в его работах – см. главным образом [Крейдлин и др. 2020, т. 1, гл. 4, § 3], а также статьи о финской невербальной культуре [Крейдлин 2008г; Крейдлин 2008д; Крейдлин 2009а; Крейдлин 2009б].

Ряд исследований ГЕКа посвящен невербальному этикету и ритуалам [Крейдлин 2003; Крейдлин, Переверзева 2013], невербальным проявлениям агрессии [Крейдлин 2004а] и невербальным знакам дружбы и любви [Крейдлин 2004б]⁴. По этим темам под его руководством были защищены две кандидатские диссертации, одна из которых посвящена проблемам соотношения невербального этикета с вербальным [Морозова 2006], другая – описанию категорий вежливости/невежливости в русской культуре [Хесед 2013]. Занимался он и исторической реконструкцией жестов на материале литературных произведений [Крейдлин 2011б].

ГЕК написал свыше 300 статей, из них порядка 200 – о разных аспектах невербальной семиотики на русском и иноязычном материале. Обобщающим, хотя и не исчерпывающим, итогом этих трудов стала коллективная монография «Язык и семиотика тела», вышедшая в 2020 г. [Крейдлин и др. 2020]. Некоторые сюжеты вылились в отдельные крупные публикации. Так, невербальному поведению мужчин и женщин посвящена книга [Крейдлин 2005].

ГЕК любил работать на стыке дисциплин и привносить свой взгляд в, казалось бы, далекие от его сферы деятельности проекты. Совместно с исследовательской группой под руководством профессора Л.А. Араевой из Кемеровского государственного университета он занимался описанием языковой картины мира телеутов. А вместе с Е.В. Евсеевой, профессором Сибирского Федерального Университета, проводил фреймовый анализ русской соматической лексики. Увлечение математикой, которое ГЕК пронес через всю жизнь и смог талантливо соединить со своей «основной» страстью – лингвистикой, – нашло отражение в цикле статей, написанных в соавторстве с Г.Б. Шабатом: о соотношении естественного и научного языков, о подязыке геометрии, о проблемах «перевода» с «математического» языка на бытовой – см., например, [Крейдлин, Шабат 2007; Крейдлин, Шабат 2011; Крейдлин, Шабат 2016;

⁴ См. также: Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Дружеские и любовные жесты // Лингвистика для всех: XII Летняя лингвистическая школа. М.: МЦНМО, 2025. С. 89–101.

Крейдлин, Шабат 2017; Крейдлин, Шабат 2020]. Ученые практически окончили работу над монографией, последний год готовили рукопись к изданию. Отметим, что интерес ГЕКа к математике неслучаен – его отец, Ефим Григорьевич Крейдлин, был талантливым учителем математики; сам Г.Е. еще в старших классах проявил способности к этому предмету и по совету отца поступил на механико-математический факультет МГУ, что удавалось немногим. Несмотря на то, что желание заниматься лингвистикой в конце концов оказалось сильнее и Г.Е. перевелся с мехмата на ОСиПЛ, математика оставалась с ним всегда: он был замечательным репетитором, составителем учебных пособий для поступающих в РГГУ и автором научных и научно-популярных работ на пересечении математики и лингвистики.

Открытия и достижения, особенно в невербальной семиотике, ГЕК считал необходимым распространять и популяризировать. Вместе с М.А. Кронгаузом он написал экспериментальное учебное пособие «Семиотика, или азбука общения»⁵. На основе монографии «Невербальная семиотика» читал курсы школьникам (например, с 1997 г. – учащимся Отделения теории и истории мировой культуры в гимназии № 1514) и студентам – не только в РГГУ, но и в НИУ ВШЭ, СПбГУ, Сибирском федеральном университете, Лесосибирском педагогическом институте, Кемеровском государственном университете и других вузах. Параллельно – как специалист широкого профиля – он в одном только Институте лингвистики в разные годы вел такие курсы, как лексикография, лексикология, семантика, введение в языкознание, теория диалога, логический анализ языка – и все это делал с глубоким знанием предмета и особым авторским шиком.

А уж сколько раз он приезжал с «гостевыми» лекциями, выступал на радио и телевидении, на конференциях и круглых столах! На его персональной странице на сайте РГГУ представлен краткий, но впечатляющий список вузов, где в разные годы он был приглашенным преподавателем: Южный федеральный университет, Новосибирский, Бийский, Благовещенский государственные университеты; колледж Уэллсли, Йельский, Мичиганский, Рочестерский университеты в США, университет Маккуори в Сиднее, университеты Болоньи, Берлина, Потсдама, Франкфурта, Йены, Вены, Клагенфурта, Граца, Лондона, Варшавы, Алма-Аты... В Интернете можно найти выступления ГЕКа на семинаре Т.В. Черниговской по

⁵ Крейдлин Г.Е., Кронгауз М.А. Семиотика, или азбука общения: Экспериментальное учебное пособие для учащихся V–VII классов. М.: Московский ин-т развития образовательных систем, 1997. 267 с.

когнитивным исследованиям в СПбГУ, на телевидении в ее же авторской программе «Ночь. Интеллект» на «Пятом канале», в передаче «Правила жизни» на канале «Культура». Сохранились записи для проекта «ПостНаука», эфиры на «Эхе Москвы», интервью для «Грамоты.ру», «Русского мира», «Больших идей» и других СМИ.

ГЕК успешно сочетал ипостаси «кабинетного» ученого и популяризатора. Он объяснял сложные вещи простым языком, приводил яркие и озорные примеры, но от этого его идеи и гипотезы не становились недостоверными или менее серьезными. А еще он все успевал. Без потери качества умудрялся преподавать, выступать на конференциях в России и за границей, писать до десяти статей в год, руководить дипломниками и аспирантами, подавать заявки на гранты и привлекать к работе над ними младших коллег. Он был постоянным участником «Диалога», Готовских и Шмелевских чтений, не говоря уже о ежегодных конференциях Института лингвистики РГГУ; много лет без него не обходилась ни одна Летняя Лингвистическая Школа, а его статьи украшали сборники в честь знаменитых лингвистов-юбиляров.

В одном из интервью ГЕК сказал: «Сюжетов, тем и нерешенных проблем очень много, но что я еще успею? Мне нужно, чтобы меня подхватили»⁶. Действительно, для него никогда не стоял вопрос «о чем писать». На каждом семинаре он буквально фонтанировал идеями и восклицал: «Из этого получится отличная статья, ну, кто возьмется? Давайте вместе напишем». Так он и учил нас: садился рядом и помогал писать тексты. Он был необыкновенно терпелив. Щедро дарил внимание и время, любил повторять, что «дружба – понятие круглосуточное», не отказывал в помощи. Какие-то свои соображения предлагал ученику включить в диплом или диссертацию («Дарю!»). Мог позвонить внезапно вечером: «Я нашел очень удачный пример для вашей работы...». «Диплом не стал для меня кошмаром, – вспоминала одна из его учениц, – благодаря любви, которую вложил в эту работу ГЕК». Он заражал энтузиазмом, увлекал, вызывал на спор, заставлял думать над каждой фразой, сомневаться, проверять, переписывать, чтобы стало лучше. А еще доказывал, что заниматься невербальной семиотикой, языком, лингвистикой и – шире – наукой можно просто потому, что это интересно. Без оглядки на непрофильное образование, другую специальность или работу.

⁶ Голованов В. «Мне нужно, чтобы меня подхватили»: Интервью с Г.Е. Крейдлиным // Русский мир. 2014. Май. URL: <https://rusmir.media/2014/05/01/zhesty?ysclid=met2etz6nw928901408> (дата обращения: 27.08.2025).

ГЕК был веселым и обаятельным собеседником, щедрым на комплименты, мимолетные шутки и остроты. «Введите! Ой, войдите!» – отзывался он, когда в дверь кафедры кто-то стучался. Если студентка приносила на семинар его любимую газированную «Бонакву», встречал ее словами: «Ко мне девушка идет, бедрами сверкая, и бутылочку несет – маладэц какая!» На звонки всегда отвечал так: «Лучшая кафедра РГГУ слушает!» Или так: «Кафэдра рюсский язык!»

Охотно смеялся над самим собой. Однажды в начале учебного года он провел пару со студентами. На следующей неделе пришел в то же время в ту же аудиторию – и обнаружил там другого преподавателя. Тот спокойно вышел с ГЕКом из аудитории и подвел его к расписанию: в соответствующей клетке стояли маленькие буквы «ч/н». Сначала Григорий Ефимович возмутился: «Почему я должен знать, что такое “че-дробь-эн”? Мало ли какие иероглифы тут у вас написаны!» Но когда ему объяснили, что «ч/н» значит «через неделю» (т. е. «раз в две недели»), смирился, а через некоторое время уже рассказывал всем эту историю, начиная ее словами «Знаете, кто самый-самый большой идиот? Это я!»⁷. Студенты помнят его любимую присказку: «Кто во всем виноват? Три-четыре – Гри-го-рий Е-фи-мо-вич!»

ГЕК собирал публикации анекдотов в газетах в журналах, вырезал их и клеивал в большие тетради (эту традицию завел его отец). Относился к этой коллекции серьезно и трепетно: уезжая на конференцию, просил своих аспирантов купить ему очередные выпуски «Колеса смеха» или «Шутки за шуткой», чтобы ничего не пропустить. Задумывал по своим материалам большую работу «Телесность в юморе», но не смог реализовать ее в полной мере⁸.

ГЕК терпеть не мог опаздывать сам и не любил, когда опаздывали другие. Рассказывал, что, если девушка, которой было назначено свидание, задерживалась на полчаса, он разворачивался и уходил. Ничто не нервировало его так, как близкий дедлайн, поэтому заявки на конференции и статьи он подавал намного заранее. Даже на

⁷ Пересказано со слов И.Б. Иткина, тогда совсем юного студента, слышавшего эту историю от самого ГЕКа именно с такой преамбулой.

⁸ Частично этой темой под руководством ГЕКа на материале анекдотов и русских переводов лимериков занималась С.И. Переверзева – она провела два семинара на Летней лингвистической школе «Тело и телесность в юмористических текстах» (2009 г.) и лекцию на Летней экологической школе «Человеческое тело в зеркале юмора» (2011 г.). См. также работу Г.Е. в соавторстве с Е.Я. Шмелевой [Крейдли, Шмелева 2007], в которой вводится и обсуждается понятие анекдота с невербальной доминантой.

деловую встречу на кафедре приходил раньше оговоренного времени. Опоздавший минут на 10 ученик-соавтор нередко заставлял его за онлайн-партией в шахматы (играл ГЕК превосходно и всегда с упоением) – и прямо в дверях получал добродушно-ехидный выговор. Оправданием мог послужить разве что кусок лимонного пирога, купленный по дороге, за которым следовал свежезаваренный чай («Настоящий чай должен быть горячий, как поцелуй прекрасной девушки!»), непременно крепкий (способ заваривать чай, положив в чашку два пакетика, назывался «чай Крейдлина»). После чая начиналась многочасовая работа.

ГЕК мечтал о собственной школе и о последователях. И хотя многие его студенты в итоге пошли своим путем, первые шаги в науке они, то есть мы, делали вместе с ним. Где бы мы ни были и чем бы ни занимались, его слова, вынесенные в заглавие этих заметок, по-прежнему отзываются в нас.

Литература

- Баранов, Крейдлин 1992 – Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Козеренко, Крейдлин 1999 – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 269–277.
- Козеренко, Крейдлин 2011 – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
- Козеренко, Крейдлин 2021 – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 53–65.
- Козеренко, Крейдлин 2023а – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Виды молчания и фразеологические соматизмы // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: Доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой. Калуга: Калужский государственного ун-т им. К.Э. Циолковского, 2023. С. 164–176.
- Козеренко, Крейдлин 2023б – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеология молчания: *держат язык за зубами* // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 21–36.
- Козеренко, Крейдлин 2024 – Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы со словом *язык*: на границе речи и молчания // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 12. С. 62–72.

- Крейдлин 1979 – *Крейдлин Г.Е.* Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения): дис. ... канд. филол. наук. Всесоюзный ин-т научной и технической информации РАН. М., 1979. 301 с.
- Крейдлин 1985 – *Крейдлин Г.Е.* Структура афоризма // Проблемы структурной лингвистики: 1985–1987 / отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1989. С. 196–206.
- Крейдлин 1990 – *Крейдлин Г.Е.* Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тожество и подобие: Сравнение и идентификация / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1990. С. 124–139.
- Крейдлин 1992 – *Крейдлин Г.Е.* К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs. «предназначение» // Логический анализ языка: Модели действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1992. С. 23–30.
- Крейдлин 1993 – *Крейдлин Г.Е.* Таксономия и аксиология в языке и тексте (предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка: Ментальные действия / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1993. С. 30–39.
- Крейдлин 1996 – *Крейдлин Г.Е.* Стереотипы возраста // Wiener Slawistischer Almanach. 1996. Т. 37. С. 207–218.
- Крейдлин 1997 – *Крейдлин Г.Е.* Лексема *даже* // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 108–120.
- Крейдлин 2000а – *Крейдлин Г.Е.* Голос и тон в языке и речи // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 453–501.
- Крейдлин 2000б – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: дис. ... д-ра филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2000. 385 с.
- Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с. (Научная библиотека)
- Крейдлин 2003 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальный этикет: невербальные приветствия и прощания // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2. С. 53–66.
- Крейдлин 2004а – *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в диалоге II: невербальная агрессия как тип поведения // Агрессия в языке и речи / отв. ред. И.А. Шаронов. М.: РГГУ, 2004. С. 174–187.
- Крейдлин 2004б – *Крейдлин Г.Е.* Вербальный и невербальный акты подбадривания // Семантика и прагматика языковых единиц / отв. ред. А.Н. Еремин. Калуга: КГПУ им. Е.Э. Циолковского, 2004. С. 187–193.
- Крейдлин 2005 – *Крейдлин Г.Е.* Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 223 с. (Studia philologica. Series minor)
- Крейдлин 2006 – *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Труды Международной конференции «Диалог 2006»: компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2006. С. 290–296.
- Крейдлин 2007 – *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге II: А. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2007» / под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. М.: РГГУ, 2007. С. 300–327.

- Крейдлин 2008а – *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II: Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 248–253.
- Крейдлин 2008б – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная коммуникация в театре и живописи // *Alato Academic Studies*. 2008. Vol. 3. № 1. P. 40–49.
- Крейдлин 2008в – *Крейдлин Г.Е.* Жесты в языке, танцах, театре и живописи // *Лингвистика для всех: Летние лингвистические школы 2005 и 2006 / ред.-сост. Е.В. Муравенко, О.Ю. Шеманаева.* М.: Изд-во Московского центра непрерывного математического образования (МЦНМО), 2008. С. 118–136.
- Крейдлин 2008г – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная знаковая коммуникация в типологическом аспекте I: Русские и финские рукопожатия // *Язык – сознание – культура – социум: Сб. докладов и сообщений Международной научной конференции памяти профессора Саратовского государственного университета Ильи Наумовича Горелова.* Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 604–610.
- Крейдлин 2008д – *Крейдлин Г.Е.* О некоторых особенностях финской и русской городских невербальных культур // *Язык современного города: Тезисы докладов Международной конференции.* М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2008. С. 90–93.
- Крейдлин 2009а – *Крейдлин Г.Е.* Русские и финские модели невербального поведения – проблемы интерпретации одного класса жестов // *Понимание в коммуникации / сост. Е.Г. Борисова.* Т. 2. М.: МГПУ, 2009. С. 6–14.
- Крейдлин 2009б – *Крейдлин Г.Е.* Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: финская и русская жестовые системы // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.).* Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 224–229.
- Крейдлин 2011а – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика и театр // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств.* 2011. № 14. С. 40–48.
- Крейдлин 2011б – *Крейдлин Г.Е.* Невербальный диалог в истории кинесики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.).* Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. С. 349–359.
- Крейдлин 2012 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика в языке театральных пьес (проблемы сценической коммуникации) // *Логический анализ языка: Адресация дискурса.* М.: Индрик, 2012. С. 293–302.
- Крейдлин 2015 – *Крейдлин Г.Е.* Коммуникация врача с пациентом во время первичного приема: разговор о боли и болезни // *Русский язык сегодня.* Вып. 6: Речевые жанры современного общения / отв. ред. А.В. Занадворова. М.: Флинта, 2015. С. 147–174.

- Крейдлин и др. 2020 – Язык и семиотика тела: В 2 т. / Г.Е. Крейдлин, П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед; отв. ред. Г.Е. Крейдлин. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 670 с.; Т. 2. 481 с. (Научная библиотека)
- Крейдлин, Летучий 2006 – *Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б.* Концептуализация частей тела в русском языке и в невербальных семиотических кодах // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 80–115.
- Крейдлин, Листратова 2022 – *Крейдлин Г.Е., Листратова Е.С.* Общие и национально-специфичные черты телесных объектов (по данным фразеологии двух языков: испанского и русского) // Лингвокультурное и коммуникационное пространство человека: (К юбилею профессора Фаины Иосифовны Карташковой) / Е.А. Вансяцкая, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Листратова, Д.А. Романов, Ф.И. Карташкова; отв. ред. Е.А. Вансяцкая. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2022. С. 6–14.
- Крейдлин, Листратова 2024 – *Крейдлин Г.Е., Листратова Е.С.* Семиотическая концептуализация тела и сравнительная фразеология // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 5. С. 70–83.
- Крейдлин, Переверзева 2013 – *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Невербальные ритуалы и их разновидности // Ритуал в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2013. С. 105–118.
- Крейдлин, Рахилина 1984 – *Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В.* Семантический анализ вопросно-ответных структур со словом *какой* // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 5. С. 457–470.
- Крейдлин, Шабат 2007 – *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Теорема как вид текста: I. Понятность // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2007. № 8. С. 102–112.
- Крейдлин, Шабат 2011 – *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Теорема как вид текста: II. Когнитивные операции над формулировками теорем // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание. Московский лингвистический журнал. Т. 13». 2011. № 11 (73). С. 241–270.
- Крейдлин, Шабат 2016 – *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Естественный язык и язык геометрических чертежей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июня 2016 г.). М.: РГГУ, 2016. С. 326–339.
- Крейдлин, Шабат 2017 – *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Формальный язык геометрии как знаковая система: I. Элементарный синтаксис // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 11 (32). С. 69–87.
- Крейдлин, Шабат 2020 – *Крейдлин Г.Е., Шабат Г.Б.* Лексика языка науки: соответствие и противоречие здравому смыслу // Абсурд в языке и коммуникации / отв. ред. Л.Л. Федорова. М.: РГГУ, 2020. С. 21–33.
- Крейдлин, Шмелева 2007 – *Крейдлин Г.Е., Шмелева Е.Я.* Вербальные и невербальные элементы анекдота // Логический анализ языка: Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 509–519.

- Морозова 2006 – *Морозова Е.Б.* Невербальный этикет в его соотношении с вербальным: дис. ... канд. филол. наук. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2006. 183 с.
- Хесед 2013 – *Хесед Л.А.* Типы вежливого и невежливого поведения и их знаковые характеристики: дис. ... канд. филол. наук. Российский государственный гуманитарный университет. М., 2013. 252 с.

References

- Baranov, A.N. and Kreydlin, G.E. (1992), “Illocutionary coercion in the structure of dialogue”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 84–99.
- Khesed, L.A. (2013), *Tipy vezhlivogo i nevezhlivogo povedeniya i ikh znakovye kharakteristiki* [Types of polite and impolite behavior and their semiotic characteristics], Ph.D. Thesis (Philology), RGGU, Moscow, Russia.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (1999), “The body as an object of nature and the body as an object of culture (on the semantics of phraseological units built on the basis of gestures)”, in Teliya, V.N., ed., *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 269–277.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (2011), “Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 6, pp. 54–66.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (2021), “Phraseological units as markers of non-cooperative behavior of dialogue participants”, *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 53–65.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (2023), “Kinds of silence and phraseological somatisms”, in *Problemy lingvisticheskoi semantiki i pragmatiki yazykovykh edinits raznykh urovnei: Doklady Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora Ol'gi Pavlovny Ermakovo* [Problems of linguistic semantics and pragmatics of language units of different levels. Reports of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, professor Olga Pavlovna Ermakova], Kaluzhskii gosudarstvennogo universitet imeni K.E. Tsiolkovskogo, Kaluga, Russia, pp. 164–176.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (2023), “The phraseology of silence: to hold one's tongue behind teeth”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, pp. 21–36.
- Kozerenko, A.D. and Kreydlin, G.E. (2024), “Phraseological somatic units with the word *yazyk* (tongue). on the border of speech and silence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 12, pp. 62–72.
- Kreydlin, G.E. (1979), *Sluzhebnye slova v russkom yazyke (semanticheskie i sintaksicheskie aspekty ikh izucheniya)* [Function words in the Russian language (semantic and syntactic aspects of their study)], Ph.D. Thesis (Philology), Vsesoyuznyi institut nauchnoi i tekhnicheskoi informatsii RAN, Moscow, USSR.

- Kreydlin, G.E. (1985), "The structure of aphorism", in Grigor'ev, V.P., ed., *Problemy strukturnoi lingvistiki* [Problems of structural linguistics], Nauka, Moscow, USSR, pp. 196–206.
- Kreydlin, G.E. (1990), "Some ways and types of metaphorization of words in language", in Arutyunova, N.D., ed., *Tozhdestvo i podobie: Sravnenie i identifikatsiya* [Identity and similarity. Comparison and identification], Nauka, Moscow, USSR, pp. 124–139.
- Kreydlin, G.E. (1992), "On the problem of linguistic analysis of the concepts 'goal' vs. 'purpose' ", in Arutyunova, N.D. and Ryabtseva, N.K., eds., *Logicheskii analiz yazyka: Modeli deistviya* [Logical analysis of language. Models of action], Nauka, Moscow, Russia, pp. 23–30.
- Kreydlin, G.E. (1993), "Taxonomy and axiology in language and text (proposals for taxonomic characterization)", in Arutyunova, N.D., eds., *Logicheskii analiz yazyka: Mental'nye deistviya* [Logical analysis of language. Mental actions], Nauka, Moscow, Russia, pp. 30–39.
- Kreydlin, G.E. (1996), "Age stereotypes", *Wiener Slavistischer Almanach*, vol. 37, pp. 207–218.
- Kreydlin, G.E. (1997), "The lexeme *dazhe*", *Semiotics and informatics*, no. 35, pp. 108–120.
- Kreydlin, G.E. (2000), "Voice and tone in language and speech", in Arutyunova, N.D., ed., *Yazyk o yazyke* [Language about language], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 453–501.
- Kreydlin, G.E. (2000), *Neverbal'naya semiotika v ee sootnoshenii s verbal'noi* [Nonverbal semiotics in its relationship with verbal], D. Sc. Thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Kreydlin, G.E. (2002), *Neverbal'naya semiotika. Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics. Body language and natural language], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Nauchnaya biblioteka*)
- Kreydlin, G.E. (2003), "Nonverbal etiquette: nonverbal greetings and farewells", *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*, vol. 7, no. 2, pp. 53–66.
- Kreydlin, G.E. (2004), "Men and women in dialogue II: non-verbal aggression as a type of behavior", in Sharonov, I.A., ed., *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech], RGGU, Moscow, Russia, pp. 174–187.
- Kreydlin, G.E. (2004), "Verbal and nonverbal acts of encouragement", in Eremin, A.N., ed., *Semantika i pragmatika yazykovykh edinit* [Semantics and pragmatics of language units], KGPU im. E.E. Tsiolkovskogo, Kaluga, Russia, pp. 187–193.
- Kreydlin, G.E. (2005), *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noi kommunikatsii* [Men and women in nonverbal communication], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia. (*Studia philologica. Series minor*)
- Kreydlin, G.E. (2006), "Means of interaction between verbal and nonverbal sign units in a dialog I: Batons", in *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2006": komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. [Proceedings of the international conference "Dialogue 2006": computational linguistics and intellectual technologies], RGGU, Moscow, Russia, pp. 290–296.

- Kreydlin, G.E. (2007), "Mechanisms of interaction between verbal and nonverbal units in a dialog II: A. Deictic gestures and their types", in Laufer, N.I., Narin'yani, A.S. and Selegei, V.P., eds., *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2007": komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Proceedings of the international conference "Dialogue 2007": computational linguistics and intellectual technologies], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, pp. 300–327.
- Kreydlin, G.E. (2008), "Mechanisms of interaction between verbal and nonverbal units in a dialog II: B. Deictic gestures and speech acts", in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"], vol. 14, iss. 7, RGGU, Moscow, Russia, pp. 248–253.
- Kreydlin, G.E. (2008), "Nonverbal communication in theater and painting", *Alatoo Academic Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 40–49.
- Kreydlin, G.E. (2008), "Gestures in language, dance, theater and painting", in Muravenko, E.V. and Shemanaeva, O.Yu., eds., *Lingvistika dlya vsekh. Letnie lingvisticheckie shkoly 2005 i 2006* [Linguistics for everyone. Summer linguistic schools 2005 and 2006], Izdatel'stvo Moskovskogo tsentra nepreryvnogo matematicheskogo obrazovaniya (MTsNMO), Moscow, Russia, pp. 118–136.
- Kreydlin, G.E. (2008), "Nonverbal sign communication in the typological aspect I. Russian and Finnish handshakes", in *Yazyk – soznanie – kul'tura – sotsium: Sbornik dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati professora Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta Il'i Naumovicha Gorelova* [Language – consciousness – culture – society. Collected reports and messages of the International scientific conference in memory of professor I.N. Gorelov], ITs "Nauka", Saratov, Russia, pp. 604–610.
- Kreydlin, G.E. (2008), "On some features of Finnish and Russian urban nonverbal cultures", in *Yazyk sovremennogo goroda. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii* [Language of the modern city. Abstracts of reports of the International conference], V Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, Moscow, Russia, pp. 90–93.
- Kreydlin, G.E. (2009), "Russian and Finnish models of nonverbal behavior – problems of interpretation of one class of gestures", in Borisova, E.G., comp., *Ponimanie v kommunikatsii* [Understanding in communication], vol. 2. MPGU, Moscow, Russia, pp. 6–14.
- Kreydlin, G.E. (2009), "The nonverbal behavior of people of different cultures in a dialog I: Finnish and Russian gesture systems", in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009» (Bekasovo, 27–31 maya 2009 g.)*. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, 27–31 May 2009).], vol. 15, iss. 8, RGGU, Moscow, Russia, pp. 224–229.
- Kreydlin, G.E. (2011), "Nonverbal semiotics and theater", *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo*, no. 14, pp. 40–48.

- Kreydlin, G.E. (2011), “Nonverbal dialog in the history of kinesics”, in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 25–29 maya 2011 g.)* [Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, 25–29 May 2011)], vol. 17, iss. 10, RGGU, Moscow, Russia, pp. 349–359.
- Kreydlin, G.E. (2012), “Nonverbal semiotics in the language of theatrical plays (problems of stage communication)”, in *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing discourse], Indrik, Moscow, Russia, pp. 293–302.
- Kreydlin, G.E. (2015), “Physician-patient communication during the initial appointment: a conversation about pain and illness”, in Zanadvorova, A.V., ed., *Russkii yazyk segodnya* [Russian language today], iss. 6, Flinta, Moscow, Russia, pp. 147–174.
- Kreydlin, G.E., Arkad'ev, P.M., Letuchii, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2020), *Yazyk i semiotika tela* [Language and semiotics of the body], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Nauchnaya biblioteka*)
- Kreydlin, G.E. and Letuchii, A.B. (2006), “Conceptualization of body parts in the Russian language and in non-verbal semiotic codes”, *Russkii yazyk v nauchnom osvoshchenii*, vol. 12, no. 2, pp. 80–115.
- Kreydlin, G.E. and Listratova, E.S. (2022), “General and national-specific features of somatic objects (according to the phraseology of two languages: Spanish and Russian)”, in Vansyatskaya, E.A., ed., *Lingvokul'turnoe i kommunikatsionnoe prostranstvo cheloveka. (K yubileyu professora Fainy Iosifovny Kartashkovo)* [Human linguocultural and communication space. Ivanovo (On the anniversary of professor Faina Iosifovna Kartashkova)], Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, Ivanovo, Russia, pp. 6–14.
- Kreydlin, G.E. and Listratova, E.S. (2024), “Semiotic conceptualization of the body and comparative phraseology”, *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 70–83.
- Kreydlin, G.E. and Pereverzeva, S.I. (2013), “Nonverbal rituals and eheir mareties”, in *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [Ritual in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 105–118.
- Kreydlin, G.E. and Rakhilina, E.V. (1984), “Semantic analysis of question-answer structures with the word *kakoy*”, *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 43, no. 5, pp. 457–470.
- Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2007), “Theorem as a type of text: I. Understandability”, *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, no. 8, pp. 102–112.
- Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2011), “Theorem as a type of text: II. Cognitive operations on theorem formulations” // *RSUH/RGGU Bulletin. "Philological Sciences. Linguistic Series. Moscow Journal of Linguistics, vol. 13"*, vol. 73, no. 11, pp. 241–270.
- Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2016), “The natural language and the language of geometric sketches”, in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po*

- materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* (Moskva, 1–4 iyunya 2016 g.). [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Moscow, 1–4 June 2016)], vol. 22, iss. 15, RGGU, Moscow, Russia, pp. 326–339.
- Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2017), "The formal language of geometry as a semiotic system. I. Elementary syntax", *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies"*, vol. 32, no. 11, pp. 69–87.
- Kreydlin, G.E. and Shabat, G.B. (2020), "Lexicon of the language of science: correspondence and contradiction to common sense", in Fedorova, L.L., ed., *Absurd v yazyke i kommunikatsii* [Absurd in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 21–33.
- Kreydlin, G.E. and Shmeleva, E.Ya. (2007), "Verbal and nonverbal elements of a joke", in Arutyunova, N.D., ed., *Logicheskii analiz yazyka: Yazykovyye mekhanizmy komizma* [Logical analysis of language. Language mechanisms of comedy], Indrik, Moscow, Russia, pp. 509–519.
- Morozova, E.B. (2006), *Neverbal'nyi ehtiket v ego sootnoshenii s verbal'nym* [Nonverbal etiquette in its relationship with verbal], Ph.D. Thesis (Philology), RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Светлана И. Переверзева, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; P_Sveta@hotmail.com

Лидия А. Хесед, независимый исследователь, Москва, Россия, lidakhe@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana I. Pereverzeva, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; P_Sveta@hotmail.com

Lidia A. Khesed, independent researcher, Moscow, Russia, lidakhe@yandex.ru

Памяти Леонида Лейбовича Иомдина

Александра В. Чага

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия, chagachaga@gmail.com*

18 сентября 2024 г. на 78-м году жизни от нас ушел Леонид Лейбович Иомдин, замечательный ученый и педагог, специалист в области синтаксиса, семантики, лексикографии, корпусной и компьютерной лингвистики, деятельность которого много лет была связана с Институтом лингвистики РГГУ.

Леонид Лейбович был одним из главных разработчиков лингвистического процессора ЭТАП и принадлежал к «первому призыву» Московской семантической школы Ю.Д. Апресяна. Почти сорок лет он проработал в лаборатории компьютерной лингвистики в Институте проблем передачи информации РАН. Много сил он вложил в работу над глубоко размеченным корпусом русского языка СинТагРус, который создавался под его руководством [Богуславский, Иомдин и др. 2024].

Имя Леонида Лейбовича Иомдина навсегда будет связано с микросинтаксисом русского языка [Иомдин 2003, Апресян и др. 2010]. Он автор названия и теории, предлагающей принципы описания широкого круга языковых явлений, лежащих на границе словаря и грамматики. Эта теория имеет много общего с «Грамматикой конструкций» Ч. Филлмора и его коллег (см., в частности, [Goldberg 1995]) и с исследованиями в области малого синтаксиса [Апресян и др. 2010], синтаксической фразеологии [Lakoff 1974, pp. 321–344, Мельчук 1995, с. 325–346]¹, а также лингвистической семантикой в целом – в первую очередь с работами в рамках Московской семантической школы [Апресян 1995]. В течение последнего десятилетия Леонид Лейбович вел активную исследовательскую работу по описанию микросинтаксических конструкций, а параллельно с этим он, практически в одиночку, снабдил полной микросинтаксической разметкой корпус СинТагРус, ныне представленный в виде синтаксического подкорпуса НКРЯ. Удивительно, как один человек мог одновременно вести такие масштабные проекты!

© Чага А.В., 2025

¹ См. также: *Баранов А.Н. Добровольский Д.О. Основы фразеологии: Краткий курс: учебное пособие.* М.: Флинта, 307 с.

Леонид Лейбович многое успел сделать: опубликовал множество высококлассных исследований [Иомдин 2014; Иомдин 2015; Иомдин 2020; Iomdin, Avgustinova 2019], работал переводчиком-синхронистом, был одним из авторов «Нового большого англо-русского словаря» под редакцией акад. Ю.Д. Апресяна, работал в крупных европейских проектах по машинному переводу. Он преподавал теоретическую и компьютерную лингвистику в университетах Мюнхена, Праги и Барселоны, а будучи профессором РГГУ и кафедры ИППИ в МФТИ, читал курсы «Автоматический перевод», «Лингвистические основы машинного перевода», «Лингвистическая и онтологическая семантика», и все эти курсы щедро снабжались нетривиальными фактами и экскурсами, в которых раскрывалась красота и логика языка. Он привил любовь к науке нескольким поколениям студентов, обладая талантом объяснять сложные явления с помощью тщательно подобранных и на вид очень простых, но нередко парадоксальных примеров.

Большим удовольствием было слушать его лекции и ломать голову над вопросами о том, например, какая широко представленная морфологическая категория является эндемичной для русского языка? Или какое числительное может изменяться по числу? Он с юмором рассказывал о языковой неоднозначности (может быть, кто-то из его студентов улыбнется, вспомнив о компьютере, лежащем в постели). Рассказывая о синтаксисе, Леонид Лейбович знакомил нас, своих слушателей, с множеством любопытных сюжетов. Некоторым студентам именно он дал толчок к самостоятельной исследовательской работе, оказал поддержку и подарил веру в собственные силы. Он был строг и требователен, но очень внимателен и щедр, его похвала окрыляла.

Леонид Лейбович ушел из жизни полным научных планов и в самый разгар работы над объемным микросинтаксическим словарем, которому он отдал много лет жизни.

Работать с Леонидом Лейбовичем и учиться у него было счастьем. Его ценили и уважали за ответственность, тактичность, готовность прийти на помощь, твердость и доброту. Влияние его глубоких и пронизательных работ еще долго будет ощущаться в науке, а ученики и коллеги всегда будут вспоминать о нем с благодарностью и теплотой.

Литература

Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 469 с.

- Апресян и др. 2010 – *Апресян Ю.Д., Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Санников В.З.* Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
- Богуславский, Иомдин и др. 2024 – *Богуславский И.М., Дяченко П.В., Иншакова Е.С., Иомдин Л.Л. и др.* Современное состояние корпуса СинТарРус // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2024. № 4 (42). С. 141–169.
- Иомдин 2003 – *Иомдин Л.Л.* Большие проблемы малого синтаксиса // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.) / под ред. И.М. Кобозевой. Протвино, 2003. С. 216–222.
- Иомдин 2014 – *Иомдин Б.Л., Иомдин Л.Л.* Валентности русских предикатных существительных и микросинтаксические конструкции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2014 г.). М.: РГГУ, 2014. С. 219–231.
- Иомдин 2015 – *Иомдин Л.Л.* Конструкции микросинтаксиса, образованные русской лексемой «раз» // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 2015. Ročník 84. Sešit 3. S. 291–306.
- Иомдин 2020 – *Иомдин Л.Л.* Ни при чем: об одной микросинтаксической конструкции с отрицанием // *Друзья, слова, таблицы: Сборник статей в честь 75-летия А.К. Поливановой* / под ред. А.В. Кейдана. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. С. 160–168.
- Мельчук 1995 – *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл óТекст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 714 с. (Язык. Семиотика. Культура)
- Iomdin, Avgustinova 2019 – *Iomdin L., Avgustinova T.* Towards a typology of microsyntactic constructions // *Corpas Pastor, G., Mitkov, R. (ed.), Computational and corpus-based phraseology* / ed. by G.C. Pastor, R. Mitkov. Cham: Springer, 2019. P. 15–30.
- Goldberg 1995 – *Goldberg A.* *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago: The University of Chicago Press, 1995. 265 p.
- Lakoff 1974 – *Lakoff G.* *Syntactic amalgams* // *Papers from the 10th regional meeting of the Chicago Linguistic Society* / ed. by M.W. La Galy, R.A. Fox, A. Brucked. Chicago: University of Chicago, 1974. P. 321–344.

References

- Апресян, Ю.Д. (1995), *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works, vol. 2: Integral description of language and systemic lexicography], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Апресян, Ю.Д., Богуславский, И.М., Иомдин, Л.Л. and Санников, В.З. (2010), *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovyara* [Theoretical issues of Russian syntax. Interaction of the grammar and the lexicon], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia.

- Boguslavskii, I.M., Iomdin, L.L. et al. (2024), "The current state of the SynTagRus corpus", *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 141–169.
- Goldberg, A. (1995), *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Iomdin, L.L. and Iomdin, B.L. (2014), "Valencies of Russian predicate nouns and microsyntactic constructions", in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog" (Bekasovo, 4–8 iyunya 2014 g.)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (Bekasovo, 4–8 June 2014)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 219–231.
- Iomdin L.L. (2015), "Microsyntactic constructions formed by the Russian word 'raz'", *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, ročník 84, sešit 3, pp. 291–306.
- Iomdin, L.L. (2020), "Ni pri chem. A microsyntactic construction with negation", in Keidan, A., ed., *Druz'ya, slova, tablitsy: Sbornik statei v chest' 75-letiya A.K. Polivanovoi* [Collected articles commemorating 75th anniversary of A. Polivanova], Kabinetnyi uchenyi, Moscow, Ekaterinburg, Russia, pp. 160–168.
- Iomdin, L. and Avgustinova, T. (2019), "Towards a typology of microsyntactic constructions", in Pastor, G.C. and Mitkov, R., eds., *Computational and corpus-based phraseology*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 15–30.
- Lakoff, G. (1974), "Syntactic amalgams", in La Galy, M.W., Fox, R.A. and Brucked, A., eds., *Papers from the 10th regional meeting of the Chicago Linguistic Society*, University of Chicago, Chicago, USA, pp. 321–344.
- Mel'chuk, I.A. (1995), *Russkii yazyk v modeli "Smysl óTektst"* [Russian language in the Meaning ó Text model], Moscow, Russia. (*Yazyk. Semiotika. Kul'tura*)

Информация об авторе

Александра В. Чага, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; chagachaga@gmail.com

Information about the author

Aleksandra V. Chaga, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 18/2, Volkhonka St., Moscow, Russia, 119019; chagachaga@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 12
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 11.02.2026
Выход в свет 18.02.2026
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 12,0. Усл. печ. л. 13,1
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2314

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru